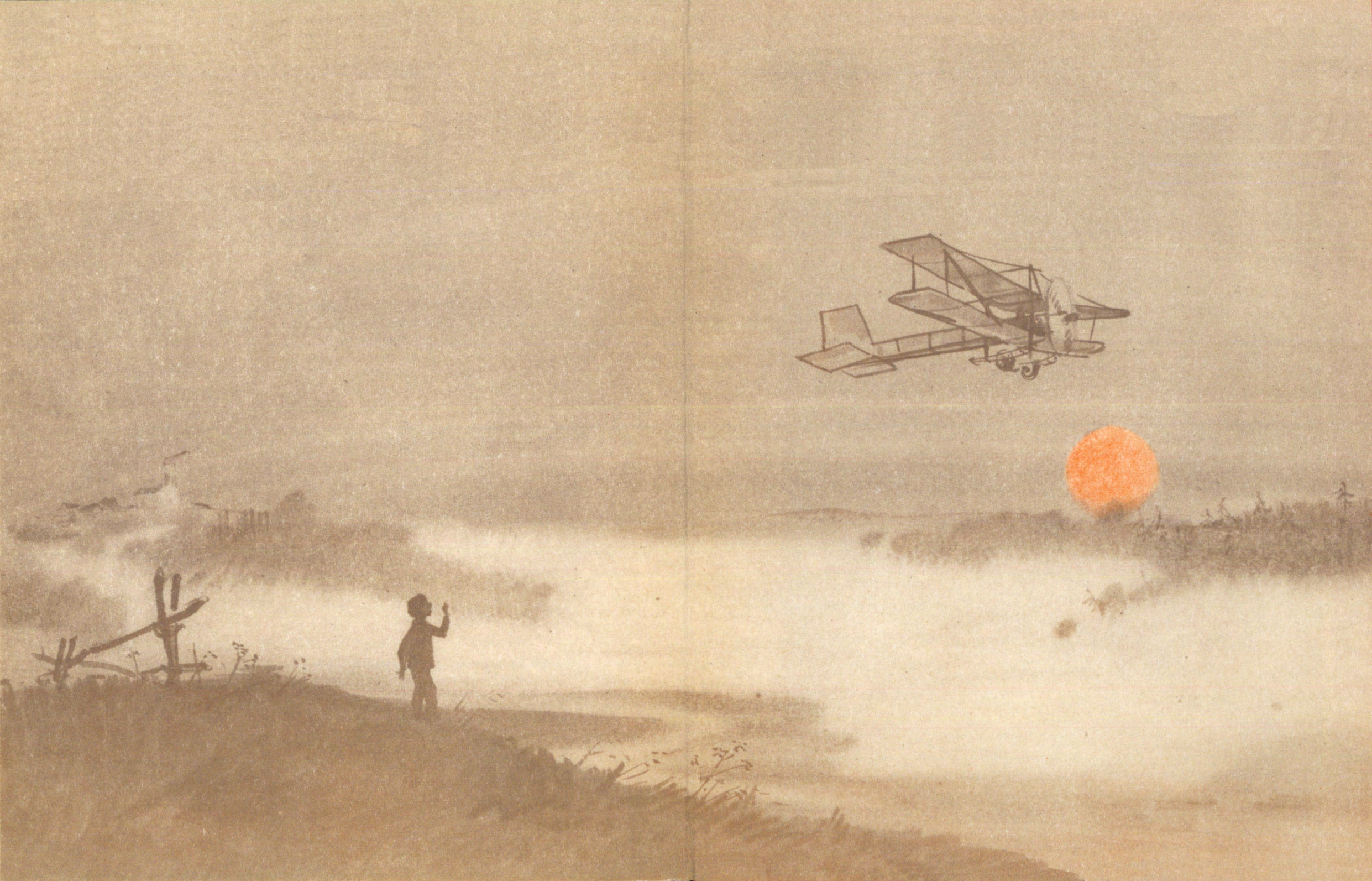

Юрий Яковлев

БЫЛ НАСТОЯЩИМ ТРУБАЧОМ

Д

Ю р и й Я к о в л е в

**БЫЛ
НАСТОЯЩИМ
ТРУБАЧОМ**

Повести и рассказы

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1976 г.

От автора

Их четверо. Четверо мальчишек. Я хочу познакомить вас с ними. Может быть, вы полюбите их, признаете своими друзьями... Может быть, захотите стать похожими на них.

Они все разные. Никогда не встречались друг с другом. Впервые встретились в этой книге. Их объединили горячее сердце, любовь к родине, желание совершить что-то очень важное для людей.

Они смелы и нетерпеливы, они ошибаются, но не отступают. О каждом из них я рассказал историю. Это «Верный друг Санчо», «Был настоящим трубочом», «Баваклава», «Мальчик с коньками».

Санчо приехал в нашу страну из далёкой Южной Америки, он стал другом наших ребят и, возвращаясь на родину, увёз на груди красный галстук пионера. В далёкой заокеанской стране этот галстук, как маленькое красное знамя, спрятанное на груди, ведёт Санчо в бой с хунтой. А Котя жил в другое время — он был маленьким бойцом революции. Он погиб от руки врага, но не отступил. Юный Шаров — наш современник. Не совершил он никаких подвигов. Но горе — смерть бабушки — пробудило в нём настоящего человека. А это очень важно. Пришёл на помощь когда-то раненному на войне человеку суровый и сдержанный, не избалованный жизнью мальчик с коньками. Пришёл, как приходят в бою на помощь раненому другу.

Вот с такой четвёркой ребят тебе, мой читатель, предстоит встретиться. Они ждут тебя в этой книге.

Рисунки Г. Мазурина

Я 70802—613 222—76
М101(03)76

БЫЛ
НАСТОЯЩИМ
ТРУБАЧОМ

Вспомните картину, на которой изображён Пётр Первый, шагающий по берегу Невы. Огромный царь яростно печатает шаги. Выпуклый лоб, глаза навывкате, усы торчат, как проволочные, ноздри раздуты. Царь спешит. Свита еле поспевает за ним. И кажется, слышно, как гремят о камни тяжёлые, кованые, с пряжками башмаки и свистит ветер, развевающий полы густо-зелёного камзола.

Теперь представьте, что картина ожила. Заплескались невские волны, и в лицо пахнуло глубинным холодом. Рослый мужчина с вьющимися, как у Петра, волосами, шагает по набережной, держа в руке, вместо треуголки, фуражку защитного цвета с алой пятиконечной звёздочкой. Камзол ему заменила красноармейская гимнастёрка. А дальше — совсем не царские и не красноармейские — брюки на выпуск и остроносые штiblеты. По-настоящему царские у него только осанка и шаг — широкий и тяжёлый.

За ним, как на известной картине, поспевают свита, состоящая из двух человек: женщины и мальчика. Женщина невысокая, смуглолицая, с коротко подстриженными волосами по моде первых лет революции. Глаза большие, словно расширенные от удивления. За ней идёт, вернее, бежит мальчик, такой смуглолицый и большеглазый, что в нём без труда можно признать сына женщины. От отца же, который по-петровски шагал впереди, мальчику достались лишь вьющиеся волосы. На мальчишке матроска с выцветшим голубым воротником и картузик, тоже выдавший виды.

Мальчика звали Котей, отца — Николаем Леонидовичем, а мать называли просто Ксаночкой, без отчества.

Котя бежал, чтобы не отстать от родителей. При этом он всё время оглядывался, потому что по мостовой с дружным аппетитным хрустом шагала отряд военморов — военных моряков. Над белыми тарелочками бескозырок поблёскивали воронёные штыки. Ветер упруго надувал кумачовый транспарант со словами: «Смерть Юденичу!»

Котя смотрел на моряков, и его глаза загорались тайным восторгом. Он представлял себя идущим в строю с тяжёлой винтовкой, которую можно сколько угодно трогать и даже стрелять из неё по врагам. Может быть, это было бы несбыточной мечтой, если бы не событие, которое произошло час назад.

Всё началось в узком дворе петроградского дома, что на Васильевском острове.

По этому двору расхаживал старый татарин с необъятным полосатым мешком за спиной. Задрав голову, он пел свою странную песенку:

Халат! Халат!
Костей, тряпок!
Бутылок! Банок!
Халат! Халат!

Котя подошёл к старьёвщику и спросил:

— Зачем вам кости и тряпки?

Старьёвщик выкатил на мальчика чёрные глаза и тихо сказал:

— Я всю жизнь собираю кости и тряпки... А теперь ни костей, ни тряпок.

В это время где-то на пятом этаже распахнулось окно, и папа на весь двор крикнул:

— Котя, быстро наверх! Тётушка дома!

Мальчик тут же юркнул в подъезд, провожаемый печальными глазами старьёвщика, который вслед ему снова пожаловался:

— А теперь ни костей, ни тряпок.

В заставленной вещами комнате в старинном плюшевом кресле бутылочного цвета сидела старушка — тётушка. Перед ней, как просители перед вельможей, стояли папа и мама. Из-за них выглядывал Котя. Он рассматривал тётушку со смешливым любопытством. Тётушка была маленькой, востроглазенькой, с сизыми колючими усиками по краям рта.

— Мальчик он послушный, — говорила мама про Котю.

— Слушается с полуслова, — добавлял папа, заискивающе глядя в глаза тётушке.

Котя же из-за спины родителей подавал тётушке тайный сигнал — отрицательно качал головой.

— Я, соколики мои, еле ноги волочу, — отвечала тётушка, предупреждённая Котей.

— Он помогать будет! — с готовностью обещал папа.

Котя изо всех сил качал головой: мол, не буду помогать.

— Он и за хлебом сходит, и дома подметёт, — вторила папе мама. «Не схожу! Не подмету!» — сигнализировал Котя старушке.

И та отвечала:

— Он больше намусорит, чем уберёт.

Было похоже, что Котя и тётушка находятся в тайном сговоре.

Тогда мама шагнула вперёд и с отчаянием сказала:

— Тётушка, дорогая, не можем же мы взять с собой мальчика на фронт!

А папа, для убедительности, протянул мандат с лиловыми печатями. Но старушка даже не взглянула на этот серьёзный документ.

— В другой раз! — решительно сказала она. — А теперь извините и увольте. Ты уж не обижайся на старую тётку, Ксаночка.

Когда удручённые отказом Котины родители покидали тётушкин дом, Котя оглянулся. Тётушка победоносно смотрела вслед уходящим. Котя кивнул ей на прощание и закрыл дверь.

Спустя некоторое время «Пётр и его свита» прошагали по Морской улице и остановились у дома с кариатидами — могучими каменными женщинами, которые на своих плечах держали массивный балкон.

Женщины-кариатиды загадочно улыбались, словно были свидетельницами заговора с тётушкой и полностью поддерживали Котю.

— Здесь! — сказал отец, и это слово прозвучало, как команда.

Все остановились. Повернулись. Вошли в подъезд.

На третьем этаже, у дубовой двери, на которой висела потемневшая медная табличка с надписью: «Артист императорских театров Петр Иннокентьевич Пархоменко», отец дёрнул за бронзовую шишечку, и где-то в глубине тонко зазвонил колокольчик. Гостям долго не открывали. Наконец послышались шаги. Щёлкнул замок, и дверь медленно отворилась. На пороге стоял тучный кудрявый мужчина в бархатном, давно не стиранном халате. В руках он держал тарелку и ложку. Артист императорских театров стоя ел суп.

— Здравствуй, брат! — воскликнул он трубным голосом и тут же отправил ложку в рот.

— Здравствуй, брат! — отозвался Николай Леонидович. — Ты с утра пораньше ешь суп?

— Не ем, а рубаю! — Артист вытер рукавом халата рот и захохотал. Его смех отозвался в парадном, как раскат грома. — Прекрасное изобретение революции — суп «карие глазки».

— Какие глазки? — спросила мама.

— Ксаночка? Здравствуй, девочка моя! — обрадовался артист. — И ты здесь? Суп из голов воблы. Объедение! Хочешь попробовать?

— Разве у воблы карие глаза? — неожиданно спросил Котя.

Артист перестал есть и уставился на Котю.

— Здравствуй, Шурик!

— Меня зовут Котя, — отозвался мальчик.

— Мы на фронт уезжаем, не с кем оставить его, — сказал папа, незаметно подталкивая вперёд сына.

— Беспризорник, значит, — весело сказал артист императорских театров.

— Беспризорник, — подтвердила мама, лишь бы потрафить толстяку. — Ты бы не взял его на время?

Артист удивлённо посмотрел на маму, потом перевёл взгляд на Котю и сказал:

— Да я ведь сам беспризорник! Жена удрала на юг от голода. А я меняю брюссельские кружева на воблу.

— Ну да, — растерянно сказал папа, — конечно. Мы пойдём, Петя.

Все трое, не сговариваясь, повернулись и стали медленно спускаться

вниз, а бывший артист императорских театров механически хлебал суп «карие глазки» и смотрел им вслед. И вдруг он громогласно крикнул:

— Стойте! Разве в Петрограде появился новый театр?

— Появился! — с нижнего этажа ответил ему Николай Леонидович.

— Героический рабочий театр! — крикнул Котя.

— Николай уже собрал труппу. У него мандат Петросовета. Мы едем на фронт! — крикнула снизу Котина мама.

— Когда? — Пархоменко сбежал на несколько ступенек, свесился с перил, расплёскивая остатки супа.

— Завтра утром, — ответил Николай Леонидович.

— А харчи давать будут? — Артист постучал ложкой по пустой тарелке.

— Как и всем бойцам, — ответил за отца Котя. — И мыло будут давать.

— Да здравствует театр! — на всю лестницу крикнул толстяк в бархатном халате. — Да здравствует революция! Я — с вами! Ура!

Трое, стоявшие на нижней площадке, крикнули «Ура!».

Только очутившись на улице, папа и мама поняли, что их главная задача не решена: Котю пристроить не удалось, и он, по словам бывшего артиста императорских театров, остался беспризорным.

— Что же делать? — спросил папа и стал чесать затылок.

Мама сокрушённо опустила глаза. Котя посмотрел на каменных женщин. Они улыбались таинственно, как старая тётушка. Котя одобрительно кивнул им, словно они что-то шепнули ему, и сказал своим павшим духом родителям:

— Послушайте! Я придумал! Честное благородное!

— Что ты придумал? — уныло спросил отец.

— Я еду с вами на фронт! — ответил мальчик.

— Боже мой, — воскликнула мама, — какие глупости!

Но папа, похожий на царя Петра, директор Героического рабочего театра, был иного мнения. Он сказал:

— В этом что-то есть.

— Там опасно, — возразила Котина мама.

— Теперь везде опасно, — твёрдо сказал отец. — Революция в опасности!

И, не дожидаясь маминых возражений, он зашагал по Морской улице тяжёлыми шагами медного всадника, соскочившего с коня.

2

— Господин полковник, я получил известие от своего брата, поручика Воронова. Он авиатор, сбит красными под Гатчиной. Он ранен и скрывается на сеновале в деревне Панево.

— Кто вам сказал, что я полковник? Кто вы такой? Какого чёрта вы пришли сюда?

Тучный мужчина в пальто с бархатным воротником и в фуражке железнодорожного ведомства, как коршун, навис над юношей.

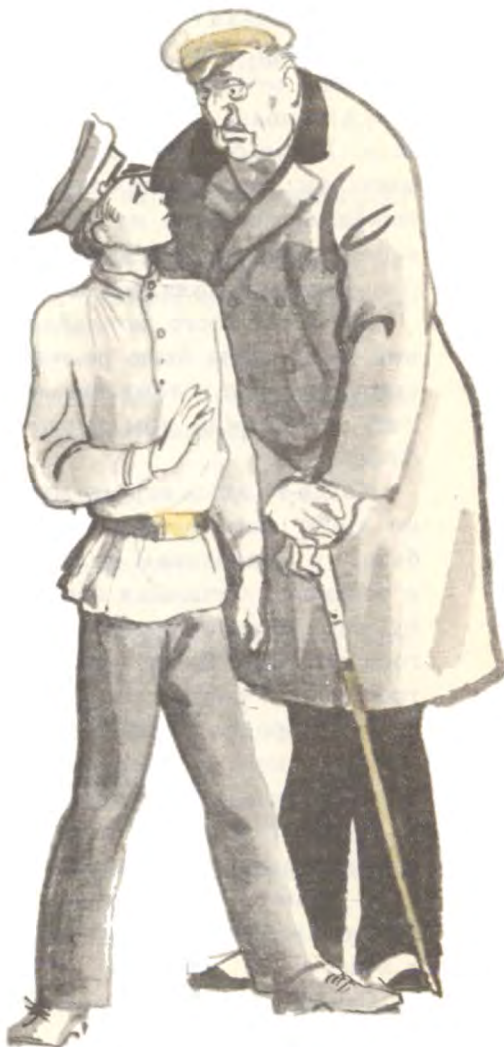
— Я — юнкер Воронов. А про вас мне написал брат.

— Вашего брата следует разжаловать и судить военным трибуналом за разглашение тайны! — вскипел переодетый полковник. — А если бы записка попала к красным?

— Но, господин полковник, он же ранен. Он нуждается...

— Сейчас все в чём-то нуждаются! В Гатчину не сегодня-завтра войдёт Юденич.

Глаза юноши посветлели.

— Господин полковник, чем я могу служить нашему делу?

— Чем вы можете служить? — Полковник усмехнулся и уставился на молодого человека круглыми птичьими глазами и вдруг, уже мягче и спокойней, сказал: — Вы можете сослужить нам службу. Авиации нужна касторка.

— Что вы сказали, господин полковник? — Юноша с недоумением посмотрел на полковника.

— Я сказал — касторка.

Этот разговор происходил в саду Буфф, в зарослях сирени, неподалёку от старого кегельбана.

«Айзенбан» — по-немецки — «железная дорога». «Бан» — «вокзал». Кегельбан не имеет никакого отношения ни к поездкам, ни к вокзалам: это взрослая игра. По длинному деревянному лотку пускают тяжёлые, похожие на пушечные ядра шары. Шары сбивают с ног кегли, которые, как солдаты, выстроены в конце лотка. Раз — и мимо! Два — кегля упала, но остальные стоят: попробуй сбей.

Вот возле этого кегельбана и очутился Котя в тот пасмурный летний день, когда было решено взять его с собой на фронт. Отец и его свита, которая к тому времени уже составила пять человек, отправились в соседний дом за шестым, Коте же наказали ждать в саду Буфф.

Когда-то здесь играла музыка и хорошо одетые люди расхаживали по чисто выметенным дорожкам сада. Теперь никакой музыки не было: в «раковине» для оркестра были сложены дрова, берёзовые и осиновые. Скамейки перевернуты вверх ножками, гондолы качелей куда-то запропастились, дорожки заросли травой, а кегельбан — гордость сада Буфф — потрескался, подгнил, на нём валялись один треснувший шар и две безголовые кегли.

Котя бродил по заброшенному саду. Он остановился у кегельбана, и тут до него долетел странный разговор двух мужчин о касторке.

— Я сказал — касторка! — пробасил густой мужской голос.

— Я готов отдать жизнь за родину, — отозвался молодой, ломкий голос юноши, но мужской голос перебил его довольно резко:

— Нам не нужна ваша жизнь. Нам нужна касторка. Много касторки. Потому что без касторки ни один аэроплан не поднимется в воздух!

О чём они говорили дальше, Котя не слышал. Голоса перешли на шёпот.

«Без касторки ни один аэроплан не поднимется в воздух! — про себя повторил Котя и усмехнулся: — Разве у аэроплана болит живот?» Он нагнулся и поднял с земли кегельный шар. Подержал его, размахнулся, и шар с грохотом покатился к двум обезглавленным кеглям.

— По буржуйам! — вслед шару крикнул Котя.

Шар медленно приблизился к кеглям и остановился. У него не хватило сил.

Котя сбегал за шаром и послал его посильней. При этом он крикнул:

— По Юденичу!

Шар покатился куда-то вбок.

— Не попали в Юденича? — послышался за спиной мальчика ломкий голос.

Котя оглянулся. За ним стоял худой, высокий юноша с едва заметными калмыцкими скулами и с тёмными внимательными глазами.

— Не попал, — признался Котя.

— Разрешите, попробую.

Юноша взял шар, раскачал его, прищурил глаз и с силой пустил по лотку. Кегли упали как подкошенные. Котя улыбнулся.

— Кто вы? — спросил он.

— Граф Монте-Кристо, — ответил незнакомец.

— Настоящий граф? — удивлённо спросил мальчик.

— Настоящих графов теперь нет. Как вас зовут?

— Котя, — ответил мальчик.

— Меня в гимназии звали Икар. — Незнакомец протянул Коте руку.

Мальчик улыбнулся и прочитал стихи:

И сделал отец ему крылья
Из перьев, из воска, из ниток льняных.

Оба засмеялись.

— А вы забавный молодой человек, — покровительственно сказал Икар, рассматривая Котю.

— Я артист, — отозвался Котя. — И ещё я пишу стихи. У вас есть револьвер?

Вместо ответа юноша полез в карман и вынул маленький, дамский, револьвер.

— Бьёт на двести метров, — сказал он.

— Можно подержать?

— Только осторожно. Заряжен.

Котя с замирающим сердцем рассматривал револьвер и даже прицелился в кеглю. Потом нехотя вернул оружие владельцу и спросил:

— А зачем аэропланам касторка?

Икар прищуренными глазами испытующе посмотрел на мальчика, но ответить не успел. В небе, над макушками деревьев, с оглушительным стрекотом пролетел аэроплан. За ним тянулось белое облачко, которое, спускаясь к земле, оказалось листовками. Котя и Икар побежали по аллее за медленно летящим аэропланом.

— А я умею управлять аэропланом! — на бегу крикнул Икар.

— Честное благородное? — спросил Котя.

— Клянусь! Обо мне даже в газете писали: «Гимназист парит в небе...»

— А как же касторка? — вдруг спросил Котя.

— Какая кас... Вы слышали про касторку?

— Он чудак, этот гражданин, — засмеялся Котя. — «Самолёт не полетит без касторки!»

— Конечно, чудак, — поддержал его Икар. — Чудак и не совсем нормальный. Вы больше ничего не слышали, что он говорил?

— Не-ет, только про касторку.

Так они добежали до ворот. Котя нагнулся и поднял с земли листовку. На маленьком листе было написано: «Товарищи! Революционный Петроград в опасности! Все на фронт! Смерть Юденичу!»

— Я еду на фронт, — неожиданно сказал Котя.

— Вы? На фронт? — Глаза Икара загорелись. — Шутите?

— Честное благородное, — сказал Котя. — Наш театр едет. И меня берут. Тётушка отказалась от меня.

— Тётушка отказалась? — Этот довод, видимо, подействовал на Икара, он серьёзно посмотрел на Котю: — А вы не могли бы мне составить протекцию?

— Я поговорю с папой, — тут же согласился Котя. — Но вы не артист.

Икар покачал головой.

— Не артист. Но я могу... я могу быть при лошадях. У вас будут лошади, раз театр походный.

— Будут, — неуверенно ответил Котя. — Я поговорю с папой. Вы любите лошадей?

В это время у ворот сада Буфф остановилось несколько человек во главе с Котиным папой.

— Котя? Где ты? Не заставляй себя ждать!

Красноармейская фуражка молодцевато сидела на папиной массивной голове. В фуражке он сразу перестал быть похожим на царя, основавшего город на Неве.

— Папа, разреши тебе представить, это мой товарищ... Икар.

Молодой человек опустил голову и тут же вскинул её.

— Он хочет ехать на фронт. Он может быть при лошадях...

— Вы конюх? — спросил Николай Леонидович, вопросительно глядя на юношу.

— Не совсем... Но если надо... Я люблю лошадей. И потом... я не чужаюсь никакой работы.

Николай Леонидович снял красноармейскую фуражку и вытер лоб платком.

— Хорошо! — сказал он решительно. — Завтра мы выступаем. Зачисляю вас в театр рабочим... сцены. У нас есть фургон, а кучера нет.

— Ура! Икар будет кучером! — воскликнул Котя.

Когда труппа будущего театра, уже насчитывающая десять человек, шла по набережной Фонтанки, Котя увидел, как по реке плыла старая баржа, заполненная тощими, оборванными ребятами. Они отталкивались от дна шестами и галдели от удовольствия.

Увидев Котю, ребята начали кричать:

— Эй, барчук! Ныряй! Плыви к нам!

— Я не барчук! — на ходу крикнул Котя. — Смерть Юденичу!

И ребята с баржи хором ответили:

— Смерть Юденичу!

И подбросили в воздух фуражки и картузы. Одна фуражка упала в воду.

3

В летний день 1919 года по улицам красного Петрограда двигались войска. Это тяжёлые подковы артиллерийских лошадей, как молоты, опускались на камни мостовой, а колёса орудий перекатывались с такой силой, что в окнах звенели стёкла. Лафеты, орудийные передки, зарядные ящики, повозки, походные кухни, выкрашенные

в общий грязно-зелёный цвет, образовали грозный движущийся поток. Среди этого потока совсем инородным телом выглядел большой брезентовый фургон, расписанный яркими пятиконечными звёздами. Кроме звёзд, на фургоне красовалась надпись: «Героический рабочий театр».

Вместе с артиллерийским полком на фронт отправлялся самый молодой театр Советской Республики.

Белые войска генерала Юденича захватили Ямбург и Псков и приближались к Петрограду. Питерский фронт стал самым важным фронтом Республики.

— Эй, ездовые второй батареи, что вы там, заснули? Подтянись! Подтянись! — кричал командир ездовым.

— Но-о-о, сонные! — кричали ездовые лошадям.

Вздымалось облако пыли, из камней вылетали искры, и новая волна грохота оглушала прохожих.

Над городом реяли кумачовые полотнища с чётко выведенными словами: «Смерть Юденичу!», «Не отдадим врагу революционный Петроград!».

Этими словами город напутствовал уходящих на фронт.

На одном из орудийных передков, рядом с грузным белобрысым

красноармейцем, сидел смуглолицый мальчик в серой курточке и такой же кепке. Маленькие ровные брови высоко взлетали над глазами. Сами же глаза были задумчивыми и серьёзными, как у взрослого человека. Когда же мальчик улыбался, глаза его оживлялись и в них загоралось что-то озорное.

Это был Котя. Перед началом марша командир полка сам привёл его к запряжённому шестёркой лошадей орудию. Здесь, на передке, восседал немолодой боец в фуражке, надвинутой на самые глаза. Гимнастёрка и шаровары сидели на нём в обтяжку. Казалось, сделай он неловкое движение и обмундирование затрещит по швам.

— Принимай в расчёт бойца! — сказал командир артиллеристу. — Головой отвечаешь!

Вместо ответа боец приложил руку к козырьку и, как показалось Коте, не обратил на него никакого внимания. Мальчик забрался на передок и сел рядом с неразговорчивым бойцом.

Раздалась команда «Арш!», заиграл оркестр. Полк тронулся.

Первое время Котя и его спутник ехали молча. Мальчик жалел, что ему попался такой угрюмый спутник. Неожиданно красноармеец, не поворачивая головы, спросил:

— Ты тоже артист?

— Артист, — ответил Котя.

— На голове стоять можешь?

— Не-ет.

— А шпаги глотать умеешь?

— Не пробовал.

— Что же ты умеешь делать? — разочарованно спросил боец.

Котя слегка подался вперёд и заглянул ему в лицо.

— Я играю в спектакле. Сперва подношу патроны, а потом погибаю.

Боец долго молчал, обдумывал. Наконец со вздохом произнёс:

— Как солдат. Сперва подносит патроны, потом погибает.

— А я ещё стихи сочиняю, — доверительно сообщил артиллеристу Котя. — Не верите? Честное благородное!

И, не дожидаясь, как боец отнесётся к этому сообщению, продекламировал:

Возле цирка на Фонтанке

Продавал мужик баранки.

А баранки были с маком,

Отдал их мужик собакам.

Красноармеец опустил поводья, с нескрываемым любопытством посмотрел на Котю, протянул ему руку.

— Ящечкин, — представился он.

— Котя, — ответил мальчик.

Так они познакомились.

— А вы наводчик? — спросил Котя.

— Замковой, — через некоторое время ответил артиллерист.

— Пушку на замок запираете?

— Не пушку, а снаряд... Засылаю снаряд в патронник, закрываю орудийный замок.

— А ключ от замка где храните?

Ящечкин недовольно покосился на мальчика.

— Это амбарный замок запирают на ключ, — сказал он и снова надолго замолчал.

В вышине раздался протяжный дробный треск. Из-за леса вылетел аэроплан. Он летел так низко над землёй, что его гул заглушал все звуки движущегося артиллерийского полка. На широких двухэтажных крыльях горели красные звёзды. От пролетающего аэроплана

над колонной просвистел ветер и тень крыльев скользнула по траве. Котя привстал, чтобы лучше разглядеть военлёта, который перегнулся через борт кабины, но сильная рука Ящечкина вернула его на место.

— Не балуй. Свалишься на землю.

Обогнав колонну, аэроплан удалился в сторону фронта, а Котя провожал его округлившимися глазами. И губы его сами по себе уже шептали строчки будущего стихотворения:

Смелый красный авиатор
В бой ведёт аэроплан.

На войне всё неожиданно меняется. Обыкновенная изба может превратиться в штаб полка; школа может стать полевым лазаретом; площадь — огневой позицией для орудий, а колокольня — наблюдательным пунктом.

Так пригородный вокзал неожиданно превратился в театр. На месте, где обычно висело расписание поездов, появился большой плакат:

Героический рабочий театр.

«ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИИ»,

драма в двух действиях, пяти картинах.

Начало в семь часов вечера.

БИЛЕТЫ НЕ ПРОДАЮТСЯ.

ЗАПЛАТИМ ЗА БИЛЕТЫ ЮДЕНИЧУ — ПУЛЯМИ И СНАРЯДАМИ.

4

Перрон вокзала, превращённый в театральную площадь, заполнили красноармейцы, идущие на спектакль. Они шли с оружием, потому что когда рядом враг, то даже в театре нельзя расставаться с винтовкой.

Два бойца прикатили пулемёт. Дежурный — розоволицый красноармеец с рыжим чубом — преградил им путь:

— С пулемётом нельзя!

— Куда же мы его денем? Мы за пулемёт в ответе! — говорил один из пулемётчиков, оттирая дежурного плечом.

— С винтовками можно, а с пулемётом нельзя?! — поддерживал товарища второй пулемётчик.

— Вы ещё тачанку прикатите! — не сдавался дежурный.

Образовалась толпа. Задние кричали:

— Проходите! Эй, пулемёт, двигай!

В это время на перроне ударили в колокол. На этот раз это не был сигнал к отправлению поезда. Удар колокола означал первый театральный звонок. Какой-то сугубо штатский старичок, неизвестно как очутившийся на станции, спросил дежурного:

— Поезд отправляется?

— Спектакль начинается, — ответил дежурный.

Старичок долго смотрел на него, растерянно моргая, потом оглянулся и увидел, что у перрона стоит бронепоезд.

— Спектакль начинается, — пробормотал старичок и вдруг пустился бежать.

Помещение вокзальной кассы было превращено в гримёрную. Перед единственным зеркалом, принесённым из буфета, гримировались все сразу. Каждый старался протиснуться вперёд, чтобы вместо щеки не попасть палочкой грима в нос. Получалось забавное зрелище: в одном зеркале множество лиц.

Тем временем Котя сидел на круглой табуреточке кассира и лихо стучал компостером.

— Вам куда билет? В Рязань или в Париж? — спросил он маму, которая кончила гримироваться и подошла к сыну.

Мама задумчиво посмотрела на Котю и сказала:

— Мне билет до станции, где люди не стреляют в людей. Где много хлеба...

— И сливочного мороженого, — добавил Котя.

— И где дети ходят в школу, а артисты выступают в красивых театрах и в антрактах пьют чай с пирожными...

Котя задумался. Потом взял картонный билетик, сунул его в щель компостера и с силой нажал рычаг.

— Вот билет до станции «Победа революции».

А в зале ожидания вокзала, превращённом в зрительный зал, уже было полно народу. Красноармейцы сидели на полу, не выпуская из рук винтовок. И над их головами как бы вырос невысокий винтовочный лесок. Они курили, отчего над залом плыло устойчивое голубоватое облачко махорочного дыма.

На большом полотне, прибитом к стене, была изображена горящая тюрьма Бастилия. И казалось, синеватый дым плыл над залом ожидания не от многочисленных сигарок, а от пожара, изображённого на полотне. На перроне снова ударил колокол. И перед публикой появился Николай Леонидович.

На нём была свободная белая рубаха с широкими рукавами, синие шаровары и красный пояс, за который были заткнуты два старинных пистолета. В руке же он держал обычную винтовку, взятую напрокат у кого-то из красноармейцев.

— Товарищи! — сказал Николай Леонидович. — Рядом гремят пушки Юденича. Но мы, артисты Героического рабочего театра, не прекращаем своих спектаклей. Ударим по Юденичу пролетарским искусством!

В зале захлопали в ладоши и закричали «ура!». Штыки закачались.

— Сейчас мы покажем вам спектакль из времён французской революции. Автор драмы... я.

Николай Леонидович смущённо посмотрел на зрителей и поклонился. Кто-то крикнул:

— Bravo автору!

Но папа поднял руку. И зал притих.

— В этой драме восставшие санкюлоты, то есть пролетарии, штурмуют тюрьму Бастилию. Итак, начинаем спектакль!

Ударил колокол. И артисты вышли на сцену. Собственно, сцены не было. Была небольшая площадка, перед которой лежала перевернутая вверх ножками скамейка, изображающая баррикаду. Николай Леонидович исполнял роль командира, а Ксаночка, Котина мама, роль женщины-бойца. Бывший артист императорских театров, любитель супа «карие глазки», был бомбардиром, то есть артиллеристом.

Спектакль начался.

К о м а н д и р. Мы ждём подкрепленья.

Победа за нами!

Пусть мальчик поднимет

Трёхцветное знамя!

Ж е н щ и н а - б о е ц. Как можно ребёнка

Поставить под пули?

Не дремлют стрелки
Короля в карауле.

К о м а н д и р. Пусть знамя народа
Над улицей реет.
В ребёнка стрелять
И король не посмеет!

Б о м б а р д и р. Эй, маленький Пьер,
Подходи к баррикаде
И знамя держи,
Как солдат на параде.

К о м а н д и р. На гребень забраться
Ему помогите!

Б о м б а р д и р. Смотрите,
Он держится смело, смотрите!

К о м а н д и р. Ударьте, ребята,
По лбам барабанов.

В с е. Республике — слава!
На плаху — тиранов!

Гремели барабаны. Котя — Пьер стоял на перевёрнутой скамейке-баррикаде и изо всех сил размахивал трёхцветным французским знаменем. А в зале кричали «ура!» и подбрасывали фуражки с алыми звёздочками. В это время где-то за окнами раздался взрыв и стёкла в зале ожидания мелко зазвенели.

Зрители решили, что так надо по спектаклю, и продолжали хлопать и кричать «ура».

Но дверь распахнулась, и возбуждённый боец крикнул:

— Тревога! Боевые расчёты бронепоезда по местам!

Его голос утонул в грохоте нового взрыва. Где-то совсем близко рвались снаряды. И, стараясь перекричать грохот, зазвучали команды:

— Третья рота, на выход!

— Телеграфисты штаба...

— Сапёрный взвод...

Снаряд разорвался на перроне. В здании вокзала со звоном вылетели стёкла. Погас свет. Кто-то вскрикнул.

Котя стоял среди этого невидимого водоворота людей и прижимал к себе знамя французской революции. Бегущие красноармейцы подхватили его и, подталкивая, увлекли к двери. Мальчик очутился на привокзальной площади. Вспышки рвущихся снарядов освещали белые стены вокзала и бегущих бойцов. Ржали лошади. Звучали неразборчивые слова команды. Грохотали кованые колёса повозок. Коте казалось, что всё это происходит в невнятном тяжёлом сне. Ему мучительно хотелось проснуться и очутиться дома, в тихой комнате второго этажа, в которую с любопытством заглядывал уличный фонарь...

Мимо с грохотом промчался театральнй фургон, и Котя успел разглядеть бледное лицо своего нового друга, подгонявшего лошадей.

— Икар! Икар, куда вы... — крикнул Котя.

Но Икар не услышал его голоса. Он погонял лошадей, и вскоре фургон скрылся в дымной тьме.

В это мгновение чья-то сильная рука схватила Котю и потащила за собой. Котя не успел разглядеть, кто его ведёт, не успел сообразить, куда его ведут. В следующее мгновение та же рука швырнула его на землю и тяжёлое, горячее тело в шершавой гимнастёрке накрыло его. Раздался оглушительный взрыв, да такой сильный, что земля вздрогнула.

Когда взрыв утих, человек, прикрывший собой Котю, произнёс:

— Так без головы можно остаться!

Это был Ящечкин. Котя узнал его и облегчённо вздохнул. Откуда он взялся, как нашёл Котю в этом страшном водовороте? На мгновение Коте вспомнились слова командира полка: «Головой отвечаешь!» Это за него, за Котю, Ящечкину приказали отвечать головой. И он выполнял приказ. Нет, здесь дело не в приказе. Если человек прикрывает от осколков другого — это уже не из-за приказа.

Ящечкин вскочил на ноги, помог подняться Коте и побежал, увлекая его за собой. Они пробежали по окутанной дымом площади, нырнули в боковой переулок и очутились у артиллерийской повозки.

— Быстрей! — скомандовал Ящечкин и помог Коте забраться на облучок. Потом быстро отвязал коней и сел рядом с ним. — Держись крепче. Но! Но! Пошли!..

И повозка помчалась, подпрыгивая на ухабах.

Тут только Котя заметил, что в руках у него знамя — трёхцветное знамя французской революции. С этим знаменем он выходил на сцену и забирался на гребень баррикады.

За их спиной рвались снаряды.

Котя со своим спасителем уже мчался по просёлочной дороге, а мама металась по перрону и всех спрашивала:

— Вы не видели мальчика?.. Небольшого мальчика... Пропал мальчик...

Она не обращала внимания на близкие разрывы, на грохот бронепоезда, который вёл ответный огонь. Она искала сына.

Мимо пронесли носилки, покрытые одеялом. Мама бросилась к ним и, преодолевая страх, приподняла край одеяла. На носилках лежал усатый мужчина. Он был мёртв.

Мама снова вбежала в здание вокзала в надежде, что Котя от испуга притаился в каком-нибудь укромном местечке. Под ногами хрустело битое стекло. Бастилия на полотне пылала в полную силу, словно её подожгли не восставшие парижане, а снаряды белых. Коти не было. Тогда мама спрятала лицо в ладони и заплакала. Она плакала беззвучно. Только плечи её слегка вздрагивали, словно от озноба. И тут перед ней возник Николай Леонидович.

— Ксана?! Где Котя? Наши части отступают!

— Коти нет! Я никуда не уйду без Коти!

— Да, да, — пробормотал папа. — Мы никуда не уйдём без Коти. На улице загрохотала пулемётная очередь.

5

Когда повозка, запряжённая парой серых в яблоках лошадей, отъехала подальше от станции, где с грохотом и огнём рвались снаряды, Котя посмотрел на своего спасителя. Фуражка со звёздочкой была низко надвинута на глаза. Ящечкин был спокоен.словно ничего особенного не произошло.

— Это наши бьют по белым? — спросил Котя.

— Кто его знает, — нехотя отозвался Ящечкин. — То ли наши по белым, то ли белые по нашим. Взрывы у всех одинаковые.

Постепенно неразговорчивый Ящечкин как бы оттаял, стал более общительным и сам спросил мальчика:

— Ты-то как на фронт попал?

— Из-за тётушки, — ответил мальчик. — Тётушка не захотела меня оставить у себя. Вот и пришлось меня взять... А вы знаете, что аэропланам нужна касторка?

— Скажешь тоже! — буркнул Ящечкин и замолчал надолго.

— Вы смотрели спектакль? — спросил Котя, чтобы как-то нарушить молчание.

— Смотрел.

— Видали, мальчик размахивал трёхцветным флагом? (Ящечкин кивнул.) Так это — я!

— Я знаю, — ответил красноармеец и едва заметно улыбнулся.

— Ящечкин, я про вас напишу стихи. Честное благородное! — вдруг сказал Котя. — Как вы спасли меня.

— Нешто про такое пишут? — Красноармеец покачал головой. — Если про каждого писать стихами, стихов не хватит.

— Хватит! — уверенно сказал Котя.

В это время раздался треск, скрип, и повозка резко наклонилась набок. Котя еле удержался на козлах.

Ящечкин ловко спрыгнул на землю и стал рассматривать повреждение.

— Приехали, — певуче сказал он. — Обод лопнул.

— Что же будем делать? — спросил мальчик, осторожно спускаясь на землю.

— Ночевать будем. Утро вечера мудренее.

Ящечкин распряг лошадей и, ловко стреножив, отпустил их пастись. Потом расстелил под развесистой липой шинель и велел Коте ложиться.

— А вы? — спросил мальчик. — Нам места хватит.

— Спи, — сказал боец. — Мне бодрствовать — дело привычное. А сморит сон, я и сидя посплю. Солдат спит, а служба идёт...

— Куда идёт служба? — спросил мальчик, ложась на расстеленную шинель и подкладывая руки под голову.

— К дому идёт служба, — ответил солдат и сел с краю, зажав между ног винтовку. — Идёт, идёт и никак не может прийти.

— Почему? — спросил Котя.

— Война долго длится.

Некоторое время мальчик лежал молча, с открытыми глазами. Над ним распростёрлось звёздное небо — тёмное поле с жёлтыми цветами. Когда звезда падала, казалось, что кто-то срывал цветок.

— Ящечкин, а вы любите воевать? — неожиданно спросил мальчик.

— Не-ет, — ответил пожилой боец.

— Чего же вы воюете?

— Питер защищать нужно. Воевать никто не любит... Я траву люблю косить.

— А генералы любят воевать? — спросил мальчик.

— Кто их знает, генералов. Я их только издали видал... Ты спи, спи.

Но Коте не спалось. События сегодняшнего дня ошеломили его. Он никак не мог прийти в себя. Перед глазами снова и снова возникали страшные видения войны. Разрывы. Отблески пожара. Стоны раненых. Ржание испуганных коней. И фургон Героического рабочего театра, освещённый вспышками разрывов. Неужели весь театр умчался и папа с мамой бросили его одного на пылающей привокзальной площади?!

— Ящечкин, а вы могли бы встать и пойти на белых? — спросил мальчик, приподнявшись на локте. — В вас стреляют, а вы идёте. Вперёд. Но если вас убьют, то больше никого, никого не убьют. И война кончится. Победа!

— Спи, — сказал боец, видимо не зная, как ответить на эту фантазию мальчика. — Спи и не думай.

— А разве можно заставить себя не думать? — спросил мальчик и, не получив ответа, больше уже не приставал к своему спутнику с расспросами. Тем более, что усталость начинала брать своё. Он закрыл глаза.

Ящечкин оглянулся и прикрыл мальчика краешком шинели. «А ведь малый прав. Каждый, кто идёт вперёд под пули, приближает победу. Только одним солдатом тут не обойдёшься...»

Коте снилось огромное поле, на котором лежат раненые и убитые. И по полю медленно идёт мама с кувшином и даёт напиться тем, кто просит. На громоздкой серой кобыле появляется папа и кричит:

«Ты, Ксаночка, пои только красных!»

А мама отвечает:

«Белые тоже хотят пить».

«Они хотят Питер!» — говорит папа.

«Они уже ничего не хотят, — отвечает мама, — только пить. Только пить...»

И ещё Коте снится, что он тоже лежит на этом поле, закрытый шинелью, которая колет щёку, и кричит:

«Мама, я тоже хочу пить!»

Но мама не слышит его голоса. И не видит его. И проходит мимо.

Проснулся Котя от того, что кто-то сильно тряс его за плечо. Он открыл глаза: перед ним стоял боец, только не Ящечкин, а другой.

— Это что у тебя за флаг? — спросил незнакомый боец.

— Где Ящечкин? — вместо ответа спросил Котя.

— Что у тебя за флаг, спрашиваю?

Котя встал на ноги, огляделся. Он увидел Ящечкина — без винтовки, руки за спиной.

— Это французский флаг! — ответил Котя.

— Слышь, Хвилиппов, — сказал незнакомый боец другому бойцу, — хрэнцузский! (Вместо «ф» он говорил «х».) Интервенты, значит.

— Да русские мы! Красные! — угрюмо произнёс Ящечкин. — Разве я похож на интервента?

— На кого ты похож — разберёмся.

— Красные мы! — крикнул Котя.

— Молчи, барчук. Пшли на батарею. Хрэнцусы!..

6

Большой театральный фургон, на котором красовались пятиконечные звёзды и горели слова «Смерть Юденичу!», мчался по просёлочной дороге, переваливаясь с боку на бок и подпрыгивая на ухабах. Сидя на козлах, Котин приятель Икар подгонял лошадей. Уже грохот боя остался далеко позади, а Икар всё не давал коням отдыха. Можно было подумать, что он крепко перетрусил и мчится куда глаза глядят, только бы подальше от боя.

Не захватил Икар и своих товарищей по театру. Бросил их на грохатке вокзале.

Однако Икар не был трусом. Он не обратился в бегство, а, напротив, спешил к своей цели. Этой ненастной ночью, бросив фронтальной театр, он пробирался в деревню Панево, где на сеновале скрывался его брат — белый военлёт поручик Воронов, сбитый красными.

Икар решил разыскать раненого брата и увезти его под прикрытием красных звёзд в безопасное место. «Только бы найти его! Только

бы успеть! — думал Икар. Ведь попадись Виктор в руки красных, не будет ему пощады.

Уже светало, когда по правую сторону дороги стали вырисовываться избы. Деревня казалась заброшенной, вымершей. Во многих домах окна были заколочены. Видимо, их хозяева или воевали, или подались подальше от тревожной прифронтовой зоны.

Теперь фургон уже не мчался, а медленно двигался по деревне. Где здесь затаился брат? На каком сеновале? А может быть, его уже здесь нет? Икар натянул вожжи. Лошади встали. Юноша поднялся на козлах. Огляделся. Прислушался. Звуки боя замерли, словно война откатилась далеко-далеко. В предутренней тишине запела какая-то ранняя, пробудившаяся птица. Её голос был слабым и трепетным, как пламя свечи. Икар слушал эту трель, как бы доносящуюся из далёкого детства. Неожиданно кто-то сухо закашлял. Икар повернулся на звук. Кашель долетал откуда-то не из дома, скорее всего — с огорода.

Икар бросил поводья и соскочил на землю. Кашель смолк. Но юноша успел определить направление. Он прошёл мимо пустого заколоченного дома. За домом, на огороде, стоял какой-то сарай. Икар шёл медленно. Густая роса мочила ботинки. Он дошёл до сарая и

опасливо приоткрыл ворота. Они заскрипели резко, словно кто-то провёл гвоздём по стеклу. И сразу на юношу пахнуло тёплым сенным духом.

— Стой! Ни с места! Буду стрелять! — Хриплый оклик заставил Икара вздрогнуть и замереть.

«Засада! — мелькнуло в сознании юноши. — Всё пропало!»

Ошеломлённый неожиданным угрожающим окриком, Икар забыл, зачем он шёл сюда. Он стоял, напряжённо вглядываясь в глубь сарая, стараясь понять, кто угрожает ему оружием.

— Тебе что надо? Зачем сюда пришёл? — снова зазвучал голос. — Если ты не один, учти, у меня есть граната!

— Я один, — сказал Икар.

Человек закашлялся. Потом сплюнул и сказал:

— Повернись к свету!

Его слова прозвучали как приказ, которого нельзя было ослушаться. Икар повернулся. Теперь он впервые подумал о том, что хорошо бы резко прыгнуть в сторону и убежать. Трава высокая. Рядом дом. А за ним — фургон. Заржали кони. Они как бы звали Икара. Он уже напрягся для прыжка, как вдруг из глубины сарая послышался смех. Икар резко повернулся.

— Андрюшка! Брат! А я тебя принял чёрт знает за кого!

— Виктор! — удивлённо пробормотал Икар, делая ударение на последний слог. — Ты?

В следующее мгновение братья обнимались в полутёмном сарае.

— Это хорошо, что ты нашёл меня! Я тут совсем загибаюсь!

Икар не видел лица брата. Но теперь он узнавал его голос, различимый сквозь простудную хрипоту. И ещё здорово кололась щетина, которой зарос брат.

— Ты колешься! — сказал Икар.

— Пять дней не брился! Меня тут одна сердобольная старушка кормит. Но не бреет, — засмеялся Виктор.

На него, раненного, усталого, затравленного, вдруг нашло веселье, как будто с появлением брата жизнь вошла в обычное русло.

— Я получил твою записку, — рассказывал Андрей, стараясь разглядеть лицо брата. — Полковник Лекарев отругал меня и велел доставить касторку для аэропланов. В общем, послал меня к чёрту. Я решил действовать сам... У меня здесь лошади.

— Курить у тебя найдётся?

Вместо ответа Икар быстро достал из кармана пачку папирос «Дюшес». И брат закурил жадно, торопливо. Словно он не курил, а утолял жажду.

— Это хорошо ты придумал, что приехал сам, — сказал Виктор. — С тобой мы не пропадём. Откуда лошади?

Икар тихо засмеялся и сказал:

— Я рабочий сцены и одновременно конюх и кучер Героического рабочего театра.

— Мы артисты — наше место в буфете! — воскликнул Виктор и снова засмеялся. Но потом вдруг смех оборвался новым приступом кашля. — Я тут здорово простыл, — сказал, откашлявшись, Виктор. — Подхватил такую деревенскую инфлуэнцию... Ты не заметил в поле аэроплана?

— Нет, — ответил Икар, — я же ехал в темноте.

— Он должен быть здесь, — сказал Виктор. — Если бы они подняли его в воздух, я бы услышал. Я внимательно слушал... Может быть, они запрягли в аэроплан лошадей? Голь на выдумки хитра... Ха-ха...

— Как твоя рана? — спросил Икар.

— Терпимо. Пулевое ранение в икру навывлет. Кость, кажется, не задело... Ты сейчас же езжай в разведку. Машина моя в порядке, заправлена. Мы сможем поднять её в воздух и — адью... Героический рабочий театр!

Уже развиднелось. В сарае тоже стало светлей. И Икар наконец увидел лицо своего старшего брата. Заросшее щетиной, с ввалившимися глазами, оно казалось чужим, незнакомым, и только шрам над бровью как бы подтверждал, что это он, брат Виктор.

— Я, пожалуй, поеду с тобой, — вдруг сказал Виктор. — У меня тут есть костыль... А полковник Лекарев — порядочная дрянь. Вернёмся в Питер — угостим его касторкой.

Братья посмеялись над полковником. Потом Икар подставил плечо, и Виктор, опираясь на плечо брата и на костыль, заковылял по огороду к фургону.

— Ты лошадей поил, конюх? — спросил по дороге Виктор.

— Не до водопоя, — ответил Икар.

— Надо напоить. Они уже остыли. И наноси в фургон побольше сена.

— Для лошадей?

— И для меня, — сказал Виктор. — А то по этим дорогам... с раненой ногой...

И снова фургон с красными звёздами, переваливаясь с боку на бок, покотил по размытой дождём прифронтовой дороге.

7

Гаубичная батарея стояла на пригорке, неподалёку от осинника, который успел пожелтеть и в лучах утреннего солнца трепетал лёгкой золотистой листвой. Четыре орудия с короткими, запрокинутыми вверх стволами стояли в ряд. Окрашенные в цвет жухлой травы орудия казались мирными, не имеющими отношения к войне, а скорее принадлежащими к природе. Неподалёку от них, сзади, стояли зарядные ящики с боевыми выстрелами.

Пленных привели к командиру.

— Кто такие? — строго спросил командир, разглядывая красноармейца и мальчика.

Красноармеец ничего особенного собой не представлял. Мальчик же, одетый в белую рубашу и синие шаровары, в красном фригийском колпаке, с трёхцветным французским знаменем, выглядел странно, подозрительно.

— Я — красноармеец Яшечкин, — ответил боец, вынимая из кармана документ. — А малой — из революционного театра.

— Из какого ещё театра? Здесь война и никаких театров нет! — категорически сказал командир.

— Есть театр, — твёрдо сказал Котя. — Мы выступали на станции...

— Станция занята белыми, — спокойно сказал командир. — Выходит, вы из театра, да не из нашего.

— Из нашего! — заволновался Котя. — Честное благородное, из нашего! Хотите, я вам покажу?

— Нечего показывать! — отрезал командир. — В штабе полка будете давать показания. Артисты!

В это время рядом с командиром оказался человек в кожаной куртке и в шлеме. Пожёвывая травинку, он слушал разговор командира с пленными. И решил вмешаться в их разговор.

— Пусть покажут, — сказал он. — Мы и увидим, для кого играет театр: для красных или для белых.

— Я покажу! — сказал Котя.

Командир сдвинул фуражку на глаза.

— Ладно, военлёт! — сказал он человеку в кожаной куртке. — Пусть покажут.

Котя подхватил своё знамя и отошёл в сторонку.

— А ты что стоишь? — обратился командир к Ящечкину. — Давай тоже.

— Не артист я, а артиллерист, — хмуро сказал Ящечкин, продолжая стоять на месте.

— Артиллеристы находятся при орудиях, а не путешествуют по горам и долам, — недружелюбно сказал командир и отвернулся от растерянного Ящечкина.

А Котя уже развернул трёхцветное знамя. И громко, словно находился не на опушке леса, а в большом зале, начал:

— Мы вам покажем спектакль из французской жизни. Восставшие санкюлоты, то есть пролетарии, штурмуют королевскую тюрьму Бастилию. Мой папа, держа в руке старинное кремнёвое ружьё, говорит:

Мы ждём подкрепленья.
Победа за нами!
Пусть мальчик поднимет
Трёхцветное знамя!

Но моя мама не согласна. Она стоит на сцене с двумя пистолетами.

Как можно ребёнка
Поставить под пули?
Не дремлют стрелки
Короля в карауле.

Котя читал стихи. Показывал, рассказывал. Он один играл за целый театр. Привлечённые неожиданным представлением, артиллеристы столпились вокруг мальчика. А его голос, похожий на мамин, звучал громко, чуть напевно:

Пусть знамя народа
На площади реет.
В ребёнка стрелять
И король не посмеет!

Он играл, маленький артист Героического рабочего театра, а в это время в осиннике появился конный разъезд белых. Ротмистр, худой, горбоносый офицер, поднёс к глазам бинокль, и то, что он увидел, поразило его.

Орудия стояли на огневой позиции без прислуги. Весь же личный состав красной батареи окружил мальчика, который почему-то размахивал французским флагом. Некоторое время ротмистр рассматривал это странное зрелище, соображая, что бы это могло значить. Потом оторвал от глаз бинокль и, повернувшись к солдатам, тихо сказал:

— Приготовиться к атаке. Мы сейчас захватим красную батарею голыми руками! Только тихо. Тихо!

А на батарее шёл спектакль. И никто не видел, как за зеленоватыми стволами осин появился вражеский разъезд. Никто, кроме Яшечкина.

Старый боец подошёл к командиру батареи и что-то шепнул ему на ухо. Глаза командира сузились, и он сразу насторожился.

Стараясь не перебивать Котю, он сказал:

— Играй, артист, играй. Размахивай знаменем. Там, в роще, белые. Хотят застать нас врасплох. По команде — все расчёты к орудиям и огонь по белым. Но пусть они подойдут поближе. Играй, артист, играй!

И тогда Котя крикнул:

На гребень забраться
Ему помогите!
Смотрите,
Он держится смело, смотрите!

С этими словами мальчик подбежал к ближайшему орудию и, ловко забравшись на лафет, замахал флагом. А наводчик под его прикрытием уже наводил орудие на золотистый осинник, и в руках у заряжающего медью сверкнул заряд.

— Заряжай! — тихо скомандовал командир. — Шнур натянуть!

Маленький артист продолжал спектакль. Он играл свободно и бесстрашно, словно рядом не было белых, готовых атаковать красную батарею.

— Гремят барабаны. Бам, бам, бам! Стреляют ружья. Все подбрасывают шапки. А мой папа, размахивая кремнёвым ружьём, кричит:

Ударьте, ребята,
По лбам барабанов.
Республике — слава!
На плаху — тиранов!

И в это время из осинника выскочили белые конники. Впереди, сверкая узкой полосой сабли, мчался ротмистр. За ним — весь разъезд.

— Прыгай, парень, в сторону! — крикнул Коте командир.

И едва Котя успел соскочить с лафета, как раздалась команда: «Огонь!» Грохот оглушил мальчика. А мимо него уже бежали к своим орудиям остальные артиллеристы.

— Картечью... Прицел... Трубка... Огонь!

Звучали слова команды, и, заглушая их, гремели выстрелы. А в поле перед золотым осинником метались растерянные кони и выростали чёрные кусты разрывов.

— Огонь! Огонь!

Вечером в расположение батареи привезли бочку бензина для заправки аэроплана. Вместе с бензином военлёт Семёнов получил приказ: утром следующего дня вылететь в район боёв на трофейном аэроплане и произвести бомбометание.

Весь день он провёл около аэроплана, тщательно исследовал его и даже с помощью двух красноармейцев завёл двигатель. Аэроплан был исправен и готов к боевому вылету. Это радовало военлёта Семёнова.

Но не только он радовался исправности аэроплана.

— Он завёлся! Он в порядке! Отлично, — радостно шептал брату Виктор, слушая, как яростно стрекочет ожившая машина. Братья наблюдали за аэропланом из фургона, который загнали в кустарник и сверху прикрыли ольховыми ветками. — Завтра, едва рассветёт, мы полетим. Снимем часового. И — адьо, красные!

Виктор был радостно возбуждён. Единственно, что его озадачивало, хватит ли в баке бензина, чтобы дотянуть до аэродрома. Когда же вечером к аэроплану подъехала телега с бочкой, Виктор сказал брату:

— Благодаря бога. Мы спасены!

Этот день был для братьев тревожным. Начался он хорошо. Братья встретились и, несмотря на все невзгоды, почувствовали себя счастливыми. Но затем события развернулись так, что оба чуть было не попали в плен. Это случилось, когда разъезд белых атаковал батарею.

Когда Ящечкин заметил между стволов осинника незнакомых всадников и тихо доложил об этом командиру батареи, Виктор тоже увидел их.

— Смотри, смотри! — сказал он брату. — Это наши. Они крадутся к батарее. Мы можем помочь им. Ударим с тыла. У меня есть гранаты...

Икар уже натянул поводья, чтобы вылететь на своей колеснице из укрытия, как вдруг тишина солнечного утра была вдребезги разбита орудийными выстрелами.

— Лопухи! — выругался Виктор. — Плохо маскировались. Сами влипли и нас чуть было не поставили под удар... Скорей бы прошёл день. На рассвете полетим...

Котя обладал способностью легко сходиться с людьми. И, встретив на батарее настоящего военлёта, Котя тут же потянулся к нему.

— У меня есть приятель, который поднял в воздух аэроплан с комендантского аэродрома, — сказал он военлёту Семёнову.

— Авиатор?

— Нет, он тогда был гимназистом. О нём в газете писали.

— Что-то не слышал про этого гимназиста, — ответил Коте военлёт. — Я тогда на фронте был...

— Вы знали капитана Нестерова? — тут же поинтересовался Котя.

— Не имел чести, но был наслышан о нём, — ответил авиатор. — Геройский человек! А ты, значит, будущий артист. Я смотрел твоё выступление. У тебя талант.

— Нет, — ответил мальчик, — я не буду артистом... Я буду авиатором. Как вы.

— Вот как! — произнёс военлёт.

— Я написал стихи о красном авиаторе. Хотите, прочитаю?

— С удовольствием, — ответил военлёт Семёнов.

Котя заложил руки за спину, посмотрел в глаза своему единственному слушателю и стал читать:

Смелый красный авиатор
В бой ведёт аэроплан.
В этот бой его послали
Пролетарии всех стран.

На его аэроплане
Звёзды красные горят.

Белым толстым генералам
Не отдаст он Петроград.

У него в кабине бомбы,
А в руке зажат наган.
Он ведёт корабль воздушный,
Как бесстрашный капитан...

Всё, — сказал Котя и опустил глаза.

— Так ты ещё и недурной поэт! — воскликнул военлёт Семёнов. — Как же попал на фронт?

— Тётушка не согласилась оставить меня. А бабушки у меня нет.

— Вот ведь как жизнь складывается! — отвечая своим мыслям, воскликнул военлёт. — Попал на фронт. И не сдрейфил. Ведь ты сегодня участвовал в настоящем бою.

— А вы не прокатите меня на аэроплане? — вдруг вкрадчиво спросил Котя.

— Обязательно, — ответил военлёт Семёнов. — Завтра слетаю на боевое задание, вернусь и прокачу!

— Утром приду вас провожать, — сказал Котя. — Я не просплю. И встречать буду.

В это время к ним подошёл Ящечкин.

— Ты здесь? А я тебя ищу повсюду. Обедать пора.

— Спасибо, я не хочу, — сказал было Котя, но Ящечкин замотал головой.

— Никаких разговоров. В армии порядок общий. Раз обед — значит, все хотят есть.

Котя вопросительно посмотрел на военлёта Семёнова. Тот улыбнулся и развёл руками: мол, ничего не попишешь.

— А вы пойдёте обедать? — спросил мальчик военлёта.

— Обязательно.

Полевая кухня расположилась у крайней избы. На двух колёсах дымился большой котёл с трубой. И к этому котлу выстроилась очередь бойцов. Котя встал в очередь, а Ящечкин куда-то отлучился и вскоре вернулся с котелком и ложкой.

— Бери ложку, бери бак, — сказал он весело.

— А вы?

— У меня тоже есть, — ответил боец и показал Коте второй ко-

телок, ложку же он вынул из-за голенища сапога, где у солдата всегда хранится ложка.

Повар в белом колпаке, похожем на облако пара, большой ложкой, «разводящей», подцепил из котла густые дымящиеся щи и вылил в Котин котелок.

— Ой, много! — воскликнул Котя.

— Сколько положено, — спокойно сказал повар и протянул Коте пайку хлеба.

Котя и Ящечкин расположились в сторонке, прямо на траве, и начали обедать. Щи оказались очень вкусными, тем более что мальчик со вчерашнего дня ничего не ел. Он ел с аппетитом.

— Вкусно? — спросил Ящечкин.

— Вкусно.

— Ешь на здоровье. А ты почему без хлеба?

— Я маме отнесу... хлеб.

Ящечкин сочувственно посмотрел на мальчика, но сказал:

— Ешь с хлебом. Маме тоже дадут. На фронте всем дают поровну... Ты небось к мамке хочешь? Сколько ребятшек хотят к мамкам, к тяткам, а война не пускает. Будь она неладна!

Котя опустил голову. Воспоминания о маме омрачили его. Даже ароматные солдатские щи утратили свою прелесть. Ящечкин ел и исподлобья глядел на Котю. Он думал, как бы утешить мальчика. И вдруг полез в карман и достал оттуда свёрнутый улиткой новенький солдатский ремень.

— Держи! Это тебе!

Котя просиял:

— А как же вы?

— Это запасной. У солдата всегда должен быть запас.

— Для друга запас? — спросил Котя.

— Для друга.

Котя занялся подарком и отвлёкся от трудных мыслей.

8

Котя проснулся среди ночи и никак не мог понять, где он. Словно заблудился во сне и попал в какое-то тёмное, незнакомое место. Под ним вздрагивал пол, а стёкла мелко дрожали. Он опасливо открыл глаза. Раздавался тяжёлый грохот, в тёмных окнах время от

времени возникали огненные всполохи, и стекло становилось красным. При этом коротком тревожном свете в углу мерцал медный умывальник, похожий на старинный шлем. Когда же вспышки исчезали, окна снова заливала тьма.

Котя сел и, услышав, как зашуршало сено, вспомнил, что лежит на полу. Вспомнил, что вечером Ящечкин уложил его спать в избе. Принёс откуда-то охапку пахучего сена и уложил, а сверху накрыл своей шинелью. Здесь же, в избе, устроились на ночлег военлёт Семёнов и ещё несколько бойцов.

«Кто это стреляет? — подумал мальчик. — Может быть, белые? Те самые белые, которые открыли огонь по вокзалу, когда там шёл спектакль? Может быть, батарея отбивается от белых? А если не отобьётся? — Коте стало не по себе. — Где же Ящечкин?»

Снова грохнуло. Снова стекло стало красным. При свете этой вспышки Котя огляделся и увидел Ящечкина. Старый боец спокойно спал, свернувшись калачиком. Ему, наверное, было холодно в одной гимнастёрке. Увидев, что Ящечкин рядом, Котя успокоился. Он взбил сено и лёг, при этом прикрыл своего друга краешком шинели.

Котя долго не мог уснуть. Теперь он думал о папе и маме. Где они? Ведь станцию заняли белые. Может быть, их ранило? Или они попали в лапы контрразведки Юденича? Потом мальчик вспомнил мчащийся фургон, бледное, неподвижное лицо Икара. Он спешил, потому что спасал артистов Героического рабочего театра. Увёз их в безопасное место, а Котю оставил на пылающей привокзальной площади.

Он уснул так же неожиданно, как и проснулся. Исчезли красные стёкла, медный шлем, спящие на полу бойцы... Когда же он снова открыл глаза, стрельба прекратилась. В окнах стоял мутный рассвет. Котя приподнялся и прислушался. И вдруг до его слуха донёсся дробный рокот мотора. «Аэроплан! — подумал мальчик. — Он улетает. Я обещал его проводить...» Котя поднялся, стряхнул с себя сено и на цыпочках направился к двери, держа за шнурки ботинки.

Утренняя прохлада сразу разогнала остатки сна. Аэроплан тарактел где-то близко, за домами. Мальчик проворно обулся, шнуруя ботинки через дырочку, и побежал.

Он бежал огородами. Гулкий, отрывистый звук подгонял его. Уже кончилась деревня, и Котя увидел полянку, на которой стоял аэроплан. Пропеллер вертелся так быстро, что перед аэропланом возник

прозрачный круг. На другой стороне полянки Котя увидел знакомый театральный фургон с красными звёздами. Котя очень удивился: «Неужели наши приехали?» — но задерживаться не стал, побежал дальше.

Ящечкин проснулся от скрипа двери. Не открывая глаз, протянул руку в правую сторону: Котино место было пусто. Сон как рукой сняло, боец вскочил на ноги. И только тут до его слуха донёсся дробный стрекот аэроплана. «Значит, Котя убежал вместе с военлётом Семёновым!» — смекнул боец и почти в ту же минуту увидел, что военлёт Семёнов спит, закрывшись с головой кожаной курткой.

«Тут что-то неладно!» — подумал Ящечкин и стал будить военлёта.

— Военлёт, вставай! Слышь! Твой аэроплан улетел! — крикнул он и, подхватив винтовку, бросился к двери.

А Котя тем временем добежал до полянки, где стоял готовый к отлёту аэроплан, и остановился, не зная, что делать дальше. Ведь выбегать на «лётное поле» не полагалось.

Котя замахал рукой и крикнул: «Я пришёл, я не проспал!» — но его голос затерялся в грохоте мотора.

Некоторое время мальчик стоял, внимательно разглядывая аэроплан. Пропеллер вращался, крылья вздрагивали, однако аэроплан не взлетал. Котя заметил, что он не взлетает потому, что кто-то держит его двумя руками, вцепившись в хвост. Это был... Икар! Так вот почему на краю поля стоит театральный фургон! Икар приехал и не даёт аэроплану взлететь. Почему?

В это время за спиной мальчика раздался винтовочный выстрел. Котя оглянулся и увидел бегущего Ящечкина. Это он стрелял в аэроплан и кричал:

— Стой! Стой, стрелять буду!

И стрелял.

Почему Ящечкин стрелял в военлёта Семёнова? Почему Икар вцепился в хвостовое оперение аэроплана и не даёт ему взлететь? В следующее мгновение Котя увидел самого военлёта, только не в кабине аэроплана, а бегущим с наганом в руке. Кто же тогда сидит в кабине? Мысли метались в голове мальчика. А Ящечкин уже побежал к машине:

— Стой! Глуши машину! Руки вверх!..

В это время что-то сверкнуло, грохнуло, задымил... Ящечкин упал в траву. Икар тоже выпустил хвост самолета и схватился руками за голову. Самолет вздрогнул и, подпрыгивая на бугорках, побежал по полю. Он удирал трусливо и дерзко. Напрасно военный летчик Семёнов бежал сзади и стрелял из пистолета. Возле кустарника машина оторвалась от земли и стала углубляться в небо, оставляя за собой дымный след.

Котя вышел из оцепенения и бросился к Ящечкину. Икар стоял в стороне, держась за голову.

Мальчик опустился на колени перед лежащим неподвижно бойцом. Фуражка со звёздочкой валялась в траве, волосы потемнели от крови.

— Ящечкин! Только не умирайте, Ящечкин!

Слёзы застилали глаза мальчика. Ему казалось, что он теряет бесконечно близкого человека, который был рядом с ним всю жизнь.

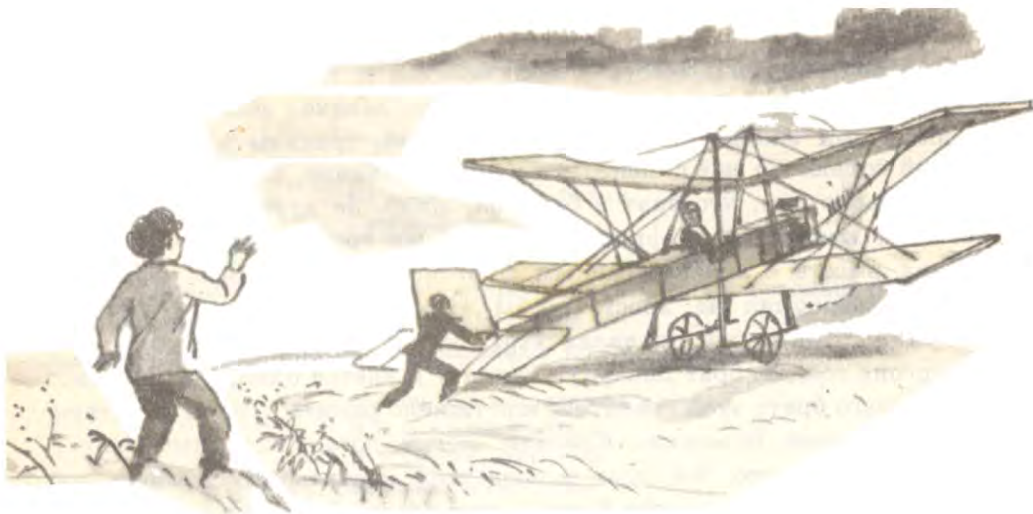
Заботился о нём. Спасал, когда ему угрожала опасность.

— Ящечкин, только не умирайте!

Раненый боец открыл глаза и снова закрыл их. Этим коротким взглядом он как бы успокаивал своего маленького друга.

Появился санитар, сделал перевязку. Раненого положили на сено в фургон Героического рабочего театра.

Держась за голову, к Коте подошёл Икар.

— Котя, я за вами... Я хотел задержать аэроплан... там белый. Он бросил гранату... У меня голова разламывается... Я за вами, вот фургон... — Он был бледен и морщился от боли.

— Вы знаете этого молодого человека? — спросил военлёт Семёнов.

— Да... — рассеянно ответил Котя, — знаю... Он — конюх в театре...

Военлёт пожал плечами.

— Не знал, что в театрах есть конюхи... А часового убили сзади, ножом... Кто-то помогал белому пилоту.

9

На Петроградском фронте шли напряжённые бои. Не было дня, чтобы землю не сотрясали разрывы снарядов. А по ночному небу плыли красные облака — их окрашивали в красный цвет горящие деревни.

По дорогам, ведущим в город, медленно двигались фургоны с большими санитарными крестами на брезенте. В Петроград увозили раненых красноармейцев. В одном ряду с санитарными фургонами ехал необычный, разрисованный красными звёздами фургон Героического рабочего театра. Но хотя на нём и не было красных крестов, внутри на сене лежали двое раненых: Ящечкин и Икар.

Красноармеец находился в полузабытьи и только, когда фургон встряхивало на ухабе, тихо стонал. А потом затихал снова. Лежавший рядом с ним юноша был контужен взрывом гранаты и мучился головной болью. Но ещё сильнее его мучило сознание, что Виктор предал его. Узнав о том, что брат в беде, он, Икар, не думая об опасности, поехал с красными на фронт, в первую же тревожную ночь сбежал от них вместе с краснозвёздным фургоном. Помог снять часового... Держал аэроплан за хвост, чтобы можно было хорошо прогреть двигатель. Когда же появился этот сейчас лежащий рядом с ним в фургоне солдат, брат швырнул гранату и улетел один. Он мог убить и младшего брата этой гранатой, мог тяжело ранить. Но это не остановило поручика Воронова. Красные могли догадаться, что Икар — белый, и на месте, без суда и следствия пустить ему пулю в лоб. Хорошо, что здесь оказался Котя — этот славный мальчик из хорошей артистической семьи. Иначе бы — крышка!

Икар повернулся на другой бок и застонал, но не от боли, а от обиды.

Что же будет дальше, когда его вместе с раненым бойцом привезут в Петроград? Ведь ему ещё придётся держать ответ перед Николаем Леонидовичем за похищенный фургон.

Котя сидел снаружи фургона на козлах, рядом с красноармейцем, которому поручили довести раненых до ближайшего госпиталя, а Котю сдать на руки родителям.

Мальчик был подавлен происшедшим. Ведь оба его новых военных друга ранены, страдают, а о судьбе папы и мамы ничего не известно.

И тогда Котя стал сочинять стихотворение про Ящечкина. Ему казалось, что если он сочинит стихи, то другу станет легче. Эта мысль подогревала мальчика. Колёса, гремящие по камням мощёной дороги, подсказывали ему стихотворный ритм: та-ра-та-ра, та-ра-ра...

Жил Ящечкин отважный,
Товарищ боевой.
На третьей батарее
Сражался как герой.

— Ты чего? — спросил молоденький красноармеец, временный возница фургона.

— Это стихи, — сказал Котя, — про моего друга. Которого ранили...

Он шёл под пули смело,
От страха не робел.
Из пушки бил по белым,
Снарядов не жалел.

Молоденький красноармеец широко раскрытыми глазами смотрел на Котю. Мальчик замолчал. Задумался.

Та-ра-та-ра... та-ра-ра... — отбивали колёса фургона.

Свинец горячий, вражий
В бою в него попал.
И Ящечкин отважный
Как скошенный упал...

Красноармеец всё не спускал глаз с Коти. Сам же Ящечкин не слышал стихов, только что сложенных про него маленьким другом. Зато их слышал Икар. Он слушал стихи и в какое-то мгновение позавидовал раненому солдату, лежащему рядом на сене. «Про него слагают стихи, — думал Икар, — потому что он никому не изменял, выполнял свой долг. Он в фургоне, как в колеснице победителя, а я еду бесславно, преданный братом! И никаких стихов!»

Икар поднялся. Огляделся. Тихо выбрался из фургона. Некоторое время он шёл за фургоном. Потом подался вправо. Перемахнул через канаву и скрылся в лесу.

Никто не заметил его исчезновения.

В это время Котя сочинил ещё одно четверостишие:

Гремела канонада,
А Ящечкин лежал.
В руке держал винтовку
И руку не разжал.

Когда фургон приблизился к станции, утром освобождённой от белых, Коте показалось, что прошло очень много времени. Может быть, год. Столько он успел пережить за минувшие два дня, так много изменилось в нём.

Площадь перед вокзалом была изрыта снарядами. Деревья обгорели. Да и само здание выглядело, как после пожара. Стёкла в окнах были выбиты. На стенах чернели зализы пламени. Над входом в вок-

зал развевался белый флаг с красным крестом. Здесь был создан эвакогоспиталь. Глядя на всё это, трудно было поверить, что два дня назад вокзал был театром и здесь показывали спектакль, гремели одобрительные хлопки зрителей.

Фургон остановился. Котя прыгнул на землю. Заглянул внутрь. Ящечкин лежал один. Икара не было. Куда он делся? Может быть, его выкрали белые лазутчики? А может быть...

В это время послышался мамин голос:

— Котя! Мальчик мой! Ты жив? Котя!

Маленький артист оглянулся и увидел маму. Она бежала через площадь к фургону.

— Я как увидела фургон — сразу решила, что ты здесь!

10

В солнечный апрельский день замкового третьей бригады Ящечкина выписывали из госпиталя. Ему принесли гимнастёрку, брюки, высокие стоптанные сапоги и шинель, терпеливо ждавшие своего хозяина в лазаретной каптёрке.

Ящечкин натянул на себя старое обмундирование и удивился, что оно висит на нём, словно с чужого плеча. После лёгких туфель-шлёпанцев сапоги оказались непомерно тяжёлыми, и каждый шаг сопровождался грохотом.

Ящечкина покачивало от слабости, и когда он неторопливо спускался с лестницы, то крепко держался за перила. Голова кружилась, а в ушах стоял звон. В канцелярии ему сказали:

— Демобилизован вчистую.

— Как так вчистую? — недовольно переспросил боец. — У меня в полку обязанности. Орудие надо переводить на летнюю смазку.

— Никаких орудий! С того света чудом выкарабкался, а ещё по-давай ему орудие. Сколько лет провоевал?

— Считай, шесть лет.

— И не навоевался, — усмехнулся начальник канцелярии. — Поезжай в полк. Сдай оружие. Получи денежное довольствие. И — домой.

Ящечкин молча повернулся, вскинул винтовку за плечо и пошёл к выходу.

Весеннее солнце сразу ослепило его, и он некоторое время стоял,

зажмурив глаза, свободной рукой держась за стенку дома. Пели птицы. А ветер с Невы пахнул морем. Ящечкин сунул руку в карман шинели и нащупал какую-то записку. Он вынул её и долго разглядывал. Прочитать же не мог, потому что был неграмотным. Так и стоял он с запиской, собираясь попросить прочитать кого-нибудь из прохожих. Смутное чувство подсказывало ему, что записку написал Котя. Котя! Как живёт его маленький друг? Вернулся ли в Питер или странствует со своим Героическим рабочим театром? «Сперва я подношу патроны, потом меня убивают...»

Ящечкин стоял у подъезда с запиской в руках и всё не решался подойти к кому-нибудь. Мимо шла девушка в красном кумачовом платочке, увидела красноармейца с запиской и сама поняла, что человеку надо помочь.

— Вы что, товарищ красноармеец? — спросила она. — У вас затруднение?

— Затруднение, — отозвался Ящечкин. — Прочсть не могу.

— Давайте, я прочту!

Ящечкин нерешительно протянул девушке записку. Она развернула сложенный вдвое листок и стала читать:

— «Дорогой Ящечкин, когда поправитесь, приходите в сад Буфф. Буду ждать вас каждый день с четырёх до пяти. А вот стихотворение. Я обещал...»

Девушка удивлённо посмотрела на бойца и стала читать стихотворение:

Жил Ящечкин отважный,
Товарищ боевой.
На третьей батарее
Сражался как герой...

Девушка читала, а боец стоял и, зажмурив глаза, слушал. А когда стихотворение кончилось, поскорее взял листок обратно и уже не выпускал из рук.

— Где этот сад Буфф? — спросил он у «красного платочка».

— Буфф? — Девушка задумалась. — Кажется, на Фонтанке. Это далеко.

— Ничего, время есть, — сказал Ящечкин. — А за чтение спасибо вам.

Девушка ещё раз посмотрела на бойца, которому было посвящено

стихотворение, и зашагала своей дорогой. А Ящечкин отправился искать сад Буфф.

Каждый день Котя приходил в сад Буфф в надежде встретить своего боевого друга. Другой бы на его месте давно отчаялся. Ведь времени прошло много, а боец всё не шёл. Может быть, умер от раны? Может быть, вернулся на войну и некогда ему было ходить по всяким Буффам? А может быть, он забыл Котю? Разные сомнения одолевали мальчика. Но каждый день перед спектаклем Котя шёл в сад Буфф. Шёл под осенними дождями. Проторивал дорожку в свежем снегу. Прыгал через лужи, когда стало пригревать весеннее солнце.

Вот и сегодня Котя прошмыгнул в калитку ворот и зашагал по саду. Было тепло. От дорожки шёл пар. Мальчик подставил лицо солнцу и прищурился. Здесь пахло пробуждающейся тёплой землёй. Такой запах редко встретишь в городе. Это запах полей и перелесков. Котя шёл по дорожке, пока не упёрся в забор. Здесь сад кончался. А что, интересно, дальше? Котя заметил, что одна доска в заборе отставала. Котя отвёл её в сторону и просунул голову в образовавшуюся щель. Там тоже был сад. Только уже другой. В саду стоял жёлтый облезший особнячок, он как бы притаился среди тёмных стволов деревьев. Что в нём?

Котя отвёл доску дальше и, легко проскользнув в щель, очутился в соседнем саду. Прячась за стволами деревьев, мальчик приблизился к особняку. Все окна, кроме одного, были заколочены досками. Видимо, особняк был уже давно покинут хозяевами и стоял, холодный, заброшенный, в ожидании, что кто-нибудь откроет его заново, как Колумб Америку. Котя обошёл здание вокруг — совершил кругосветное путешествие, — потом вернулся и, привстав на цыпочки, заглянул в единственное незабитое окно. Он увидел большую полутёмную комнату, посреди которой горела маленькая чугунная «буржуйка». У огня сидел сутулый человек в шинели и занимался каким-то делом. Котя привстал ещё выше и увидел, что человек чистит оружие. Перед ним лежало две горки револьверов. Он брал револьвер, неторопливо протирал его тряпкой, потом пыжевал коротким шомполом и, прищурив глаз, смотрел сквозь ствол на огонь. Чистое оружие человек клал в другую кучку.

Во всём облике этого человека, который, как привидение, поселился в заброшенном доме, было что-то зловещее, недоброе. Некоторое время

мальчик наблюдал за его работой. Потом отошёл от окна и, соблюдая предосторожность, вернулся к щели забора. Он ещё раз оглянулся на жёлтый облезший домик, отвёл доску в сторону и тут лицом к лицу столкнулся с Икаром.

— Икар!

— Котя! Вы в Питере?

— Икар, куда вы пропали? Я думал, с вами что-то случилось?

— Целая история! — воскликнул юноша. — Потом расскажу. Как я рад вас видеть!

— И я вас часто вспоминал, — сказал Котя.

Так они разговаривали на границе между садом Буфф и садом таинственного особняка.

И вдруг Икар спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Послушайте, Икар! Там какой-то человек чистит оружие. Он похож на привидение.

— Вы верите в привидения? — спросил Икар, сияясь улыбнуться.

— Когда привидение чистит револьверы, верю, — ответил мальчик. — Надо немедленно пойти и рассказать... об этом привидении.

— Подождите! — воскликнул Икар, закрывая путь в сад Буфф. — Я сейчас схожу и посмотрю. А вы ждите меня.

— Хорошо, — согласился Котя.

— Дайте слово, что будете меня ждать.

— Честное благородное... — неуверенно сказал мальчик. — Но зачем вам ходить? Вас могут убить.

— Ничего. Я осторожно. Ждите меня здесь.

С этими словами он шагнул в сад с заброшенным особняком, а Котя вернулся в Буфф.

— Я пока поиграю в кегли, — сказал он вслед Икару. — Будьте осторожны!

Вместо ответа Икар помахал рукой и зашагал к жёлтому особняку.

Когда Икар подошёл к жёлтому домику и заглянул в окно, там никого не было. И «буржуйка», стоящая посреди комнаты, не горела. Может быть, Котя на самом деле видел привидение, которое к приходу его, Икара, исчезло. Юноша ещё раз обошёл особняк, взошёл на низкое крыльцо и постучал в дверь. Ему долго не открывали, а он стоял перед дверью и прислушивался.

Неожиданно дверь отворилась, перед ним стоял человек с ре-

вольвером в руке. Икар не мог разглядеть его лица, да и не до того ему было, когда пистолет, нацеленный в упор, в любое мгновение мог выстрелить.

— Не стреляйте, — пробормотал юноша, — я свой. Я — юнкер...

И тут произошло то же самое, что полгода тому назад на сеновале в деревне Панево. Тот, кто угрожал ему револьвером, оказался его Виктором.

— Виктор?!

— Тихо, — шёпотом сказал брат. — Заходи быстро и закрой дверь. Тут какой-то тип... ходил.

Икар проделал всё, что велел брат. Некоторое время они стояли и молча разглядывали друг друга, словно не были уверены, что они те самые, за кого принимали друг друга.

— Я рад, что ты выбрался из этой истории, — наконец сказал Виктор.

— Ты бросил меня, а сам улетел. Красные могли меня шлёпнуть!

Брат усмехнулся:

— Но ведь не шлёпнули! А если бы я остался? Нас бы наверняка уже не было в живых. Ты должен понять меня правильно.

— Я пытался, — сказал Икар, — ничего у меня не получалось. Уж лучше бы умереть вместе.

— Брось! Это мальчишество. Вместе надо бороться!

Заметно прихрамывая, брат зашагал по комнате. Икар последовал за ним.

— С кем это ты так громко объяснялся у забора? — спросил брат, садясь в тёмный угол.

— Это Котя. Я тебе рассказывал о нём. Мальчик. Артист.

— Артист?

— Ещё он стихи пишет.

Икару очень хотелось, чтобы брат проникся его симпатией к Коте. Доверился ему. Но тот холодно спросил:

— Он видел меня?

— Да, — ответил Икар. — Понимаешь, он принял тебя за привидение.

— Ладно. Сейчас не до шуток. Он видел оружие?

Икар ответил не сразу. Он хотел соврать брату. Но сказал правду:

— Видел. Но он никому не скажет. Это я беру на себя. Он очень порядочный мальчик. Из хорошей семьи...

— Мы все из хорошей семьи, — мрачно сказал Виктор. — Его надо убрать.

— Он уйдёт, — с готовностью сказал Икар. — Он сейчас уйдёт. Я уведу его.

— Его надо убрать совсем, — жёстко сказал Виктор и разрубил воздух ребром ладони.

— Как... совсем? — Икар всё ещё не понимал, чего от него хочет старший брат.

— Здесь склад оружия. Здесь явка. А этот твой новоявленный Пушкин... Словом, у тебя есть оружие?

Икар покачал головой.

— Зачем оружие?

— Ты юнкер или баба? — забыв о предосторожности, крикнул Виктор и сунул в руку брата револьвер. — На, держи. Уведи его в глухой конец сада. И без рассуждений!

Икар отвернулся. Потом, не поднимая головы, спросил:

— Зачем ты вернулся в Петроград?

— За тобой! — ответил Виктор. — Будем вместе. Вместе мы — сила. Но нас могут пристрелить, как щенков. Пойми это! Иди! Иди! Пока этот вундеркинд не сообщил в ЧК обо мне, а заодно и о тебе. Или ты за это время продался красным?

— Виктор! — Икар резко повернулся к брату. — Уйдём отсюда. Уйдём куда-нибудь подальше.

— Я не дезертир. Я связан словом. Мы ещё зальём Питер кровью. Оружие есть, люди тоже... — Он оборвал свою речь на полуслове и вдруг схватил брата за плечи и с силой потряс его. — Иди! Быстро!

Он буквально вытолкал брата за дверь. Очутившись на крыльце, Икар, прищурясь, посмотрел на солнце и, вдруг вспомнив, что в руке у него револьвер, проворно сунул его в карман куртки.

Ящечкин шёл по городу. Мимо дворцов, над которыми развевались уже успевшие выгореть и выцветить красные флаги. Мимо львов, каменных и бронзовых, добродушно смотревших на солдата и не боявшихся его винтовки. Он шёл по мостам, ровным и горбатым. Звенел подковками по круглым пористым булыжникам и каменным плитам тротуаров. Винтовка с непривычки оттягивала ему плечо. И боец думал о том, что скоро расстанется с ней и, наверное, будет скучать по этой надёжной тяжести.

В руке у него была зажата Котина записка со стихотворением, которую Ящечкин намеревался хранить долго-долго, чтобы, когда выучится грамоте, прочесть самому. Это очень здорово — обходиться без «красного платочка», водить по бумаге пальцем и читать. Тогда и без ружья будешь чувствовать себя человеком.

У какого-то низкого окошка боец остановился и поглядел на своё отражение, провёл ладонью по подбородку: «Надо бы побриться, а то зарос, как домовой». И снова его подковки зазвенели по каменным плитам. Им бы звенеть чуть почаще, ему бы прибавить шагу. Но боец развежился на весеннем солнышке.

Котя наклонился над газоном, где множеством зелёных точек проклюнулась трава, и увидел подснежник. Мальчик обрадовался этому хрупкому голубовато-белому цветку. Хотел сорвать его, да пожалел. «Надо будет завтра перед спектаклем привести сюда маму и показать ей подснежник».

И тут появился Икар. Котя выпрямился, вопросительно посмотрел на приятеля.

— Ну конечно же, нет никаких привидений. Никакого оружия! — стараясь казаться весёлым, проговорил Икар.

Но Котя покачал головой:

— Там был человек. Я точно видел. И оружие видел. Много.

— Откуда может быть оружие? Ведь Юденича разбили. Война кончилась.

— На днях белые убили комиссара. На улице, из-за угла, — сказал мальчик. — Значит, война не кончилась. Может быть, этот человек и убил.

— Котя! Я прошу вас. Забудьте обо всём, что вам... привиделось.

— Я должен пойти рассказать. Это наверняка белый.

Икар был расстроен. Он не знал, что делать, как сломить упорство этого удивительного мальчика. Карман куртки неприятно оттягивал револьвер.

— Зачем это придумали — красные, белые... — пробормотал он.

— Чтобы отличить друзей от врагов, — ответил Котя.

— Разве у вас есть враги?.. Котя, вы должны мне дать слово. Поклясться, что никому не расскажете про это... привидение.

Котя покачал головой.

— Ради нашей дружбы!

— Ради дружбы делают только честные дела, — ответил мальчик и собрался уходить.

Но Икар не отпускал его, он всё хотел вырвать у мальчика клятву. Он хотел спасти своего маленького дружка. И так он уже столько раз обманывал его. Ему хотелось вынуть из кармана револьвер и забросить его в Фонтанку. Пусть идёт ко дну.

Но он не мог этого сделать. Он был связан с братом. С его злобой и беспощадностью.

— Котя, я прошу вас! Котя!

И вдруг послышался слабый треск, доска в заборе отошла в сторону и перед Котей и Икаром возник худой человек с серым лицом

и ввалившимися глазами. Он шёл, прихрамывая, прямо на них. В руке у него был зажат револьвер.

Икар невольно заслонил собой Котю.

— Отойди! — скомандовал Виктор, поднимая руку с оружием.

Тогда Икар повернулся к Коте.

— Котя, я прошу вас, поклянитесь мне... ему... И всё обойдётся.

— Отойди! Я дважды не повторяю!

Икар отшатнулся в сторону:

— Котя! Котя... прошу!

Котя почувствовал, что сейчас произойдёт что-то страшное. Такое, как там, у деревни Панево, когда белый пилот угонял аэроплан. Если бы рядом был Ящечкин! В какое-то мгновение мелькнула мысль — убежать! Но он понял, что бежать некуда. Он окружён врагами. И тогда он поглубже вздохнул и посмотрел прямо в лицо озлобленному хромому человеку. Он хотел увидеть его глаза, но увидел только один глаз. Маленький, чёрный, железный.

Грохочущее пламя обожгло грудь, сердце, лицо. Деревья качнулись и стали проваливаться в тёмную бездну. И весь мир, с весенним солнцем, с запахом земли, с невской свежестью, опрокинулся и растворился в густой, топкой темноте.

Ящечкин услышал выстрел

у входа в сад Буфф. Боец сразу почувствовал что-то недоброе. Привычным движением сорвал с плеча винтовку и побежал вглубь. Бежать ему было трудно. Деревья расплывались в глазах. От слабости солдата качало из стороны в сторону. Он увидел сутулую фигуру в шинели, которая, хромая, поспешно удалялась в глубь сада.

— Стой! — крикнул красноармеец. — Стой, стрелять буду!

Фигура прибавила ходу. И тогда Ящечкин вскинул винтовку, прицелился и выстрелил. Фигура замерла, упёрлась в забор руками, словно хотела свалить его, и вдруг медленно стала сползать на землю. И тут боец увидел Котю. Он лежал на земле, словно не погиб, а уснул. Рядом с его щекой рос весенний первоцвет, голубовато-белый подснежник...

11

А театр готовился к спектаклю. В зале уже зажглись тусклые лампы, и публика заполняла места. В театре было прохладно и гардеробом не пользовались, сидели в пальто, в шинелях, в бушлатах.

От дыхания шёл пар. И всё-таки здесь был настоящий театр, а не вокзал. Сюда приходили без винтовок, и у подъезда не стоял бронепоезд под парами.

Уже пора было начинать спектакль, но артисты почему-то медлили. Публика не волновалась: все привыкли к перебоям военного времени. К перебоям с электричеством, с дровами, с хлебом...

В зале говорили вполголоса, и было сравнительно тихо. Зато за кулисами, вдали от сцены, голос Николая Леонидовича звучал в полную силу.

— Это вопиющее безобразие! Вот до чего довела Котю его самостоятельность. Он опаздывает на спектакль. Потомственный артист!

— Он же ребёнок! — пытался урезонить директора бывший артист императорских театров.

— Он артист! У артистов нет возраста! Они служат в театре.

— Коля, что ты говоришь?! — вмешалась в разговор Котина мама. — Он сейчас придёт. Он всегда приходит к спектаклю.

Николай Леонидович тяжело опустился на стул и уже в который раз достал из кармана часы, щёлкнул крышкой.

В это время дверь отворилась, и в комнату вошёл администратор,

подталкивая вперёд мальчика. Мальчишка был рыжий, с большими круглыми глазами, в которых застыли страх и любопытство.

— Вот нашёл мальчика... добровольца. На случай, если Котя задержится!

— Гримируйте мальчика! — скомандовал Николай Леонидович. И, повернувшись к нему, спросил: — Боишься?

— Боюсь! — честно признался артист-доброволец.

— Молодец! — похвалил его Котин папа. — Я, когда в первый раз шёл на сцену, думал — умру от страха.

— А реветь там можно? — тихо спросил мальчик.

— На сцене нельзя. А здесь уже нет времени. Потом поревёшь. Давайте третий звонок!

И он стал объяснять мальчику, что он должен делать на сцене.

Едва отзвенел звонок — сигнал к началу спектакля, — как лампочки в зале зажмурились, потом совсем погасли. Занавес медленно поплыл влево и вправо. Артисты вышли на сцену.

— Мы вам покажем представление из французской жизни...

И вдруг в зале, в тихом замершем зале, послышались неторопливые, тяжёлые шаги.

Зрители невольно оглянулись, а артисты, прикрываясь ладонями, как от бьющего в глаза солнца, тоже стали всматриваться. По залу в проходе между кресел шёл красноармеец и нёс на руках мальчика.

Сперва в зале подумали, что так полагается по спектаклю. И кто-то даже хлопнул в ладоши. Но в следующее мгновение всех, и зрителей и артистов, охватило ощущение беды. Потому что красноармеец был настоящий, а у мальчика безжизненно запрокинулась голова и рука повисла.

Это Ящечкин нёс по залу своего маленького погибшего друга. Бойца качало от слабости, от усталости, но он шёл из последних сил, прижимая к шершавой шинели мальчика. Так он дошёл до конца зала и положил Котю, очень осторожно положил, на край сцены.

— Котя!.. — прошептали все, кто был на сцене.

— Котя! — крикнул отец и растерянно обвёл всех взглядом. — Нет, нет! Наверное, нужен врач. Товарищи, — обратился он к зрителям, — среди вас нет ли врача? Мальчику плохо...

А мама уже стояла на коленях у изголовья сына не в силах поверить тому, что случилось.

— Не надо врача, — тихо сказал Ящечкин. — Не успел я...

Больше он ничего не сказал, только поднял тяжёлую руку и стянул с головы фуражку со звёздочкой.

И сразу все, кто был в зале, поднялись с бархатных кресел и стали поспешно снимать кто бескозырку, кто фуражку. А артисты на сцене сняли фригийские колпаки и шляпы, какие простые люди Франции носили во времена революции.

Кто-то подошёл к Коте и накрыл его красным флагом.

И все поняли, что война не кончилась. Война между красными и белыми. Не на жизнь, а на смерть. И Котя был в этой войне бойцом. А у бойцов нет возраста.

**ВЕРНЫЙ
ДРУГ
САНЧО**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Санчо и жёлтый змей

1

Высоко над землёй плыл тяжёлый воздушный лайнер прославленной авиационной компании «Пан-Америкэн». В хвостовой части монотонно гремели двигатели. А по белой изнанке плотных облаков легко скользила тёмно-синяя тень крыла. В голубом воздушном океане, выше лайнера, не было ни облачка — облакам было не под силу подняться на такую высоту. Поэтому весь долгий путь светило ослепительное солнце.

Пассажиры не видели, как зелёный материк сменило подёрнутое серой дымкой море, не видели редких островов, чётко, как на карте, обведённых линией прибоя, не видели океанских судов, которые с высоты кажутся маленькими утюжками. Они не заметили, как на смелу Новому Свету пришёл Старый и как знойное лето сменила морозная зима. Все эти перемены происходили за бесконечным облачным щитом, который скрыл от взгляда пассажиров всю планету.

Полёт уже подходил к концу, когда в салоне появилась одетая в синюю форму и подтянутая, как военнотружущий, стюардесса.

— Дамы и господа! — обратилась она к пассажирам. — Сейчас наш лайнер пересекает государственную границу Советского Союза.

Смуглолицый мальчик в костюме табачного цвета очнулся от этого сообщения. Он сполз на кончик кресла и прижался лбом к круглому стеклу иллюминатора. При этом его нос слегка сплюснулся. Живые, поблёскивающие глаза что-то искали.

— Где граница?

Вероятно, мальчик рассчитывал увидеть внизу строгую линию, полосатый столб и пограничника с автоматом. Но вместо этого его взгляду открылись те же наскучившие облака, за которыми всё кажется нереальным.

— Па, где же граница? — разочарованно спросил он и повернулся к сидящему рядом отцу.

— Там, внизу, — ответил тот и поднёс огонь зажигалки к сигаре, скрученной как бы из осенних дубовых листьев.

Отец был смуглолиц и черноглаз, как и сын. Его блестящие волосы слегка вились, а над верхней губой выступали аккуратные, словно приклеенные усики. Нос у отца был несколько велик и надломлен горбинкой, а над бровями на лбу западали три складки.

Мать мальчика была на редкость красивой. Её большие тёмные глаза смотрели внимательно и грустно, словно искали сочувствия или сами сочувствовали кому-то.

— Из-за облаков ничего не видно, — сказала она, — океан мы тоже не видели.

— Надо было плыть морем, — отозвался мальчик.

— Наберись терпения, — сказал отец, пуская сизое облачко сигарного дыма. — Тебе ещё многое предстоит увидеть.

Мальчик откинулся на высокую спинку кресла и закрыл глаза. Уж лучше ничего не видеть, чем смотреть на эти однообразные облака, которые специально поднялись над землёй, чтобы скрыть от глаз самое интересное.

Сделав объявление о перелёте через границу, стюардесса покатила по проходу маленькую тележку, уставленную яркими бутылками. При этом мягко, по-домашнему, предлагала пассажирам:

— Джус, виски... Джин, кока-кола...

— Санчо, хочешь пить? — спросила мама.

— Нет, — ответил мальчик. — Спасибо.

Некоторое время он сидел неподвижно, потом не выдержал, снова открыл глаза и, без всякой надежды увидеть что-нибудь новое, взглянул в иллюминатор. И вдруг, забыв, что вокруг него сидят незнакомые люди, закричал:

— Ма, смотри! Белый песок!

— Это снег, — с улыбкой отозвалась Ма. — Такой снег у нас лежит высоко в горах.

— Вся земля в снегу? — удивился Санчо. — Снег похож на мороженое. Верно?

— Похож.

— Вся земля в мороженом!

— Посыпай сахаром и ешь сколько надо, — пошутил Па.

Все трое засмеялись.

А внизу, под крыльями воздушного лайнера, расстилались огромные заснеженные просторы. И для мальчика, родившегося в жаркой, вечнозелёной стране, картина русской зимы была столь непривычной, как для прибывшего с далёкой неведомой планеты. Теперь тень воздушного корабля маленьким крестиком двигалась по белым сугробам.

Через некоторое время, вдосталь насмотревшись на снег, Санчо спросил:

— Па, советские ребята играют в «индейцев»?

— Не знаю, — отозвался Па. — Может быть, они играют в «полицейского и вора». Во всём мире дети играют в «полицейского и вора».

— Я буду Фантомасом! — воскликнул Санчо.

— Посмотрим, — сдержанно сказал отец, а через минуту добавил: — Ты, вероятно, будешь играть в Чапаева.

— Кто такой Чапаев? — Санчо с интересом посмотрел на отца.

— Русский герой. Я видел про него фильм.

— И я видела, — вмешалась в разговор Ма. — Там одна сеньора стреляла из пулемёта.

— Главное, заводи побольше друзей, — сказал отец. — Друзья — лучшие проводники в чужой стране.

— Па, а в России водятся собаки?

— В России водятся даже тигры, — ответил отец.

— О-о-о! — произнёс Санчо и снова прильнул к холодному стеклу иллюминатора.

Когда учительница русского языка Мария Павловна пришла на урок, её поразила странная картина: весь класс жевал. Ребята молча сидели за партами и энергично работали челюстями, словно каждому достался кусок жёсткого жилистого мяса и они никак не могли управиться с ним. Некоторое время учительница удивлённо наблюдала за дружно жующими ребятами, потом спросила:

— Что это значит?

На последней парте засмеялись. Класс продолжал жевать.

— Почему все жуют? — Учительница начала сердиться. — Разве вы не успели позавтракать на большой перемене?

В рядах жующих произошёл раскол. Кое-кто перестал двигать челюстями. Но добрая половина продолжала жевать.

— Немедленно перестаньте жевать!

Первая парта скрипнула, и поднялась полная, щекастая девочка с двумя короткими толстыми косичками:

— У нас в классе иностранец!

Девочка села и вновь принялась жевать.

— Какое это имеет отношение к еде во время урока? — спросила Мария Павловна.

И тогда с четвёртой парты поднялся смуглолицый мальчик. Его чёрные глаза горели неудержимым интересом. Он, видимо, никак не мог взять в толк, почему сердится учительница, и вдруг решительно подошёл к ней и протянул какой-то пакетик в яркой упаковке.

— Пожалуйста, сеньора, угощайтесь. Это... хороший... жвачка. На лимонном экстракте.

— Спасибо, — растерянно сказала Мария Павловна, разглядывая новенького, в котором с первого взгляда можно было признать жителя заморской страны. — Как тебя зовут?

— Санчо. Санчо Родригес. А вас, сеньора?

— Меня зовут Мария Павловна... И я не сеньора, а сеньорита.

— Сеньорита Мария! — повторил Санчо. — Сеньорита Мария, почему вы не разрешаете детям жевать на уроке? Курить у нас тоже не разрешают, но жевать...

— Санчо, — Мария Павловна положила мальчику руку на плечо, — у нас это не принято. У нас вообще не жуют резинку... даже на лимонном экстракте. Садись, Санчо.

Мальчик слегка наклонил голову и отправился на место.

— Сейчас достаньте тетрадки, будет диктант, — сказала учительница. — А ты, Санчо, можешь не писать.

— Спасибо, сеньорита! Вы очень добры... Но я хочу попробовать.

— Попробуй. Я буду диктовать медленно.

— Я наделаю сто ошибок, — шепнул Санчо своей соседке и покраснел, отчего его смуглое лицо стало ещё смуглее. — Я занимался русским дома, но... мало хорошо.

— Ты не пиши, — посоветовала соседка.

— Я должен.

В это время «сеньорита Мария» подошла к Санчо и тихо сказала:

— Если тебе с непривычки трудно, можешь немного пожевать свою... резинку.

— Вы очень... великодушно! — воскликнул Санчо, вскочил на скамейку и выбросил в форточку все запасы жвачки на лимонном экстракте.

В городе стояла зима. С белыми крышами, с кристалликами инея на проводах, с ледяными узорами на стёклах. Тепло, невидимое во все времена года, зимой всюду оставляло свой след: дыхание прохожих, открывающиеся двери, вынесенные на продажу пирожки — всё тёплое сопровождали большие или маленькие облачка пара.

Когда Санчо вышел из школы на улицу, у него с непривычки перехватило дыхание и защипало уши. Он приложил руки к ушам, словно вокруг стоял грохот. Но едва согрелись уши, защипало нос. Он уткнулся носом в рукав куртки, и тогда холод проник ему за воротник. Мороз подловил новичка и доставлял ему всевозможные неприятности.

— Что это? — тихо произнёс Санчо.

И знакомый голос ответил ему:

— Это мороз!

Санчо обернулся и увидел свою соседку по парте. На ней была меховая шубка и такая же шапочка. Выбившаяся прядка волос касалась бровей, а серо-голубые глаза смотрели на Санчо любопытно и насмешливо. Под этим взглядом мальчик сразу забыл про замёрзшие уши.

— Сеньорита... я провожу вас... разрешите ваш кейс, — пробормотал маленький иностранец, но Рита не дала ему договорить:

— Давай свой портфель и грей уши! И не называй меня сеньоритой, а то меня будут дразнить.

— Я буду называть вас, как вы говорит...

— Зови меня Рита и на «ты».

— Рита... ты... — повторил Санчо.

— Я провожу тебя домой, потому что ты новичок.

— Новичок! — повторил Санчо и засмеялся: слово «новичок» показалось ему неожиданно забавным. — Я новичок, но я провожу вас... тебя, потому что я новичок-мужчина.

— Ты мальчишка, — усмехнулась Рита.

И от её усмешки Санчо стало как-то не по себе.

В это мгновение долговязый парень с розовым от холода носом слепил снежок и запустил им в Риту. Девочка вскрикнула и закрыла лицо руками.

Жаркая сила бросила Санчо вперёд. Он очутился перед долговязым, который был на голову выше его. Он бросил на снег портфель и что-то крикнул на своём языке. И ещё что-то крикнул и вцепился в обидчика мёртвой хваткой. Долговязый попытался высвободиться, но поскользнулся и упал. Два бой-

ца покатались по земле. При этом они ещё успевали наносить друг другу удары. А Санчо что-то гортанно кричал своему противнику.

Сбежавшиеся ребята с трудом растащили их.

Невысокий мальчик в очках со сломанной дужкой (потом Санчо узнал, что его зовут Шурик) поднял с земли упавшую шапку и надел её на Санчо. Кто-то повёл долговязого, который упирался, кричал: «Он первый... Я ему!..» — и размахивал своими длинными ручищами.

Санчо остался один со своей соседкой по парте. От удара у него распух нос и по губе текла тонкая струйка крови. Вид его был жалкий. Он чувствовал это, а присутствие девочки усиливало его неловкость. Санчо хотелось убежать, спрятаться. Но он продолжал стоять на месте, не решаясь поднять голову, чтобы не встретиться с Ритиными насмешливыми глазами. Он ждал, что она засмеётся — ведь женщины не прощают мужчинам поражения!

Рита не засмеялась и ничего не сказала. Она подняла с земли горсть снега и приложила к его горящему носу. Снег оказался мягким, и от его прикосновения боль сразу утихла.

Санчо удивлённо посмотрел на Риту.

— Снег... — сказала она.

— Я думал... камень, — пробормотал мальчик. — Белый камень.

Рита окинула взглядом маленького иностранца.

— Ты читал «Дон Кихота»?

— Моё имя из этой книги, — грустно сказал мальчик. — Правда, Санчо Панса мне не нравится...

— Ты больше похож на Дон Кихота. Сейчас у тебя был бой с ветряными мельницами, — сказала Рита. — Ты принял снежок за камень.

— Ветряные мельницы... — вздохнул Санчо, прикладывая снег к носу. — Нет хлебного дерева — его лист исцеляет раны.

— У нас кровь останавливает лист подорожника. У вас растёт подорожник?

— По-до-рож-ни-к?

Они шли по зимнему городу и время от времени переговаривались. Мимо мчались машины. Шли люди. Проплывали витрины магазинов. Снегоуборочная машина неутомимо сгребала снег железными руками.

— Давай-давай! — засмеялась Рита.

— Давай-давай! — повторил Санчо и, забыв про горящий нос, повторил руками движения машины.

— Интересно, за кого принял бы Дон Кихот эту машину, если ветряная мельница показалась ему злым волшебником? — спросила девочка.

Санчо внимательно посмотрел на свою спутницу и ничего не сказал.

Через несколько домов он спросил:

— Какое дело у твоего Па?

Этот вопрос поставил Риту в затруднение.

— Дело?.. У него нет дела... То есть у него работа.

— У моего Па тоже нет своего дела... Он служит в компании.

— В компании капиталистов? — спросила Рита.

— В банановой компании. Ты любишь манго? Сок...

— Очень! — воскликнула девочка.

— Манго тоже продаёт компания.

Сказав это, Санчо задумался. Потом он повернулся к своей соседке по парте и сказал:

— А мой дедушка был банджистом. Он погиб.

И, заметив, что Рита непонимающе смотрит на него, Санчо прижал к животу портфель и, перебирая воображаемые струны, запел незнакомую песенку, которую пел когда-то его дед:

Шаги перемешаны с пылью,
И солнце пылает, как медь.
У пальмы зелёные крылья,
Но пальма не может взлететь.
Припасть к этой зелени мне бы,
Забиться на десять минут;
Меня по лазурному небу
Зелёные крылья несут.

Эта песня прилетела в мирный город из тревожного военного времени, когда рвались бомбы и горела земля. И хотя Санчо пел её на родном языке и Рита не поняла ни слова, ей почему-то стало жаль дедушку-музыканта, который не вернулся с войны.

— Почему он погиб, — спросила Рита, — если он играл на банджо?

— Он играл и пел против хунта... Хунта не любил Хуан-Марфия... Фашисты стреляли...

Некоторое время ребята шли молча, как бы прислушиваясь к мелодии солдатской песни: «У пальмы зелёные крылья, но пальма не может взлететь...»

Неожиданно перед ними возник старинный дом с тяжёлым балконом, который на своих плечах держали два каменных бородача.

— Мой дом, — сказала Рита и, кивнув на булочную, пошутила: — Наше хлебное дерево! Понюхай, как оно пахнет.

Санчо втянул в себя запах тёплого хлеба и сказал:

— Вкусно! А наше хлебное дерево пахнет... травой.

— Теперь я провожу тебя домой, а то ты заблудишься.

— Но ты же... сеньорита, — запротестовал Санчо, забыв, что следует сказать «девочка».

— Я твой товарищ! — сказала Рита. — А когда товарищи, неважно — девочка или мальчик.

— Очень важно — сеньорита или сеньор, — не согласился с ней Санчо.

— Дай твой портфель, — скомандовала Рита, — и потри уши, а то они у тебя совсем замёрзнут.

Пошёл редкий бесшумный снег. И Санчо, который никогда в жизни не видел падающего снега, остановился и стал смотреть.

— Белый, тихий дождь, — сказал он.

Рита протянула руку в варежке и поймала «белую дождинку».

— Смотри! — Она поднесла руку к самым глазам мальчика.

Санчо наклонился и увидел звёздочку. Казалось, изумительный мастер тонким резцом вырезал её из сверкающего камня. Мальчик сощурил глаза — звёздочка увеличилась, он увидел тончайшие узоры, которые строго симметрично располагались в лучах снежинки. Санчо оторвал глаза от снежинки и посмотрел на Риту. И ему показалось, что его новая подруга сама создаёт это удивительное чудо: звезду-снежинку.

— Что это значит, Санчо Родригес?! Ты приезжаешь в чужую страну, идёшь в чужой колледж и в первый же день возвращаешься домой... с разбитым носом!

Отец и мать стояли в прихожей и сокрушённо смотрели на Санчо.

— Тебя обидели? — спросила Ма. — Новичков всегда обижают.

- Может быть, ты затеял драку? — строго спросил Па.
- Я вступился за... Риту.
- Тебе не за кого вступаться, ты же не на родине.
- Он бросил в неё белый камень.
- Он — в неё? — воскликнула Ма. — Он — в неё, — совсем тихо повторила она. — Он дикарь?
- Нет, — ответил Санчо. — Это оказался не камень, а комок снега.
- По-русски это называется «снежок», — со знанием дела сказал Па. — В этой стране есть такая игра — «в снежки». Дети лепят из снега комки и кидают друг в друга. Ты не Санчо, ты — Дон Кихот! — воскликнул папа.
- Мне это уже говорили, — сказал Санчо.
- Кто тебе это говорил?
- Рита.
- Папа и мама переглянулись.
- Идём, мой Дон Кихот, — сказала Ма, — я промою твои тяжкие раны.
- Вероятно, завтра тебя вызовут к директору колледжа, — вздохнул Па, — а послезавтра пригласят меня...

3

На другой день Санчо торопился в школу. Он надеялся, что, переступив порог, сразу встретит Риту. Но едва сдал на вешалку пальто и очутился в коридоре, путь ему преградил долговязый с розовым носом. Санчо почувствовал, как лицо начинает гореть, а вчерашний снежок снова превращается в белый камень. Санчо захотелось немедленно броситься на долговязого и продолжить прерванный поединок, но он сдержался и, пропуская от волнения слова, сказал:

- Ты должен... Рита... извиниться!
- С какой это радости? — с вызовом сказал долговязый.
- Нет радости! — крикнул Санчо. — Сеньор... сеньориту...?
- «Сеньор»! — усмеялся долговязый и потёр ладонью нос.
- Ты... сеньор... плохо... Ты нет сеньор! — Осколки фразы летели прямо в долговязого и выводили его из себя.
- Во! — сказал тот и показал кулак.

— Во! — отозвался Санчо, и его маленький смуглый кулак оказался под самым носом долговязого.

Долговязый оттолкнул Санчо. Санчо вцепился в долговязого. Он сделал это так стремительно, что противник потерял равновесие, не удержался на ногах и растянулся на полу. Теперь мальчики катались не по заснеженному тротуару, а по жёлтому паркету. Каждый пытался подмять под себя противника и оказаться наверху. Долговязый был сильным и тяжёлым. Санчо же ловко ускользал из его ручищ. Неизвестно, чем бы кончился поединок, если бы в самый разгар не появилась Мария Павловна.

— Что это значит?

Её голос охладил пыл бойцов. Они оглянулись. Мёртвая хватка разжалась. Оба торопливо поднялись с пола.

— Извините... сеньорита... — тяжело дыша, пробормотал Санчо, приводя в порядок свой пиджак табачного цвета.

— Что это значит, Абрикосов? — обратилась учительница к долговязому.

— А чего он первый...

— Я — первый, — согласился Санчо. — Он обидел сеньориту... он должен извиняться... — Слово «извиняться» Санчо произнёс по складам, с большими усилиями. — Если нет, мы будем снова...

— Вендетта? — спросила «сеньорита Мария».

— Вендетта?! — Санчо удивлённо посмотрел на учительницу. Откуда ей известно это слово, дошедшее из глубины времён.

— У нас нет вендетты, Санчо, — сказала учительница, сочувственно глядя на мальчика. — Придётся решить спор более современно. Санчо опустил голову. В коридоре зазвенел звонок.

...Это неверно, что в каждом часе шестьдесят минут. Бывают часы, в которых сто минут и больше. Такие часы тянутся нескончаемо долго. Санчо ждал, что его, как предсказывал Па, вызовут к директору. Санчо ломал голову — как можно решить спор «более современно», без поединка, который «сеньорита Мария» называла вендеттой? Он чувствовал себя одиноким в снежной стране, где вокруг нет ни единой зелёной травинки, ни одной горсточки тёплого песка и только луч солнца, преломляясь в морозном кристаллике, вдруг вспыхнет крохотной зелёной искрой и растворится в сплошной белизне.

В этот день он совершенно неожиданно очутился у Риты дома. После уроков Рита сказала:

— Я должна тебе что-то показать. Потому что твой дедушка погиб от пули фашиста.

— Что ты... мне... показать?

— Не спрашивай! — сказала Рита.

Всю дорогу он молчал, чтобы не спрашивать. Только когда возникли два каменных бородача, поддерживавших балкон, Санчо сказал:

— Я буду подождать?

— Идём! — скомандовала Рита и распахнула дверь.

В углу комнаты стоял настоящий, от пола до потолка, двухлопастный пропеллер самолёта. На светлом металле чернели зализы огня, а верхняя лопасть была погнута. Рядом с пропеллером обычные домашние предметы — стол под льняной скатертью, стулья в чехлах, сервант, в котором от шагов тренькали стаканы, — выглядели необычно. Казалось, они тоже попали в дом из тревожной стихии, где хлещет пламя разрывов и сухо свистят осколки зенитных снарядов.

— Можешь потрогать, — разрешила Рита.

Санчо с опаской протянул руку, словно боялся обжечься. Но пропеллер оказался холодным.

— Что это? — Санчо вопросительно посмотрел на подругу.

— Винт погибшего самолёта.

— Лётчик погиб?

— Нет... Он остался жив. А самолёт разбился.

Санчо тревожно посмотрел на винт.

— Война? — спросил он.

— Нет, испытание... Теперь на боевых машинах винтов нет, — со знанием дела ответила Рита. — Это было давно.

Неподалёку от пропеллера на стене висела фотография, на которой был изображён военный лётчик. Лётчик был удивительно похож на Риту. Те же внимательные, чуть насмешливые глаза и прядь волос, выбившаяся из-под шлема.

— Это он? — спросил Санчо.

— Он, — сказала девочка. — Это он.

Санчо снова дотронулся до винта самолёта, погибшего во время испытаний. Ему показалось, что он чувствует лёгкую дрожь напряжённого металла и холодок воздушных струй, который во время полёта срывается с лопастей.

Сбор отряда, которому предстояло заменить старинную вендетту, состоялся на следующий день. Итак, произошла драка. Но драка, выходящая из ряда обычных мальчишеских столкновений. Советский мальчик разбил нос подданному иностранной державы. Вожатый отряда, десятиклассник Роман, обрисовал положение дел в таких сгущённых красках, что Алиса, девочка тихая и застенчивая, вдруг побледнела и спросила:

— Что же теперь будет, война?

Вожатый Роман не успел прикинуть в уме, будет из-за разбитого носа война или не будет, как поднялся долговязый Абрикос — главный участник вчерашнего международного конфликта — и сказал:

— Он первый полез драться!

В классе установилась тишина.

— А почему он полез драться? — Вожатый испытующе посмотрел на Абрикосова.

— Потому что Абрикос запустил в Риту снежок, — сказал Шурик, невысокий мальчик в очках со сломанной дужкой.

— Его никто не просил заступаться, — мрачно сказал Абрикос.

— Никто не просил! — крикнули с задней парты.

И тогда поднялась Рита и сказала:

— Я просила!

По классу прокатился шумок удивления.

— Он мне, между прочим, губу разбил, — сказал Абрикос и, повернувшись к классу, ткнул пальцем в губу: мол, смотрите, как я пострадал!

— Зачем ты просила его? — спросил вожатый Риту. — Не надо было иностранца втравлять в наши... внутренние дела.

— Он мой друг! — твёрдо сказала Рита. — А когда друг, неважно — иностранец он или нет. Его отец продаёт бананы, а деньги получает компания... капиталистов!

— Долой банановую компанию капиталистов! — крикнул Шурик.

— Банановая компания здесь ни при чём, — растерянно сказал вожатый Роман, — а иностранному другу разбивать нос — это по меньшей мере свинство. Понял?

Вожатый Роман не успел договорить, как дверь в класс распахнулась и на пороге появился Санчо.

— Я... извините... я знаю, что мне... сюда... нет. — Он очень волновался, хотел говорить быстрее, но от волнения говорил ещё медленнее. — Я хочу сказать, что я... я не фискал! Мой нос... на месте...

В классе засмеялись.

— Подожди, Санчо, мы всё тут решим вместе, — сказал вожатый Роман. — Ты не волнуйся...

— Когда два сеньора дерутся — это дело их чести... Не надо ничего решать, — сказал Санчо.

Потом он вскинул голову, и глаза его весело заблестели.

— Я думал... белый камень... Ребята, побежали играть в комки! Нет, в снежки!.. Я буду ждать вас... раздевалка!..

Он захлопнул дверь и стремительно побежал вниз, перепрыгивая через две ступеньки.

Когда Санчо выбежал на улицу, у подъезда школы стояла машина, а рядом нетерпеливо ходил Па и курил сигару.

— Я тебя жду целых пятнадцать минут! — недовольно сказал Па. — Едем!

— Я... не могу, — сказал Санчо, — я буду играть в... снежки!

— В снежки? Это, конечно, очень важное занятие... Садись в машину!

— Па, но я же обещал товарищам...

— Товарищам... — Па оторвал ото рта сигару и пустил облако дыма. — У нас сегодня гость... с родины, сеньор Крэддо. Я надеюсь, что снег не растает до завтра. — Па посмотрел на часы и заторопился. — Мы и так опаздываем. Запомни: когда приезжает представитель компании, семья должна быть в сборе, должна оказывать уважение... Или ты забыл обычаи нашей страны?

— Но я же обещал...

— Без разговоров в машину! — строго сказал Па, и Санчо нехотя открыл дверку.

Когда машина, скрипнув шинами по снегу, помчалась по мостовой, дверь школы распахнулась и на улицу выбежали ребята.

— Где твой Санчо? — крикнул Рите долговязый Абрикос.

— Где твой Санчо? — закричали ребята. — Куда он делся?

— Он струсил! — крикнул кто-то.

— Позвал играть в снежки, а сам... смылся! — засмеялся Абрикос. — Испугался иностранный подданный!

— Нет! — сказала Рита. — Он не боится!

— Где же он тогда? Что-то его не видно! — загалдели ребята. — Может быть, он играет не в снежки, а в прятки? Ищи его, Рита! Тебе водить!

— Ха-ха! Белые камни!

— Он не мог струсить! — крикнула Рита.

Но ребята уже не слушали её. Они шли гурьбой по тротуару, толкая друг друга, бросаясь снежками, скользя по ледяным дорожкам, которых всегда много возле любой школы.

А Рита стояла на месте. Она ждала своего друга Санчо. Всё надеялась, что он придёт.

4

Гость с родины, один из владельцев банановой компании, был маленький, толстый и необыкновенно подвижный человек. То ли от полноты, то ли от непрерывного движения ему было всё время жарко. И даже в зимний день у него на лбу блестели бисеринки пота. В его

поредевших чёрных волосах, как маленькое розовое озерцо, поблёскивала лысина. Время от времени он проводил по ней рукой, словно не терял надежды, что «озерцо» вдруг да зарастёт «камышом». Он был весёлым человеком, этот сеньор Крэдо с родины, и только глаза его всегда оставались серьёзными, сосредоточенными, внимательно изучающими собеседника. Даже когда лицо расплывалось в улыбке, глаза не переставали просверливать, изучать окружающих его людей.

Вся семья сидела за обеденным столом, вся семья была занята мыслью о госте. Казалось, ни Па, ни Ма не чувствуют вкуса блюд и их только интересует — нравится ли гостю, вкусно ли гостю, не горячо ли гостю?

Санчо же не думал о госте. Его мысли занимали ребята, которых он пригласил играть в снежки, а сам ушёл. Наверное, они считают его болтуном или, что ещё хуже, трусом.

А гость ел, пил, сверлил всех своими глазами-буравчиками и говорил:

— В России любят бананы! Хорошо, что на русских ёлках растут шишки, а не сочные, золотые плоды. — Тут сеньор Крэдо повернулся всем корпусом к Санчо: — А ты что думаешь на этот счёт?

— Не знаю, — сказал Санчо. — Рита любит сок манго.

— Опять Рита! — воскликнул Па.

— Рита? Кто? Кто? Сеньора? Сеньорита? — Гость впился своими буравчиками в Санчо. — Кто она?

— Она сидит со мной на одной парте, — ответил мальчик.

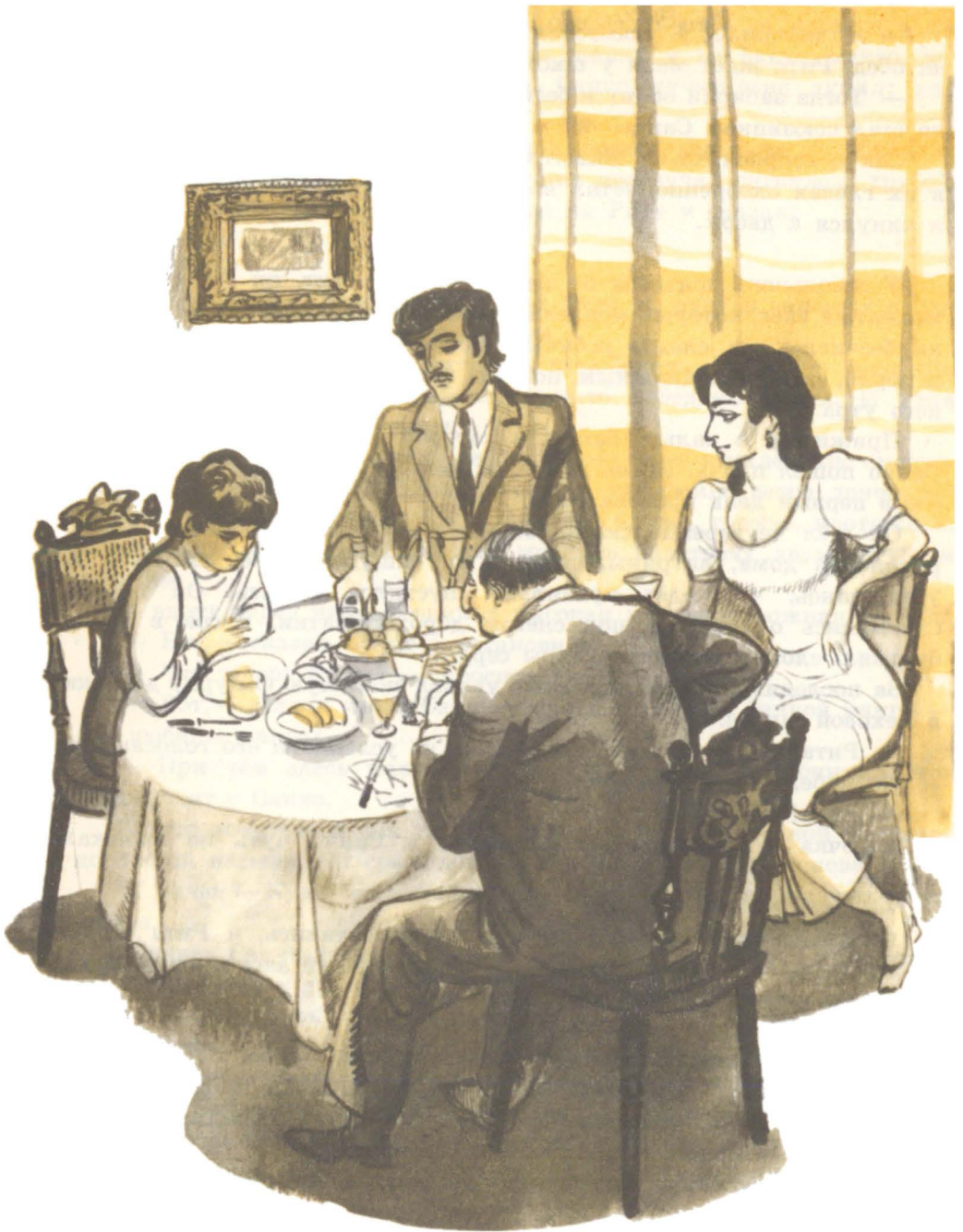
— Ты был у неё дома? Знаком с родителями? Кто её отец? — Гость буквально забрасывал Санчо вопросами.

— Её отец испытывает военные самолёты, — с гордостью ответил Санчо. — Это интересно! У них в столовой стоит винт, обожжённый огнём. Самолёт погиб, а лётчик остался жив, — сказал Санчо и для убедительности повторил Ритины слова: — «Теперь на боевых машинах винтов нет».

— О! Ты, однако, разбираешься в авиации. — Гость засмеялся, и только его глаза — два острых буравчика — оставались серьёзными. — А тебе не хотелось бы познакомиться с этой сеньоритой поближе? И преподнести ей... гм... предположим, банку манго?

Санчо утвердительно кивнул.

— Я бы на твоём месте поторопился, — сказал гость.

— Я торопился, — посетовал Санчо, — но Па увёз меня сюда, на обед. Рита ждёт меня у школы.

— Тогда забирай банку и беги! — воскликнул гость: он неожиданно стал союзником Санчо.

Санчо вопросительно посмотрел на Па, потом на Ма и, прочитав в их глазах одобрение, встал из-за стола, торопливо сказал спасибо и кинулся к двери.

У школьного подъезда он не застал ни ребят, ни Риты. Густой, мохнатый снег, который медленно парил над городом, скрыл отпечатки бесчисленных следов ребячьих ботинок. Шумное здание школы замерло, стало неподвижным, погрузилось в глубокий сон до завтрашнего утра.

Прижимая к пальто банку, в которой тихо булькал сок манго, Санчо пошёл прочь. Но не домой, а по тому маршруту, по которому его в первый день провела Рита.

Он шёл неуверенно сквозь белую сетку парящего снега, всматриваясь в дома, витрины, скверы. Он нащупывал верный путь и, убедившись, что идёт правильно, пустился бежать. Он бежал, спотыкаясь о скрытые под снегом дорожки-катки, а сок в банке булькал, словно усиливал удары сердца.

За последним поворотом Санчо увидел знакомую фигурку девочки в меховой шубке.

— Рита! — крикнул он, но девочка не услышала его голоса.

Он побежал ещё быстрее.

— Рита!

Девочка оглянулась, остановилась, и Санчо чуть не набежал на неё.

— Рита... я ждал... меня увёз...

От волнения и одышки русские слова путались, и Рита никак не могла понять, что хочет сказать её маленький заокеанский друг.

— Ты испугался? — вдруг спросила она.

Её вопрос обжёг мальчика.

— Нет! — Санчо энергично замотал головой. — Нет!

— Признайся, — настаивала девочка, — я никому не скажу!

Санчо посмотрел в глаза Рите, и на его лице отразилась боль.

— Па увёз меня... гость... из компании...

— Ребята решили, что ты трус. Ты должен доказать...

Некоторое время они стояли в растерянности, не зная, что им делать. Снег ложился на плечи, на шапку и на банку манго, которую Санчо прижимал к пальто. Санчо мучительно думал: как доказать ей, что он не трус?

Издалека донёсся хриплый гудок поезда. Девочка не обратила на него внимания, но для Санчо гудок прозвучал сигналом, трубой, зовущей на подвиг. Он поднял глаза на Риту и сказал:

— Идём!

— Куда?

Вместо ответа Санчо крепко взял Риту за руку и зашагал в сторону, откуда доносился гудок поезда.

Несколько раз Рита пыталась освободить руку, но мальчик крепко сжимал её. Он шёл к какой-то неведомой цели. И Рита послушно шла за мальчиком.

Поднялся ветер. Закрутил белую кисею снега в маленькие смерчи. Скорей! Скорей! Скорей! Иногда сквозь завывание ветра доносился гудок с железной дороги. Он звучал всё ближе, громче, протяжней. Словно невидимые белые поезда мчались навстречу двум бегущим ребятам.

И вдруг перед ними возникла высокая железнодорожная насыпь.

— Вот, — сказал Санчо и остановился.

— Что теперь будет? — спросила Рита.

— Вот, — сказал снова Санчо и протянул руку с банкой манго. — Ты любишь манго?

— При чём здесь манго? — спросила девочка, не понимая, что происходит с Санчо.

Вместо ответа мальчик стал карабкаться по заснеженной железнодорожной насыпи. Он срывался, скатывался вниз и лез снова.

— Зачем? Куда ты? — кричала вслед Рита, но не получала ответа.

Наконец Санчо вскарабкался на насыпь. Он огляделся и поставил на рельс банку с яркой наклейкой.

— Будем ждать поезд! — крикнул Санчо. — Я покажу, что я не трус. Я покажу...

Где-то совсем близко забасил локомотивный гудок. Приближался поезд. А Санчо стоял рядом с рельсом, на котором ярким столбиком возвышалась банка с заморским соком.

Что задумал маленький иностранец? При чём здесь банка с манго

и надвигающийся поезд? Может быть, надо остановить Санчо, пока ещё есть время? Рита бросила портфель на снег и стала карабкаться за Санчо. Следы мальчика превратились в ступеньки, по которым она поднималась всё выше. Когда же она очутилась рядом с Санчо, поезд был уже близко. Густой протяжный гудок звучал глухо, словно облепленный хлопьями снега. Земля вздрагивала, как от подземных толчков.

— Санчо!

Рита уцепилась за рукав мальчика и стала его тянуть. Он упирался и, стараясь пересилить надвигающийся грохот поезда, кричал:

— Нет! Нет! Я не трус!.. Ты должна знать!.. Я не трус!

Непрерывный гудок захлестнул все звуки тяжёлой волной. Девочка попятилась. И в то же мгновение из-под самых колёс локомотива Санчо выхватил банку с яркой наклейкой и упал на снег в трёх шагах от грохочущего состава. Всё вокруг гремело и сотрясалось. Но сквозь железный грохот Санчо услышал тихий голос Риты:

— Ты не трус!

Рельсы пели, как огромные басовые струны. Белый грохот дробно вылетал из-под колёс, словно кто-то бил в огромный барабан, но сильнее всех громов в мире звучал тихий голос девочки:

— Ты не трус... Ты не трус...

А в это время отец провожал сеньора Крэдэ. В пальто гость был ещё круглее. А его глаза металлически поблёскивали из-под широкополой шляпы.

— Желаю успехов, сеньор Родригес, — говорил он, задерживая руку Па в своей холодной пухлой руке. — От вашей деятельности зависит процветание компании!

— Вы преувеличиваете мою скромную роль, — ответил Па.

— Нет, нет. Пускайте глубже корни. Изучайте спрос. Для коммерсанта очень важно не упустить момента... Я ещё побываю у вас в скором времени.

Отец закрыл за гостем дверь. А когда вернулся в столовую, Ма убирала со стола. Из открытой форточки валили мягкие клубы морозного пара.

— Тебе не показались странными глаза нашего гостя? — спросила Ма.

— Какое значение имеют его глаза? — пожал плечами Па. — Никакого значения.

Раздался звонок.

— Это Санчо! — Ма быстро пошла к двери.

Стоя у открытого окна с сигарой, которая успела погаснуть, Па слышал, как она расспрашивала сына.

— Что с тобой? — говорила она. — Ты весь взъерошенный, весь в снегу. Что ты делал?

— Я играл в снежки, — запинаясь отвечал Санчо. — Это такая игра, в которую играют смелые мальчики.

— Тебе здорово досталось?

— Как всем... Я просто не кланялся пулям.

— Скорей раздевайся, согрейся, прими ванну. Ты есть хочешь?

— Нет, Ма.

— Рите понравился сок манго?

— Очень... понравился.

— У тебя мокрые ноги. Раздевайся скорее.

Над городом плыла глухая зимняя ночь. Утихли машины. Безмолвным стадом замерли троллейбусы. Пропали прохожие. В окнах погас свет. Казалось, весь город уснул, накрывшись с головой белой простынёй.

Только по одной из улиц медленно двигалась снегоуборочная машина. Она подгробала снег большим совком, который толкала

перед собой. И снег вскипал белой волной, которая чудом докатилась сюда с далёкого моря. Сама же машина, со всех сторон облепленная хлопьями снега, казалась существом одушевлённым. Она тяжело дышала и медленно ползла по спящему городу.

Эта ночь была тревожной для Санчо. Он метался в постели, вскрикивал и снова затихал. Ему снилось, что он стоит на рельсах, а на него надвигается белый поезд. Нет, не поезд, а огромный снежок, который он у подъезда школы принял за белый камень. Теперь этот снежок гремит и гудит долго и густо, мчится прямо на Санчо, чтобы раздавить его вместе с банкой манго, которая ярким пятном застыла на рельсе. Огромный снежок надвигается, растёт и грохочет. А Санчо стоит на рельсах и кричит ему: «Я не трус!»

Этот крик вырвался из сна. Услышав его, мама бесшумно вошла в комнату сына и села на краешек постели.

«Я не трус!» — повторил во сне Санчо.

— Ты не трус, — тихо сказала мама.

Её голос проник в сон, и снежный ком сразу распался. Санчо открыл глаза.

— Что тебе снилось, сынок?

— Мне снился белый поезд, — ответил Санчо, — но я не испугался его.

— Как громко стучит твоё сердце, — сказала Ма.

Санчо прислушался и почувствовал, что сердце его билось учащённо, как после бега.

Наверное, оно разбудило маму.

Ведь только Ма может проснуться от громких ударов его сердца.

— Поворачивайся на бок, — сказала она, — и засни. Думай о чём-нибудь хорошем...

— О чём, Ма?

— Вспомни, как мы с тобой ловили в море креветок и к нам подплыл дельфин. Ты закричал: «Кит!» А дельфин кувыркнулся в волнах, как настоящий артист. Он играл и звал поиграть тебя. Помнишь?

Санчо ничего не ответил. Он уже спал. Может быть, ему снилось продолжение маминого рассказа?

Не только Санчо спал тревожно в эту ночь. В большом доме с булочной, на третьем этаже, Рита видела такой же сон, что и Санчо.

Ей снилось, что надвигается страшный белый поезд, а Санчо стоит на путях и в руках у него банка с соком манго. Поезд всё ближе, а Санчо не уходит, стоит как маленький бесстрашный боец. Что же он медлит? Что застыл неподвижно, разве ему не страшны белые колёса?

И тогда Рита не выдерживает и кричит:

«Манго!»

Это слово как военная команда. Мальчик размахивается и запускает банку с манго в белый поезд. Банка оказывается гранатой. Она взрывается, и белый поезд летит под откос.

— Манго, — облегчённо шепчет девочка.

И тут рядом с её постелью оказывается мама.

— Манго? — спрашивает она. — Ты хочешь манго?

Девочка приоткрывает глаза.

— Он не трус, — говорит она и тут же засыпает.

А белая снегоуборочная машина плыла по городу, как маленький ледокол, выбравшийся из воды на сушу. Но и здесь, на суше, как в море, перед его носом поднимался высокий пенистый бурн.

Очень редко корабли плывут по суше, а двум разным людям снится один и тот же сон.

5

Перед уроком ребята сидели на партах, поставив ноги на скамейки. И Шурик — в очках со сломанной дужкой — рассказывал о своей собаке Дега:

— Я вчера катался на лыжах с Дегой... Она хорошо ходит в упряжке. Мчится как ветер. У меня даже шапку сорвало. Пришлось возвращаться...

— Всё брешешь, — сказал Абрикос, потирая ладонью нос. — Не может твоя Дега...

— Может! Я же катался...

— Во сне, — стоял на своём Абрикос, — во сне катался.

— Ты, Абрикос, вообще ничему не веришь, — сердито сказала Рита.

— Верю глазам. И у меня на плечах голова. Это ездовые собаки могут. Дега — что? Ездовая собака? Она лайка?

— Она овчарка! — крикнул Шурик. — А овчарки всё могут. Главное, научить...

Санчо с живым интересом прислушивался к разговору ребят. Он не успевал схватывать все слова. Но главное понимал. Неожиданно он соскочил с парты и подбежал к доске. Он взял мел и стал рисовать воздушный змей. Это был не обычный змей с двумя скрещёнными щечками, — большой корпус, широкие крылья, хвост. Змей, который возник на школьной доске, напоминал какое-то странное доисторическое существо с перепончатыми крыльями и глазастой мордой.

— Что это за страшилище? — спросил Абрикос.

— Змей! — сказал Санчо. — Можно собака... можно змей...

Ребята окружили Санчо.

— Со змеем? На лыжах? — усмехнулся Абрикос.

— Да, да... я видал... Только лыжи по воде... У нас нет снега.

— Брехня! — отрезал Абрикос.

Санчо непонимающе посмотрел на него.

— Что есть... брехня?

— Если можно на воде, можно и на снегу, — сказал Шурик, так и не дав Абрикосу объяснить непонятное слово «брехня».

— На змее можно даже летать! — воодушевлённый поддержкой Шурика, сказал Санчо. — Но сперва... лыжи.

— Сперва лыжи! — сказал Шурик.

Ребята так увлеклись воздушным змеем, что не заметили, как прозвенел звонок и в класс вошла Мария Павловна.

— Что это за дракон?

— Воздушный змей, — отозвался Санчо и только потом сообразил, что спрашивает его не кто-нибудь из ребят, а учительница. — Мы будем строить... потом кататься... лыжи. Вы поедете с нами, сеньорита Мария?

Некоторое время Мария Павловна с любопытством рассматривала змея, изображённого на доске. Потом она сказала:

— Я поеду с тобой, Санчо. А ты умеешь кататься на лыжах?

— Он научится, — ответила за мальчика Рита.

— Научится! — подтвердил Санчо.

— А пока придётся стереть твоего змея! А то он будет мешать правописанию глаголов.

Начался урок.

Санчо поражало, что ослепительно яркое солнце не даёт тепла. Когда у него на родине светило такое солнце, люди прятались от его лучей в тени. Здесь же, над белым заснеженным полем, солнце не грело, словно работало вхолостую. И было морозно. И снег не таял.

Но Санчо не было холодно. Вместо солнца его грели лыжи. Рита шла впереди. Санчо скользил по её следу.

У него это получалось неловко, он поминутно терял равновесие и от напряжения не чувствовал ни усталости, ни мятного духа зимнего дня. Ещё на родине, где снег лежит высоко в горах, а в долинах стоит вечнозелёное лето, Санчо мечтал о заснеженном поле, которое его воображение рисовало белым морем. Он видел себя на лыжах с огромным змеем, который мчит его так стремительно, что белая пена разлетается в стороны... Размечтавшись, Санчо оступился и потерял равновесие.

— Только не оглядывайся! — успел он крикнуть Рите, чтобы она не видела его позора.

Рита остановилась. И пока Санчо, неловко путаясь в длинных лыжах, пытался подняться, Рита советовала:

— Не торопись! Выноси корпус вперёд!

А Санчо в это время с невероятными усилиями — лыжи мешали — отрывался от земли. Наконец ему удалось встать на ноги, и он неловко, на негнущихся неумелых ногах, сделал шаг.

Девочка оглянулась. Санчо остановился.

— Ты действительно построишь змей? — спросила она.

— Я уже строю! Шурик... помогает мне... Мне бы научиться не падать... Пошли! Только не оглядывайся!

Комната Санчо превратилась в настоящую мастерскую. Она была завалена какими-то планками, рулонами бумаги, банками с клеем. На полу кудрявились стружки и валялись обрывки проволоки. А посреди комнаты стоял остов таинственного сооружения. Санчо строил змей, который должен будет помчатъ его по белому снежному морю.

— Когда это кончится? — спрашивала Ма. — Ты опять забрал кухонный нож!

— У тебя нет тонкой проволоки?

— Откуда у меня проволока! Бог мой! Весь пол залит клеем... Ты приготовил уроки?

Потом раздавался звонок и появлялся Шурик. Он вынимал из кармана какой-то свёрток.

— Держи, Санчо! Капрон!

— Выдержит? — спрашивал Санчо.

— Капрон! — коротко отвечал Шурик, и это означало, что выдержит и не такую нагрузку.

Ребята колдовали вокруг змея. И по комнате разливался едкий запах клея.

— Ты учишь свою собаку? — неожиданно спросил Санчо.

— Учю, — сказал Шурик, поправляя очки. — Я учу её брать след. Когда кончу школу, пойду служить на границу.

— О! Ты будешь ловить шпионов? — воскликнул Санчо. — Это, должно быть, очень, очень интересно... Я видел фильм... Страшно!

— Когда рядом друг, не так страшно, — сказал Шурик. — Дега мне как друг!

— А у неё будут щенки?

— Будут... Я подарю тебе, Санчо.

— И я... тоже буду, — начал было Санчо, но остановился: видимо, одну мысль сменила другая. Он спросил: — У лётчиков тоже может быть друг... собака?

— Может, — уверенно сказал Шурик.

«Может», — про себя повторил Санчо и вдруг увидел себя в лётном комбинезоне и большом шлеме, похожем на водолазный. Мысленно он шагал по заснеженному полю, на котором стояли серебристые машины с отведёнными назад короткими крыльями, а рядом с ним бежала большая овчарка с тёмным чепраком на спине...

— Обязательно подари мне... щенок! — сказал Санчо, заглядывая в глаза другу.

Потом поднял с пола готовое крыло змея и воскликнул:

— Наша фирма процветает!

— Какая фирма? — удивился Шурик.

— Фирма «Воздушный змей»! Твой отец служит в какой фирме?

— У меня нет отца, — тихо сказал Шурик. — Он погиб на Севере.

Некоторое время ребята работали молча. Плотная бумага потрескивала в их руках. И едко пахло клеем.

— Прости... — неожиданно заговорил Санчо. — Шурик, как погиб твой Па?

— Он спасал шведских рыбаков. Рыбаков спасли, а папу смыло волной...

— Он спасал шведских рыбаков, — тихо повторил Санчо и крепко пожал руку товарища.

Воздушный змей был готов! Он занял полкомнаты и сильно потеснил своего хозяина. А когда открывали форточку, змей едва заметно шевелился, шуршал. Он оживал от ветра. Ветер был его родной стихией.

Санчо покрасил своего летучего друга в жёлтый цвет. Нарисовал ему большие зелёные глаза и огнедышащую пасть. Крылья сделал перепончатыми, а всё «тело» покрыл чешуёй. Он не жалел красок.

За этим занятием его застал отец.

— Что собираешься делать с этим чудовищем? — спросил Па.

— Я запущу его в небо, и он повезёт меня, как собака Дега.

Па посмотрел на зеленоглазого змея, потом на сына и покачал головой.

— Давно ли ты принял снег за белый песок? А теперь уже собираешься обуздать воздушного змея и помчаться на лыжах. Кстати, наступило рождество. У меня есть два билета во дворец. Можешь пригласить свою сеньориту, которая любит сок манго.

— Во дворец к президенту? — удивился Санчо.

— В этой стране дворцы не только у президента. У детей тоже есть свои дворцы.

— А что делают дети в своих дворцах?

— Справляют рождество. А когда рождество проходит... я не знаю, что они делают во дворцах. Спроси у своих товарищей.

Санчо опустил голову, задумался. Потом он сказал:

— У моего друга... Шурика отец погиб, спасая шведских рыбаков...

— Это очень печально, — сказал Па. — «У пальмы зелёные крылья, но пальма не может взлететь...»

Елка! Елка! Елка! Она всюду: на витринах магазинов, на площадях, в окнах домов. Елка украшена игрушками, осыпана серебром и золотом. Елка пахнет лесом и праздником. Самым любимым праздником года. Елка — это праздник детей. Но взрослые тоже охотно празднуют его: для взрослых это память о самых дорогих днях жизни — о детстве.

Горячими потоками стекаются дети на праздник во Дворец пионеров. Все спешат, все боятся опоздать, все прижимают к груди билеты — боятся потерять. И нет на свете такой плотины, которая могла бы сдерживать этот праздничный ребячий поток.

Санчо и Рита шли во дворец, принадлежащий не президенту, а детям. Они прижимали к груди билеты и тоже боялись опоздать.

— Змей готов? — спрашивала Рита своего друга.

— Готов... Он должен... сохнуть.

— Сохнуть? — удивилась девочка. — Ты мыл его?

— Нет... я красил змей... Я нарисовал ему глаза... зелёные, крылья — жёлтые.

— Жёлтый змей с зелёными глазами? — Рита засмеялась.

— Это смешно, когда жёлтый змей?

— Нет, — Рита продолжала смеяться, — это весело! А вот и дворец — смотри!

Воображение Санчо рисовало дворец совсем не таким, каким он оказался. На детском дворце не было статуй и гербов, не было старинных фонарей. У входа не стояли гвардейцы с обнажёнными саблями, не было... Словом, всё было иным. Большие стеклянные окна, и толпы ребят у входа, и пар, вырывающийся из дверей, и по краям две ёлочки, нарядные и ровные, как близнецы.

Санчо разглядывал этот необычный дворец, а Рита тянула его за руку:

— Идём, а то опоздаем!

Потом они поднялись по большой мраморной лестнице и очутились в огромном хороводе. Санчо крепко сжимал руку своей подруги, чтобы не потеряться в этом круговороте музыки и веселья. А запах ёлки, горьковатый, смолистый запах, волновал воображение и настраивал на сказочный лад. И вдруг Санчо, забыв, что вокруг множество народу, закричал:

— Папаноэль! Смотри, Папаноэль!

— Нет, — сказала Рита.

— Ты думаешь, это Балтазар или Гаспар? — Глаза Санчо горели, а его смуглое лицо от возбуждения стало ещё смуглее. — Нет, Рита! Я узнаю его. Это Папаноэль!

— Какой Папаноэль? — удивилась девочка.

— Разве ты не знаешь? Это самый добрый из трёх рождественских королей! Только у него должна быть корона...

Всё это произошло в тот момент, когда в кругу появился Дед-Мороз. Белобородый, густо наруганный, в шапке и в шубе и в больших рукавицах.

— Это Дед-Мороз, — сказала Рита. — Он раздаёт подарки.

И тут круговорот ребят стал относить его и Риту в сторону. Они очутились рядом с оркестром. В этом карнавальном оркестре все музыканты были одеты в пёстрые клоунские костюмы. У всех были красные носы, а глаза обведены белыми кругами, похожими на очки.

— Вот... Рита... Смотри! — Санчо подвёл свою подругу ближе к оркестру и показал на одного из музыкантов. — Это банджо. На таком играл мой дедушка Хуан-Мария. Пока его не убили.

Оркестр заиграл с новой силой.

Банджо было похоже на маленький барабан с грифом и струнами. Музыкант играл на нём, как на гитаре.

— Я вижу, — тихо отозвалась Рита и посмотрела на смешного человека в белых очках с красным носом. «Неужели дедушка Санчо Хуан-Мария был похож на него? — подумала девочка. — А может быть, если отмыть музыканту нос и белые круги, он будет мужественным и красивым, похожим на бойца-антифашиста?»

Санчо наклонился к Рите и сказал:

— Значит, завтра. Ты думаешь, мой змей не подведёт?

— Он полетит как надо!

— И сеньорита Мария поедет с нами?

— Она обещала... Она обещала повезти нас на большое заснеженное озеро. Оно ровное, и там дуют сильные ветры.

— А Шурик поедет с Дегой. Кто 'быстреей — змей или Дега?

И тут оркестр заиграл весёлый галоп и заглушил голоса двух друзей.

6

По ровному замёрзшему озеру двигалась стайка ребят. Они растянулись цепочкой, и за ними по снегу сверкал ровный след, словно кто-то проложил здесь два рельса. Стайка двигалась медленно, а идущий впереди нёс какой-то непонятный жёлтый предмет. От порывов ветра этот предмет вздрагивал и пытался вырваться из рук. Он был похож на парус, вернее, на сложное парусное оснащение

корабля. Стайка маленьких лыжников шла под этими странными жёлтыми парусами. Рядом с ними бежала собака.

Это был Санчо и его советские друзья. И с ними «сеньорита Мария». Сегодня предстояло испытать змея. Станет ли он запряжённой птицей, понесёт ли Санчо и его друзей по снежному морю или окажется неспособным к полёту?

— Осторожно, осторожно! — беспокоился Шурик. — Не проткните бумагу!

— Ребята, стойте! — сказала Рита. — Ветер сильный!

— Сперва надо запустить змея на высоту, — посоветовал Абрикос.

— Надо бежать, а потом он потянет сам, — сказала учительница. В спортивном костюме, на лыжах, она мало чем отличалась от своих питомцев.

— Я сниму лыжи и побегу, — предложил Шурик. — Ты, Санчо, будь готов!

Ребята расступились. Шурик снял лыжи. Санчо приготовился.

Сперва змей не хотел разлучаться со своей компанией. Шурик бежал, а змей нехотя следовал за ним. Один раз даже проехался по снегу.

— Не тянет! — крикнул Абрикос. — Я так и думал...

— Должен! Он должен! — отозвался Санчо.

— Неужели он не полетит? — вздохнула тихая Алиса.

Шурик бежал. Овчарка огромными прыжками мчалась рядом, а ребята на лыжах едва поспевали за ними.

И вдруг воздушный поток подхватил змея и поднял его на следующий этаж. Теперь до змея нельзя было уже достать рукой. Шурик тянул, змей набирал высоту. Капроновая жила напрягалась всё сильнее. И вот уже не мальчик тянул змея, а змей, очутившись в своей стихии, потянул его.

— Тянет! — крикнул Шурик.

— Тянет! Тянет! — закричали остальные.

— Держи, Санчо!

— Осторожно! — крикнула «сеньорита Мария».

Санчо едва успел перехватить капроновую жилу, как почувствовал мощную, упругую силу, которая повлекла его вперед.

— Пошёл! Пошёл!

Санчо заскользил по ровному снегу. «Только бы устоять на ногах! Только бы сохранить равновесие!» Теперь змей казался ему каким-то

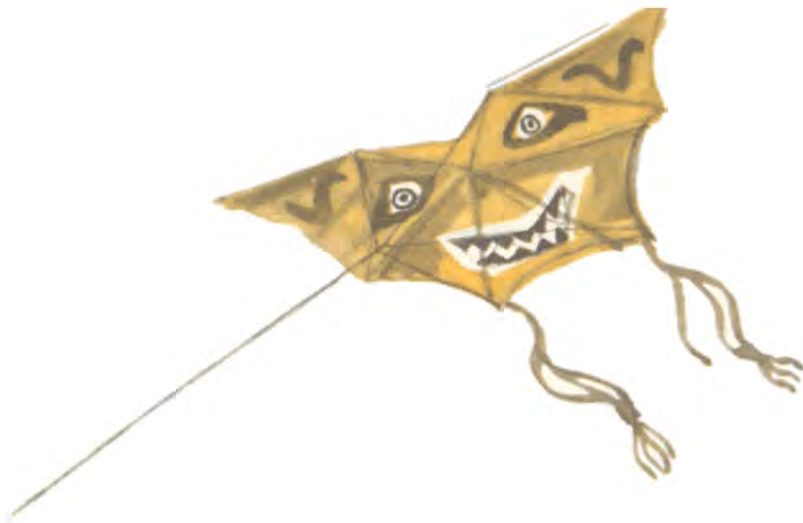
одушевлённым существом, которое парит высоко над землёй. С этим существом его связывала не просто капроновая жила, а нечто большее, живое. Они стали одним неразрывным целым — мальчик и змей. У них было общее движение, общее стремление. Ребята остались далеко сзади, и Санчо чувствовал, как змей то замедляет свой полёт, то тянет с новой силой. Мальчик скользил по снегу, и казалось, нет такой силы, которая могла бы его удержать, остановить. Теперь змей соперничал с ним: кто сильнее! А что, если змей перетянет и оторвёт Санчо от земли?!

Мальчик поднял голову и посмотрел на змея. Змей показался ему жёлтой рыбой, плывущей в голубом море. Рыба хочет вырваться, но Санчо не отпускает. У него хватит сил удержать эту сильную рыбу.

Змей, видимо, поднялся ещё на один этаж — там скорость воздушного потока была сильнее. И вдруг Санчо почувствовал удивительную лёгкость — змей поднял его над землёй. Летит! Санчо стало страшно и весело... Но змей быстро потерял силу, мальчик почувствовал жёсткий толчок — земля! — потерял равновесие и упал. Он упал, а змей продолжал тянуть. Он не видел, что его земной друг упал! Он волок Санчо по снегу, и у мальчика не было возможности удержать его хотя бы на минуту, чтобы встать на ноги. Санчо вскрикнул. Никто не услышал его голоса.

Ребята отстали. Сильный ветер заглушал все звуки.

Потом Санчо проехал щекой по шершавому заледеневшему снегу и, видимо, содрал кожу, потому что щека стала гореть.

«Надо отпустить бечёвку, — подумал Санчо, но другая мысль удержала его: — Нельзя упустить змея!»

Он крепче сжал руку. Теперь он был уже не другом и соратником этой созданной им летающей птицы, а якорем, который изо всех сил хочет удержать змея, остановить его движение. Он боролся со змеем.

А ребята, которые видели, что происходит, спешили к нему и кричали:

— Санчо! Отпускай змея! Отпускай!

Он не слышал совета друзей.

Надо было скорее помочь ему! Но от ребят до Санчо было большое расстояние. И тогда Шурик крикнул:

— Дега, ко мне!

Собака тут же очутилась рядом. Шурик прикрепил длинный поводок к упряжке и скомандовал:

— Вперёд! Дега, вперёд!

Собака бросилась вперёд, увлекая за собой своего маленького хозяина. Сухой снег поднялся легким облачком. Шурик крепко держался за поводок, а Дега, не сбавляя скорости, неслась вперёд, туда, где Санчо боролся с жёлтым змеем.

Остальные, налегая на палки, спешили за Шуриком. Впереди скользила «сеньорита Мария», не на шутку встревоженная аварией, которую потерпел её маленький иностранный питомец.

Скорее! Скорее! Скорее!

Вот уже Шурик приближается к Санчо... Поравнялся с ним... Ухватился рукой за тугую капроновую нить... Санчо разжал руку, со змеем боролся Шурик.

И, лёжа на снегу, Санчо вдруг подумал: «Его отец спас шведских рыбаков, а его самого смыло в море... Может быть, Шурик спас меня, а сам...»

Мальчик попробовал привстать, но его как бы ударило током: болела нога. Санчо опустился на снег и закрыл глаза. И тут он почувствовал над собой горячее дыхание, и длинный тёплый язык лизнул его ободранную щёку. Санчо открыл глаза. Это была Дега — верный друг Шурика.

— Дега! — прошептал мальчик.

Собака радостно завиляла хвостом

— Вот мы и познакомились... — Эти слова он произнёс на родном языке, но Дега, видимо, поняла, что он сказал, и снова лизнула его, теперь уже в другую щёку.

А Шурик тем временем одолел змея. Тот перестал рваться ввысь, послушно опускался и наконец лёг на снег жёлтыми крыльями.

Тем временем подросли остальные лыжники.

— Ты ранен? — тревожно спросила «сеньорита Мария», останавливаясь рядом с Санчо.

— Нога, — сказал Санчо, — болит...

— Ты сломал ногу? — испуганно спросила Рита.

— Не знаю.

Санчо всё ещё находился во власти стремительного, безрассудного движения. В ушах стоял шум, а сердце билось учащённо.

— Я не отпустил его, — сказал мальчик.

— Сейчас я сниму с тебя лыжи, — предложила Рита.

— Сам! Не может сеньорита...

— Я твой друг, а не сеньорита, — сказала Рита и опустилась на колени.

— Спасибо... друг, — прошептал Санчо и дотронулся рукой до ободранной щеки.

Ребята наконец окончательно обуздали змея, и он, казалось, тоже выбился из сил.

Змей увёл ребят довольно далеко, и теперь они — Шурик, Абрикос и Алиса — возвращались к Санчо, лежащему на снегу, а змея вели под уздцы, как ретивого скакуна.

— Я ранен в бою, — вдруг шепнул Санчо Рите, — а ты сестра милосердия, ты спасешь меня.

— Ты смелый парень, — сказала Рита. — И никаких ветряных мельниц! Тебе очень больно?

— Мужчина должен терпеть, — был ответ.

Подошли ребята со змеем.

— Здорово у тебя получилось, — сказал Абрикос. — А я думал, ничего не выйдет.

Ребята соорудили из лыж сани и везли на них раненого товарища, а Рита шла рядом.

— Осторожней! — говорила она ребятам. — Ему же больно!

— Мне не больно! — отзывался Санчо. — А всё-таки змей полетел!..

— Что случилось, Санчо?

Ма стояла в дверях, а перед ней на лестничной площадке толпились ребята, которые помогли Санчо добраться до дома. Одна нога Санчо была разута и забинтована. На щеке — пятно...

— Бог мой! Ты попал в катастрофу?!

— Я катался на лыжах со змеем, — сказал Санчо, виновато оглядываясь на товарищей.

И тут к Ма подошла учительница, «сеньорита Мария».

— Здравствуйте. Я учительница Санчо, — представилась она.

— И вы тоже... со змеем? — удивилась Ма.

— И я тоже... Я поехала с детьми кататься на лыжах... И вот случилось...

— Боже мой! — воскликнула Ма.

— Ничего страшного, — сказал Санчо, — со всеми случается.

— Доктор сказал, что скоро пройдет, — вступила в разговор Рита. — Санчо вёл себя бесстрашно.

— Бесстрашно, — вздохнула Ма. — У нас в роду все ведут себя бесстрашно и погибают в бою.

— Я знаю: ваш отец был банджистом, — тихо сказала Рита.

— Даже банджисты в нашей семье погибают в бою... Я так боюсь за Санчо.

И тут Ма спохватилась, что не пригласила всех войти в дом, что вот уже несколько минут они стоят на лестничной площадке — и друзья Санчо, и «сеньорита Мария».

— Что же вы стоите! Заходите, пожалуйста. И надо вызвать врача.

— Мы уже были у врача, — напомнила Рита.

— Санчо! У тебя хватило денег на врача? — заволновалась Ма и, обращаясь к Марии Павловне, спросила: — Может быть, вы заплатили свои деньги?

Учительница покачала головой.

— Зачем платить за врача? — удивился Шурик.

— Ах да, у вас в стране бесплатно то, за что во всём мире платят деньги. И немалые, — вздохнула Ма.

Ребята толпились на лестничной площадке. А главный виновник происшествия — воздушный змей — смиренно поглядывал своими зелёными глазами. Его огнедышащая пасть остыла и была уже не такой страшной.

— Нам пора! — сказала Мария Павловна.

— Поправляйся, Санчо! — помахала рукой Рита.

— Я скоро поправлюсь, — отозвался Санчо.

— Жаль, что вы не располагаете временем, — сказала Ма. — Посетите нас в другой раз. Мы будем рады.

— Спасибо! — за всех ответила Рита.

— Ма, это Рита, — шепнул маме Санчо.

— Которая любит манго? — спросила Ма.

— Да!

Ребята стали спускаться по лестнице. Откуда-то снизу донеслось:

— Поправляйся!

На площадке остались трое: Ма, Санчо и жёлтый змей.

— Выброси его! — сказала мама.

— Нет! Он ещё покатает меня на водных лыжах. Он очень хороший змей.

— Идём, инвалид! — вздохнула Ма и подставила Санчо плечо.

Прошло немало времени. Зима закончила свои снежно-ледяные дела и уступила место весне. И Санчо был крайне удивлён, когда почувствовал на щеке прикосновение тёплого ветра и увидел, как разворачиваются свёрнутые в трубочку зелёные листья. Он думал, что здесь всегда белый цвет, а зелёный только за океаном, у него на родине.

Санчо давно освоился с русской школой и писал диктанты вместе со всем классом. И хотя делал ошибки, но не так много, как в первое время. Нога у него зажила. А жёлтый змей, в ожидании лета, был водружён на шкаф. Он поглядывал оттуда зелёными глазами, а когда открывали форточку, то вздрагивал и шуршал.

В ту пору в доме Родригес снова появился гость с далёкой родины.

На этот раз сеньор Крэдо остановился на несколько дней. Его поместили в кабинете Па. Теперь, когда он переступал порог дома, его срывающийся голос звучал на всю квартиру:

— Санчо! Какие новости?

— Наши выиграли в хоккее со счётом четыре — один!

— Наши? — Два буравчика впивались в Санчо. — Разве в Союзе играет клуб «Эриган-сити»?

— Нет! Наши — «Спартак»!

— Наши... «Спартак»... — Сеньор Крэдо поводил круглыми плечами. — Уже «Спартак» — наши? Надеюсь, тебя ещё не приняли в пионеры?

Однажды Па стоял перед зеркалом и брился. Его лицо было густо намылено, и он чем-то был похож на новогоднего Деда-Мороза. Сверкающее лезвие опасной бритвы с лёгким потрескиванием вместе с пеной соскребало щетину. Отец оттягивал кожу и ещё раз начисто проводил бритвой. Глаза его были сосредоточены, как будто он занимался чрезвычайно важным делом.

И тут в зеркале появился Санчо.

— Па, здравствуй!

— Салют! — отозвался Па и в знак приветствия слегка приподнял бритву. — Как успехи в школе?

— Сегодня в диктанте я сделал всего пятнадцать ошибок!

— И получил кол?

— Нет... Мария Павловна ничего мне не поставила... Она говорит, что это естественно.

— Это естественно, — механически повторил Па и с ожесточением намылил небритую щёку.

— Зато по физре я получил «пять»!

— Что такое «физра»?

Санчо засмеялся: ему показалось странным, как это человек не знает, что такое «физра».

— Гимнастика, — ответил он.

— А-а, — протянул Па и надул щёку, чтобы легче было брить.

Санчо взял в руки освободившуюся кисточку и намылил себе щёки и подбородок. У него как бы выросла белая борода, и он на мгновение как будто превратился в Деда-Мороза — Деда-Мороза мальчика.

— Не балуйся, — сказал Па и улыбнулся. — Ещё успеешь намучиться с бородой. У тебя тоже будет борода, как проволочная. Жёсткая и быстро растущая. Электробритвы бессильны.

— Я буду бриться, как ты, опасной бритвой, — сказал Санчо и принялся смывать мыльную пену.

Потом он вытер лицо и сказал:

— Па, через три дня у Риты день рождения.

— Вот как! — воскликнул Па, внимательно разглядывая своё лицо. — Надо будет приготовить ей подарок.

— Очень прошу тебя, Па, только не покупай, пожалуйста, куклу. Советские девочки не играют в куклы!

— Во что же они играют? — Па повернулся к Санчо.

Санчо задумался, потом сказал:

— Они играют в те же игры, что и мальчишки.

— Вот как! Ты поставил передо мной сложную задачу. Куда проще, когда девочки играют в куклы.

В это время в дверях ванной появился сеньор Крэдо.

— Куда проще, когда девочки играют в куклы, — повторил он слова Па. — Однако, дорогой Родригес, мы не должны ударить лицом в грязь. Мы вместе подумаем о подарке.

— Спасибо, — сказал гостю Санчо. — Спасибо, сеньор Крэдо.

Он был уверен, что двое взрослых что-нибудь да придумают. Тем более, они не хотят ударить в грязь лицом.

Накануне Ритиного дня рождения сеньор Крэдо принёс подарок. Да, гость с родины воистину не ударил лицом в грязь! В большой коробке стоял сверкающий никелем космический корабль. Сеньор Крэдо своими пухлыми короткими пальцами извлёк игрушку из коробки и поднял её над головой.

— Смотрите! Смотрите!

Па и Ма пришли на его зов, чтобы взглянуть на подарок.

— Какой красивый! — воскликнула Ма.

— Красивый?! Вы ещё не видите всей красоты! — воскликнул сеньор Крэдо и поставил ракету на стол. — Откуда будем производить запуск? Из Караганды? Ха-ха! — Он звучно засмеялся своей шутке. — Итак: пять, четыре, три, два, один!

Он нажал на кнопку, и в это мгновение внутри ракеты послышался нарастающий рокот, под соплами замелькали отблески пламени, а сама ракета задрожала, готовая оторваться от земли и устремиться ввысь, даже если для этого ей пришлось бы пробить потолок и крышу.

Сеньор Крэдо снова нажал кнопку: огни погасли, ракета затихла.

— Каков корабль?

— Прекрасный, — сказал Па, — я с удовольствием сам бы поиграл такой игрушкой!

— За такую игрушку, — сказала Ма, — я, пожалуй, отдала бы свою самую любимую куклу.

— Только ни слова Санчо, — предупредил сеньор Крэдо, — пусть это будет сюрпризом и для него.

На том все и порешили.

Когда Санчо пришёл из школы, Па позвал его и сказал:

— Вот подарок!

Подарок был снова упакован и перевязан бечёвкой.

— Что это? — спросил Санчо.

— Завтра узнаешь. Пусть это будет сюрпризом не только для Риты, но и для тебя.

— Спасибо, Па! Ты слышал, что в дельте реки Меконг наши снова надавали марионеткам?

— Какие наши? — с недоумением спросил Па. — С каких пор они стали нашими?

— Мы сегодня собирали металлолом в пользу борющегося Вьетнама, — сказал Санчо. — Разве нельзя?

— Раз все собирали... — растерянно сказал Па. — Ещё несколько недель — и ты будешь законченным пионером.

Санчо как-то странно посмотрел на отца и пошёл к себе в комнату.

— Подарок возьмёшь завтра. И не распаковывай его, — вслед сыну сказал сеньор Родригес.

На другой день Ма собирала сына на день рождения. Она достала из шкафа белую рубашку с жабо, которое напоминало взбитые сливки, вылитые на грудь.

— Это очень элегантно! — сказала она.

На что сын ответил:

— Не надену!

— Но почему же, Санчо?

— Я не пижон! — был ответ. — Это только пижоны носят жабо. А наши ребята не носят.

— Что же носят ваши ребята?

— Красные галстуки.

— Хорошо, — терпеливо сказала Ма. — Я поищу у отца красный галстук.

— Отец — не пионер. Его галстуки не годятся. Дай мне простую рубашку.

Потом Санчо отказался от золотых запонок, которые, оказывается, носят только капиталисты, и от лакированных туфель, которые носят девчонки, и от одеколona, и от пробора. Он окончательно расстроил Ма, которая искренне хотела, чтобы её сын был самым элегантным.

— Я не опоздаю? — поминутно спрашивал Санчо. — Сколько времени? У нас верные часы?

— Кто будет на празднике? — спросила мама. ‘

— Свои ребята, — ответил Санчо, подхватывая свёрток с подарком, — чуть не забыл его! — и помчался так, словно опаздывал на поезд.

Дверь ему открыла сама хозяйка дома — Рита.

— Санчо! Заходи, Санчо!

Санчо переступил порог и шаркнул ножкой, при этом он очень элегантно наклонил голову.

— Рита, поздравляю тебя... Вот, пожалуйста, прими.

Он протянул девочке свёрток с подарком.

В прихожую выбежали Ира и Алиса. Они были такие нарядные, что Санчо не сразу узнал их, шаркнул ножкой, наклонил голову. Девочкам это очень понравилось. Они зарделись от удовольствия, а Рита заторопила друзей:

— Идёмте! Идёмте!

В столовой был накрыт стол. Он напоминал праздничную витрину, где всё сверкает и влечёт, но ни до чего нельзя дотронуться. На каждой тарелке белым парусом возвышалась крахмальная салфетка — целая флотилия маленьких парусов... Долговязый Абрикос и Шурик сидели на стульях. Вид у них был унылый, они чувствовали себя в гостях скованно. Казалось, что они приглашены за какие-то проделки к директору и сидят в приёмной в ожидании, когда их позовут.

Санчо поздоровался с ребятами за руку и, присаживаясь рядом, спросил:

— Вы танцуете мамбо?

Ребята переглянулись и не ответили.

— А у нас в колледже все танцуют мамбо. Даже малыши! — сказал Санчо.

Ира, накручивая на палец кончик косы, сказала:

— Научи нас, Санчо!

— Это очень просто. Нужна музыка.

И он стал напевать мелодию мамбо, отбивая ритм ногой.

— Сразу видно, что твой дедушка был музыкантом! — сказал Шурик.

— Покажи, что он тебе подарил, — громко шепнула на ухо хозяйке Алиса.

— Потом, — сказала Рита, — я и сама не знаю.

— И я не знаю, — признался Санчо, который услышал разговор подружек. — Па сказал, пусть это будет сюрпризом и для меня.

— Давайте посмотрим! — предложил Абрикос.

— Давайте! Давайте!

И стайка ребят легко снялась с места и перелетела в Ритину комнату, где на столе стоял ещё пахнущий ветром свёрток.

Когда свёрток был распакован и в руках у виновницы торжества очутился космический корабль, гости ахнули! Все стали трогать подарок, вертеть, заглядывать в круглые иллюминаторы.

— Должен заводиться, — со знанием дела сказал Абрикос.

— Должна быть кнопка, — смекнул Шурик.

И действительно, кнопка нашлась. Рита нажала её, и космический корабль ожил. Он задрожал, загудел, замигал сигнальными огоньками, а в его соплах появился алый отблеск пламени.

— Вот это штука!

— Заграничная!

— А взлететь он может?

Все эти вопросы обрушились на Санчо, а он сам видел диковинную игрушку в первый раз и не мог ответить ни на один вопрос.

В это время из соседней комнаты донёсся голос Ритиной мамы:

— Дорогие гости, прошу к столу!

Стайка снова снялась с места.

В столовой Санчо увидел старика в чёрном костюме, с палочкой, с которой он, видимо, никогда не расставался. Часть лица у него была когда-то обожжена. И лиловый след ожога придавал лицу старика странное выражение.

— Дедушка! — Рита схватила Санчо за руку и подвела к старику. — Это — Санчо. Я тебе рассказывала...

Старик протянул мальчику руку.

— Здравствуйте! — Санчо шаркнул ножкой. — Вы были война? Мой дедушка тоже война... Испания... Но пассаран!

Старик внимательно выслушал Санчо.

— Я воевал в Испании, — сказал он. — В те годы все порядочные люди стремились в Испанию, помочь своим братьям.

— Братьям! — согласился Санчо. — Моего дедушку звали Хуан-Мария Родригес. Вы не встречали его? Он играл... банджо и пел о борьбе и свободе...

Ритин дедушка покачал головой. Потом спросил:

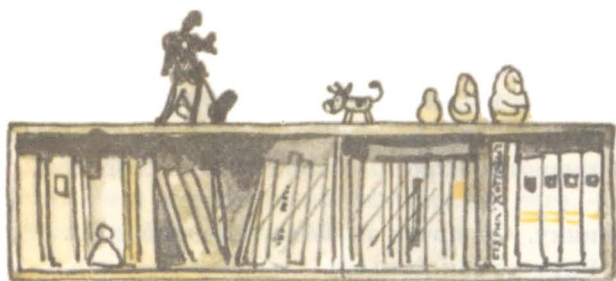
— Он вернулся?

— Да!.. Но потом хунта... фашисты...

— Твой дедушка был настоящим бойцом, — сказал старик и ещё раз пожал руку Санчо, словно тот был внуком его друга.

В комнату вошёл высокий военный с ровными светлыми волосами рано поседевшего человека.

— Познакомь меня со своим заморским другом, — сказал он Рите. — Санчо? Тебя звать Санчо? — Он подошёл к Санчо и положил ему руку на плечо. — Неплохая из нас получается пара: Санчо Панса и Дон Кихот. Правда, похожи?

Все вдруг повеселели, засмеялись.

Потом гости сели к столу. И начался пир. Ребята заняли одну часть стола и как бы отделились от взрослых. У них были свои разговоры, свои шутки и смешки. Взрослые жили своей взрослой жизнью.

Санчо всё было в диковинку. Он почти ничего не ел и брался за вилку только тогда, когда Рита командовала:

— Ешь!

Время от времени Санчо поглядывал в угол комнаты, где, прислонясь к стене, стоял пропеллер погибшего самолёта с чёрными следами огня на серебристых лопастях. Рядом висел портрет военного лётчика, и Санчо всё старался найти его среди взрослых. Спросить же у Риты, который её Па, он не решался.

Рядом с пропеллером, на серванте, стоял подарок Санчо, и от этого соседства он как бы переставал быть игрушкой, а превращался в настоящий космический корабль. Только маленького размера.

— Как поживает жёлтый змей? — неожиданно спросил Шурик.

— О! Он ждёт лета, — отозвался Санчо. — Где взять водные лыжи?

— Раздобудем, — сухо сказал Абрикос.

— Как интересно! — воскликнула Алиса.

Ребята ели и шушукались, как заговорщики. Они не хотели доверять свои тайны взрослым.

Потом в руках у высокого военного появилась гитара. И он запел песню о лётчике, который не вернулся на базу:

Горячий след остыл под облаками,
Осталось небо где-то высоко.
И лётчик обгоревшими руками
Родную землю обнял широко.

Над ним восходит огненная трасса,
Он на крови лежит, как на заре,
И кажется, он возвращался с Марса
И в атмосфере, как звезда, сгорел...

Санчо слушал эту грустную военную песню, и ему казалось, что поют про его дедушку, хотя он не был лётчиком, а просто играл на банджо...

Когда ужин кончился и гости вышли из-за стола, Санчо задержался у пропеллера и дотронулся до него рукой.

— Как хорошо быть... лётчиком, — сказал он и вдруг заметил, что Рита внимательно смотрит на него. — А ты кем... хочешь быть, Рита? Манекенщицей?

Девочка покачала головой.

— Тогда... диктор телевизион? — гадал Санчо. — У нас все девочки... в колледже мечтают о телевизион...

— Я хочу летать! — неожиданно сказала Рита.

— Ты хочешь стать... стюардесса? — наконец-то Санчо угадал.

Но Рита недовольно повела плечами.

— Я хочу испытывать самолёты. А ты?

В комнате уже никого не было. Санчо тревожно посмотрел в глаза подруге, потом прижался щекой к холодному винту погибшего самолёта и сказал:

— Па говорит, надо мечтать о реальном... Может быть, я стану совладельцем компании.

— Ты хочешь стать капиталистом? — в упор спросила Рита. — У тебя нет своей мечты?

— Я тоже... хотел летать, — после некоторого раздумья сказал Санчо. — Но у нас стать лётчиком почти невозможно, а испытывать самолёты... У нас нет своих самолётов... Мы покупаем уже испытанные...

Санчо совсем загрустил. Тогда Рита подошла к нему и весело сказала:

— Не вешай нос, Санчо! Может быть, ты станешь лётчиком!

Она включила игрушечный космический корабль. И сразу вспыхнуло пламя, раздался рокот, ракета затряслась, и в иллюминаторах зажглись разноцветные сигнальные огни.

8

В этот вечер Санчо долго не мог уснуть. Уже за окном всё реже звучали шаги прохожих и до центра стали долетать гудки поездов. А Санчо всё лежал с открытыми глазами, и перед ним, как на экране, возникали картины Ритиногo дня рождения. Он видел лица ребят. Слышал их голоса. Ощущал запахи угощения. Он чувствовал

на щеке таинственный холодок пропеллера, обгоревшего и надломленного, словно только что побывавшего в бою.

Санчо показалось, что он слышит тихие звуки гитары и голос высокого военного, «Дон Кихота», который поёт грустную песню о лётчике, не вернувшемся на базу. Он слышал песню так ясно, словно она звучала где-то рядом. Санчо открыл глаза и сел. Песня продолжала звучать. Она доносилась из соседней комнаты. Мальчик на цыпочках подошёл к двери, ведущей в кабинет Па, и легонько приоткрыл её. Песня зазвучала громче:

...Чтоб заменить погасшую звезду,
И, с громом набирая высоту,
Умчалась ввысь родная эскадрилья,
Друзья шинелью лётчика покрыли.

Санчо стоял перед дверью в одной рубашке, а знакомая песня звучала так близко, будто дверь из его комнаты вела не в отцовский кабинет, а в столовую, где сидели Ритины гости.

Санчо заглянул внутрь. Он увидел круглую спину сеньора Крэдо, крест-накрест перечёркнутую тонкими подтяжками. В чёрных вьющихся волосах поблёскивала розовая лысина. Перед гостем с родины стоял радиоприёмник. Может быть, песню передают по радио?

Но в это время песня кончилась, и в приемнике зазвучали знакомые голоса. Санчо узнал голос Ритинога деда, и высокого военного, и самой Риты. И ему стало нестерпимо стыдно, словно он стоит перед чужой дверью и тайком подслушивает чужой разговор. Нет, подслушивает не он, а гость с родины. Он проник в Ритин дом, запустил туда свои буравчики. Как он смеет?! Санчо с силой распахнул дверь отцовского кабинета:

— Сеньор Крэдо!

Гость вздрогнул, пригнулся, словно в ожидании удара, и медленно повернул голову. Он увидел Санчо, и лицо его побелело.

С лёгкостью, поразительной для толстого человека, он подскочил к Санчо. Захлопнул дверь и два раза повернул в замке ключ.

Санчо продолжал стоять перед закрытой дверью, не зная, что ему делать. Его мысль работала трудно и напряжённо. Надо что-то делать! Надо предупредить Риту! Надо заставить замолчать приёмник сеньора Крэдо!

И вдруг Санчо вспомнил о маленьком космическом корабле, который он подарил Рите. О корабле, который стоял рядом с пропеллером самолёта, погибшего в трудных испытаниях. Этот корабль принёс сеньор Крэдо... Круглая спина, розовая лысина, приёмник, повторяющий всё, что происходило в Ритином доме...

Нет! Это не гордый космический корабль, а корабль-шпион, корабль-предатель!..

Санчо повернулся спиной к закрытой двери. Подошёл к постели и быстро стал одеваться.

Он выбежал из дома и помчался по улице, забыв застегнуть куртку. Он бежал мимо знакомых домов и перекрёстков, мимо погасших витрин и уснувших светофоров. А откуда-то из-за города ветер доносил крепкий настой земли, похожий на запах тёплого хлеба. И на деревьях, погружённых во тьму, набухали почки, готовясь к зелёному салюту. Но Санчо не чувствовал притаившейся весны. Он бежал, а в ушах звучала гитара и голос военного пел песню о лётчике, не вернувшемся на базу. Сейчас Санчо шёл в бой. И может быть, он тоже не вернётся, погибнет в скрытом бою, который ведёт сеньор Крэдо: он знает, что Ритин папа испытывает самолёты, и он послал в Ритин дом своего помощника-невидимку. Надо спешить, чтобы в Ритином доме не сказали чего-то важного, что не должен знать гость с родины... Скорей! Скорей!

Санчо вспомнил Дегу. Большую, сильную овчарку, которая тёплым языком лизала ему щёку, когда он лежал на снегу с вывихнутой ногой. Ему захотелось крикнуть, как Шурик: «Дега, ко мне!» Ведь Дега умеет не только лизать щёку, но и брать след врага. Так и пусть она прибежит и возьмёт след сеньора Крэдо. Пусть!

Санчо бежал не останавливаясь до тех пор, пока перед ним не возникли каменные бородачи, поддерживающие балкон.

Сеньор Крэдо услышал в приёмнике звонок.

«Кто это?» — спросил один голос.

«Запоздалый гость», — отозвался другой.

«Да нет. Наверное, поздравительная телеграмма!»

И вдруг тревожный женский голос спросил:

«Санчо! Что случилось? На тебе нет лица! Тебя кто-нибудь обидел?»

Ещё сеньор Крэдо услышал учащённое дыхание мальчика, который ничего не говорил, только громко дышал.

Потом раздался страшный треск. И всё умолкло.

Напрасно сеньор Крэдо вертел какие-то рукоятки. Приёмник молчал. Потом вновь зазвучали обрывки голосов, музыки, позывные, но не те, что нужны были представителю компании по продаже бананов.

Гость с родины вдруг понял, что произошло. Он быстро подошёл к двери и открыл её.

Постель Санчо была пуста. Гость опустился на постель мальчика и взялся руками за голову.

Санчо стоял посреди комнаты, а у его ног валялся разбитый космический корабль. Блестящая обшивка была смята. Цветные стёкла сигнальных огней разбиты. Из сопла торчал какой-то провод...

— Санчо, что это значит? Объясни!

Рита стояла рядом со своим маленьким другом и тянула его за руку.

— Он... гость... слушает... — пробормотал мальчик.

— Какой гость? Почему ты разбил подарок?

— Этот подарок... шпион!

— Шпион?

Рита испуганно смотрела на Санчо. Военный наклонился, поднял с пола потерпевший аварию космический корабль и достал из кармана нож.

— Вот оно что! — сказал он и стал разбирать злосчастную игрушку.

— Он приехал... он дал мне этот... подарок... Он всё слушает!

От фраз оставались одни осколки, но все, кто был в комнате, понимали Санчо.

— Бой продолжается, — тихо сказал Ритин дедушка.

— Теперь меня... нет. Моего Па прогонят из компании.

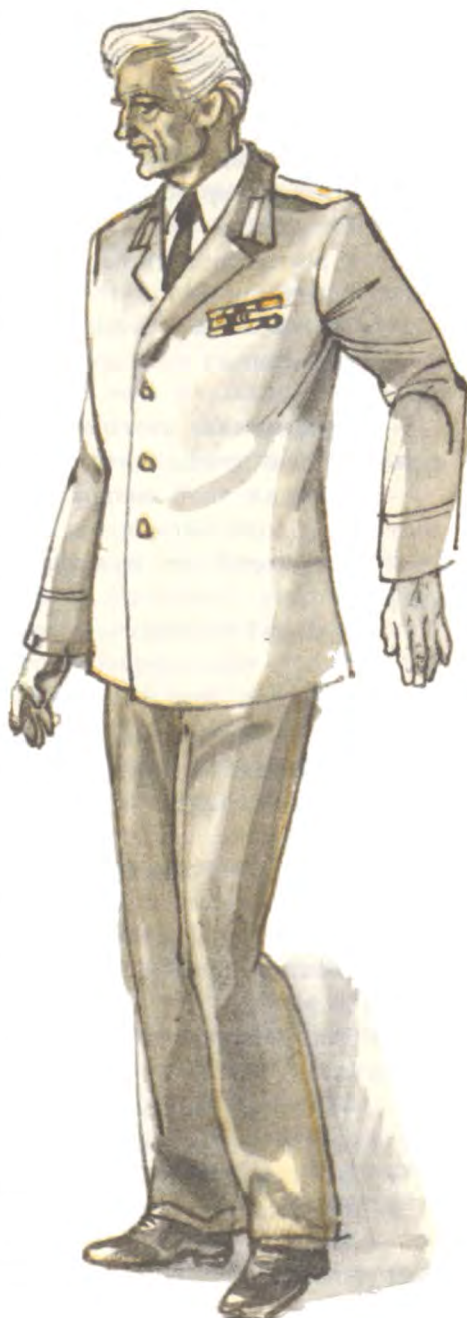
Санчо повернулся и встретился глазами с Ритой. Его подруга стояла рядом и внимательно смотрела на него. Санчо думал прочесть в её глазах упрек, но прочёл в них совсем иное. Серо-голубые глаза Риты горели какой-то странной тревогой. Точно так же они горели там, на заснеженной железнодорожной насыпи, когда Санчо, чтобы доказать, что он не трус, выхватил банку с манго из-под колёс мчащегося локомотива.

— Ты настоящий друг! — тихо сказала Рита.

— Правда?

— Правда.

Санчо с благодарностью посмотрел на свою подругу. Она поверила ему в эту трудную минуту, как поверила, что он не трус, когда

он из-под колёс локомотива выхватил банку с соком манго. Как важно, чтобы друзья верили в тебя! Тогда не так страшно!

В это время военный закончил разборку игрушки.

— Вот микропередатчик! — сказал он и протянул ладонь, на которой лежала маленькая, аккуратно запаянная капсула. — Он соображает, этот сеньор Крэдо! Только что он хотел узнать в этом доме?

— Ритин Па испытывает самолёты, — сказал Санчо, глядя на портрет военного лётчика, который висел на стене рядом с обгоревшим пропеллером.

— Это не папа! — воскликнула Рита. — Это дедушка!.. Дедушка, Санчо принял тебя за папу... Мой папа моряк, он сейчас далеко отсюда.

— А я думал, это он, — сказал Санчо и вдруг засмеялся: — И сеньор Крэдо думал... это он.

— Опоздал твой сеньор... лет этак на двадцать, — сказал Ритин дедушка и тоже засмеялся. Потом он перестал смеяться и сказал: — Твой дед погиб от пули фашиста. Ты очень похож на своего деда...

— Правда? — Лицо мальчика просветлело. — Похож?

А в это время в доме Санчо все были в смятении. Па и Ма стояли в дверях комнаты Санчо. Они видели пустую постель и гостя, который сидел на постели, подперев голову руками.

— Где Санчо, сеньор Крэдо?

— Санчо? — Гость поднял голову. — Я могу вам совершенно точно сказать, где ваш сын. Он пошёл предавать своего гостя и... хозяина.

— Как — предавать? Разве вас можно предать? — спросил Па.

— Можно! Можно! И это делает ваш сын, Родригес! Садитесь, будем ждать!

— Возвращения Санчо? — спросил Па, послушно опускаясь на кровать.

— Нет. Сейчас позвонят в дверь. Войдут три строгих господина и предъявят мне ордер на арест.

— За что... арест?

— За сбор разведывательных данных...

— Вы?.. — Отец поднялся с постели. — Вы... сбор разведывательных данных?

— Какая гадость! — вздохнула мама.

Сеньор Крэдо как ужаленный подскочил с постели и уставился на маму своими холодными сверлящими глазами.

— А вы? Вы есть хотите? Иметь квартиру? Покупать меха?

— Не надо мехов, — прошептала Ма, — ничего нам не надо!

— А интересы родины, — вдруг патетически воскликнул гость, — разве не важно знать результаты испытаний новых сверхзвуковых машин?

— Зачем нашей родине секреты сверхзвуковых аэропланов, — тихо сказал Па, — если у нас не строят даже обыкновенных почтовых самолётов?

— Родригес! Не забываетесь! Вы ещё мой служащий. Меньше рассуждайте! Меньше рассуждайте! И стыдитесь за своего сына!

— Я горжусь им, — тихо сказала Ма и умолкла под тяжёлым взглядом гостя с родины.

Ах этот злосчастный подарок! Космический корабль, потерпевший такое неожиданное и позорное крушение. Разбитый, смятый, утративший былой блеск, он должен был бы закончить свой путь на свалке, в груде металлолома, собранного пионерами для строительства колонны тракторов. Но перед этим он совершил свой последний перелёт и очутился на столе одного из ответственных сотрудников министерства. Он лежал на стекле безжизненный и поблёкший, а рядом с ним поблёскивал навсегда умолкший микропередатчик — маленькая металлическая капсула.

Этот игрушечный корабль-шпион сейчас стал свидетелем обвинения.

— Вам знакома эта игрушка, господин Крэдо?

— Знакома, — коротко ответил совладелец банановой компании.

— Вы понимаете, что статут коммерсанта несовместим с той деятельностью, которой вы занимались в Советском Союзе?

Господин Крэдо посмотрел на «игрушку» и коротко сказал:

— Понимаю!

— Ставим вас в известность, что вы выдворяетесь за пределы нашей страны... Ваше представительство закрывается. Пожалуйста, распишитесь под этим документом.

Сеньор Крэдо достал из кармана ручку и склонился над столом,

чтобы подписать документ. Его взгляд упал на капсулу, и ему показалось, что маленький передатчик включён, что он ведёт передачу на весь мир и весь мир узнает о его позоре.

— Я могу быть свободен?

— Да. Поторопитесь с отъездом. В России любят бананы, но только без этого принудительного ассортимента.

Сотрудник министерства кивнул на капсулу.

Сеньор Крэдо поклонился и пошёл к выходу.

В этот день Санчо пришёл в школу печальный. Он сидел на парте, опустив голову, невнимательно слушал урок и ни с кем не разговаривал. Только на перемене, очутившись в кругу своих друзей, он сказал:

— Я уезжаю... Сеньора Крэдо — вон! И нас тоже...

— Санчо, не уезжай! — воскликнул Шурик.

— Ты надолго? — спросила Рита.

— Не знаю, — вздохнул Санчо. — Будь проклят этот сеньор Крэдо! Ма говорит, он друг Лысого генерала, главы хунты.

— Лысый генерал... — усмехнулся Шурик.

— Говорят, его люди убили дедушку, — пояснил Санчо.

Ребята топтались на месте. Не знали, как утешить своего друга. И вдруг Санчо сказал:

— У меня есть просьба... Я очень прошу. Примите меня в пионеры.

Ребята переглянулись.

— Может быть, иностранцев нельзя принимать в пионеры? — спросил Абрикос.

— Но Санчо наш друг! — твёрдо сказал Шурик. — Он настоящий друг.

Тогда Рита предложила:

— Ребята, давайте примем Санчо в пионеры тайно.

— И у себя на родине я тайно буду носить красный галстук под рубашкой. Клянусь вам, я буду хорошим пионером. Я буду бороться с Лысым генералом, с фашистами...

В этот день на груди Санчо появился красный галстук.

Когда люди уезжают навсегда, их дом становится похожим на вокзал: появляются тюки, чемоданы, свёртки. Обычный заведённый порядок сметается торопливостью и суетой. Становится тесно и

неудобно. Все мешают друг другу, сердятся друг на друга. Все кричат:

— Скорей, скорей, а то опоздаем!

— Куда девались мои туфли? Они только что стояли здесь!

Нет туфель! В момент отъезда вещи поминутно исчезают, словно обретают способность передвигаться и прятаться.

— Мои учебники только что лежали здесь... Ма, где мои русские учебники?

— Боюсь, что они тебе больше не понадобятся!

— Понадобятся! Я вернусь в Россию! У меня здесь друзья!

В дверях появляется мрачный Па и говорит:

— Забудь о России и о своих друзьях, сынок! Готовься к серьёзному изучению бухгалтерии! Ты будешь приказчиком в компании... не больше!

— Я хочу испытывать самолёты! — ответил Санчо. — Я хочу летать!

— Летать? Тебе теперь нужно думать о куске хлеба, а не о полётах. По-моему, мы лишились куска хлеба!

— Разве хлеб зарабатывают только обманом? — спросил Санчо.

— Каждый зарабатывает как умеет, — сказал Па. — По крайней мере мы будем зарабатывать его честно.

Ма молча укладывала в большой чемодан свои платья. На ней был чёрный платок, как во время траура.

— Собирайся, Санчо, — тихо сказала она. — Через час придёт машина...

Уже все вещи были собраны и уложены, и только на шкафу сиротливо лежал жёлтый змей. Он как бы чувствовал, что хозяин уезжает и не собирается брать его с собой. Зелёные глаза змея смотрели печально.

Санчо увидел змея. Он подставил к шкафу стул и снял его оттуда. Змей был очень большой и в то же время очень лёгкий, словно, лёжа в бездействии, высох.

Санчо взял змея и пошёл к двери.

— Ты куда? — спросила Ма.

— Я сейчас вернусь, — ответил Санчо.

Он шёл по городу с жёлтым змеем, и все прохожие обращали на него внимание. Каждый норовил бросить колкое словечко, а встречные ребята обязательно хотели потрогать его. Упругий ветерок касался

бумажных крыльев, и они вздрагивали, словно хотели взлететь, да не хватало сил.

В последний раз Санчо остановился у дома с каменными бородачками, в последний раз вдохнул в себя вкусный запах русского тёплого хлеба.

Он позвонил. Дверь ему открыла Рита.

— Санчо? Ты один?

— Я со змеем, — ответил мальчик и кивнул на своего жёлтого спутника.

— Заходите... оба.

Санчо вошёл и внёс змея.

— Он тебя бил, — спросила Рита, — сеньор шпион?

Санчо молчал.

— Он тебя больно бил?

— Нет... Его нет... — наконец ответил мальчик. — Но Крэдо сказал, что я изменник. Рита, разве я изменник?

— Ты не изменник, Санчо. Ты... ты... — Она задумалась, подыскивая подходящее слово. Наконец нашла его: — Ты благородный человек... как Дон Кихот!

— Дон Кихот был верным другом. Правда, Рита?

— Да, Санчо. Ты уезжаешь?

— Через час придёт машина.

— Я так и знала.

— Я вырасту и вернусь.

— Обязательно возвращайся. Ты был верным другом.

— Я всегда буду твоим верным другом... У вас в стране можно выучиться на лётчика?

— У нас со всего мира учатся на лётчиков.

— Правда?

— Правда, Санчо.

— Но я, наверное, никогда не буду богатым... Отец говорит, чтобы я готовился изучать бухгалтерию... Я буду приказчиком в банановой компании... Я не хочу быть приказчиком! Не хочу компании!

— Долой банановую компанию! — повторила Рита и сказала: — Бери змея, идём!

Она привела Санчо в комнату, где в углу, прислонясь к стене, стоял обожжённый, надломленный винт погибшего самолёта.

- Твой змей будет храниться здесь... рядом с пропеллером. Ведь он тоже летал! Твой змей честный! Он не предаст!
- Он не предаст, как та ракета! Я его сам делал!
- Давай позовём Шурика с собакой Дегой... Пусть он найдёт сеньора шпиона. Он давно мечтает...
- Пусть, Рита! А теперь мне пора.
- Я провожу тебя.

Па ходил по комнате, натываясь на свёртки и чемоданы. Он сердился.

- Где наш сын, Анна?
- Наш сын... — вздохнула Ма, — он сейчас придёт... Потерпи!
- Я могу потерпеть, но компания «Пан-Америкэн» не пожелает терпеть и задерживать рейс.

Сеньор Родригес подошёл к окну и увидел своего сына. Санчо шёл по улице окружённый друзьями и казался похожим на них, хотя у него было смуглое лицо и чёрные волосы. В походке Санчо появилась какая-то мужская твёрдость, которой родители раньше не замечали.

— Как он повзрослел! — сказала Ма.

Рядом с Санчо бежала собака — большая овчарка с чёрным чепраком на спине.

Когда летишь на большой высоте, не чувствуешь движения, хотя самолёт мчится с ракетной скоростью. И конечно, не чувствуешь холода, хотя температура за бортом ниже, чем на Северном полюсе.

Стюардесса, строгая и подтянутая, катит по проходу тележку с напитками и уже в который раз предлагает:

— Джин, виски, кока-кола, джюс...

Санчо не слышит голоса стюардессы. Он не хочет пить. Он вообще ничего не хочет. Он смотрит в круглое окошко — как хорошо, что нет сплошных облаков! — в сиреновой дымке видит землю, которую ему так не хочется покидать. Он пытается отыскать озеро, по которому зимой мчался на лыжах. Но внизу столько озёр, разве отличишь одно от другого?

И вдруг стюардесса объявляет:

— Мы покидаем воздушные пределы Советского Союза.

Санчо вздрагивает, как будто случайно касается оголённых проводов. Он сильнее прижимается к круглому стеклу и сплющивает нос. И ему кажется, что за бортом, рядом с самолётом, летит жёлтый змей. Он смотрит зелёными глазами и передаёт последнее «прости». И от змея к земле тянется живая жилка, и её внизу, на земле, крепко держат его друзья. Эта жилка проходит через сердце Санчо и никогда не порвётся.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вива Санчо!

1

В сероватом небе стояло обжигающее расплавленное солнце, а на море бушевал шторм. Тяжёлые волны выростали на глазах и вдруг надламывались и с грохотом падали на плотный песок пляжа. Змейки воды доползали почти до самых пальм, которые качались, как мачты корабля, и махали зелёными крыловидными ветвями.

Одна волна падала, на смену ей поднималась другая, и снова земля вздрагивала от тяжёлого удара воды.

Санчо шагал по пустынному пляжу, и ветер бросал ему в лицо солёные брызги. На голове у Санчо было широкополое сомбреро, которое ветер давно бы сорвал и укатил колесом, если бы не тесёмки, завязанные под подбородком. На нём была рубаха, застёгнутая под самое горло, хотя пекло солнце, короткие шорты из потёртой кожи, сандалии, оставляющие на плотном песке вафельные следы. Санчо слизывал с губ солёные брызги и смотрел под ноги, где на песке лежали выброшенные морем ракушки.

Вдруг его внимание привлекли два человека, которые как бы танцевали на высоких движущихся волнах. Их бронзовые тела оттеняли белые набедренные повязки. А под ногами у этих морских акробатов сверкали зыбкие дощечки-плотики. На этих плотиках они то съезжали с волны, как со снежной горки, то, наперекор всему, взлетали ввысь и, балансируя руками, качались на гребне. Эти два человека были сродни дельфинам, и волны не могли их сбросить, накрыть, подмять под себя.

Санчо долго наблюдал за двумя смельчаками. И каждый раз ему казалось, что сейчас один из них сорвётся и его раздавит огромная падающая волна. Но происходило что-то необъяснимое — укротитель волн выворачивался, ловко увёртывался от удара и внезапно оказывался на «спине» у следующей волны.

— Эго-го! — радостно и громко крикнул мальчик, но его приветствие заглушил грохот волн.

Санчо зашагал в сторону мыса, где волны были послабее. Но неожиданно до него донеслись звуки гитары и мелодия песни, которую пели несколько голосов. Мальчик прислушался.

Шаги перемешаны с пылью,
И солнце пылает, как медь.
У пальмы зелёные крылья,
Но пальма не может взлететь.

Он узнал песню. Песню его дедушки — запрещённую песню, которую нельзя было петь открыто на улице или в баре. Санчо повернулся и увидел нескольких парней, которые сидели на песке и пели. Только один из них стоял, склонясь над гитарой.

Сперва поющие не замечали мальчика. Но вдруг кто-то крикнул: — Стойте! Мы не одни!

Гитарист сразу прикрыл ладонью струны. Парни замолчали. Все повернулись в сторону Санчо.

Некоторое время они сидели неподвижно и смотрели на Санчо, а Санчо смотрел на них.

Вдруг за его спиной появился один из укротителей волн. У него были мокрые вьющиеся волосы, а под мышкой он держал свой плотик.

— Ты что здесь делаешь?

Санчо пожал плечами.

— Следишь за нами?

Парень бросил на песок плотик и схватил Санчо за грудки:

— Говори, кто тебя послал? Кто тебе велел следить за нами?

— Я гулял здесь...

С горячего песка поднялись остальные ребята и подошли к Санчо.

— Вы слышали: он гулял здесь! — с усмешкой сказал парень, ещё крепче сжав в кулаке рубашку мальчика.

— Ври складнее! — посоветовал парень с гитарой.

А тот, что держал Санчо, вдруг с силой толкнул его, и Санчо упал на песок.

— Я не вру! — сказал Санчо, вытирая с лица песок.

— Да что с ним разговаривать! Врежь ему как следует. Будет знать, как шпионить.

— Я не шпион! — выкрикнул Санчо и встал. — Мой дед Хуан-Мария!

— Его дед Хуан-Мария! Ну, что из того, что твой дед Хуан-Мария?

— Вы поёте его песню... Его убил Лысый генерал.

Ребята переглянулись.

— Чем ты докажешь? — спросил парень с вьющимися волосами.

Санчо молчал. И тут гитарист сказал:

— Я знал Хуан-Мария. Его действительно убили люди Лысого генерала, но ты-то здесь при чём, щенок?

— Он хочет запутать нас! — закричали остальные. — Его при-
слали шпионить, вот он и выкручивается. Всыпать ему как следует!

— Я ненавижу Лысого генерала! — крикнул Санчо.

— Чем ты докажешь? — повторил парень с вьющимися волоса-
ми и снова схватил Санчо за рубаху.

Мальчик помолчал. Потом сказал:

— Отпусти рубаху! Я... докажу.

— Отпусти его, Боливар! Посмотрим, как он докажет!

Рука на груди мальчика разжалась. Санчо стал медленно расстё-
гивать рубашку. И вдруг все увидели — на груди у мальчика, прямо
на теле, пламенел пионерский галстук.

— Я — пионер, — сказал Санчо. — Меня приняли в пионеры в
Советском Союзе. Я дал клятву никогда не снимать этот галстук.

Все окружавшие Санчо притихли. Круг сжался теснее. Всем хоте-
лось посмотреть, потрогать руками алый пионерский галстук, кото-
рый раздувал ветер с моря. И все одобрительно кивали головами.

— Как тебя звать? — миролюбиво спросил парень, который первым подошёл к Санчо.

— Санчо. Санчо Родригес.

— Меня зовут Боливар. — Парень протянул Санчо руку. — Меня всегда можно найти в баре «Глория». Будем друзьями. Смерть Лысому генералу!

Парень поднёс к плечу сжатый кулак, и все его друзья, как по команде, тоже поднесли к плечу сжатый кулак. А Санчо отдал пионерский салют.

В классе стоял полумрак: жалюзи были опущены, преграждая путь обжигающим лучам солнца. Под потолком бесшумно вращались два пропеллера, разгоняя тёплый тягучий воздух, словно над головами учеников летел бесшумный самолёт. Но ни жалюзи, ни вентиляторы не могли побороть изнурительного зноя, который пробивался сквозь все преграды и заполнял класс.

Сморившиеся, полусонные дети изо всех сил старались делать вид, что внимательно слушают сеньора учителя, который, как прикованный цепью, взад-вперёд ходил у доски, не глядя на класс. Казалось, стоит ему присесть, и он тут же заснёт, уронив голову на грудь.

Шёл урок географии. На доске висела карта с двумя кругами полушарий, похожих на огромные очки с голубыми стёклами. Кто смотрел сквозь эти очки на мальчиков, заполнивших класс?

— Алдан Бланко! — вдруг сказал учитель, поворачиваясь к классу, но не переставая ходить. — Алдан Бланко, выйди к доске и расскажи нам о России.

— Эй, Кокос, — зашептали ребята, — хватит спать, тебя к доске.

Алдан Бланко поднялся и выкатил на учителя глаза. Густые, давно не стриженные волосы и впрямь делали его похожим на кокосовый орех.

— Ты что, спишь? — спросил его учитель.

— Что вы, сеньор учитель, как можно спать на уроке?

— Тогда подойди к доске, найди на карте Россию и расскажи нам об этой стране. А мы послушаем тебя.

Кокос медленно зашагал к доске. Он остановился перед полушариями, сясь разыскать на карте страну Россию.

— Тебе что, плохо видно? — спросил учитель.

Класс захихикал.

— Вот... Россия, — сказал Кокос и ткнул указкой в Уральский хребет.

Учитель остановился и посмотрел на карту.

— Разве тебе не известно, что Россия огромная страна? — сказал он. — А у тебя она уместилась в точке. Покажи границы России.

— Границы? — повторил Кокос. — А здесь нет... границ.

— Но ты должен знать хотя бы приблизительно.

— Приблизительно? Вот так... — Кокос сделал указкой круг по карте.

— Даже приблизительно не знаешь. Ну хорошо, может быть, ты расскажешь нам о России? Учебник читал?

— Читал. Клянусь мадонной!

— Оставь в покое мадонну. Рассказывай, рассказывай.

Кокос тяжело вздохнул. Стёр ладонью со лба пот и начал:

— Россия большая, полудикая страна, без законного правителя.

— Та-ак, продолжай!

— В России люди живут в трущобах, а по улицам городов ходят медведи.

В это время в классе раздался смех. Все оглянулись — смеялся Санчо. Он сидел за партой и заливался смехом.

— Санчо Родригес! — строго прикрикнул учитель.

Санчо встал.

— Почему ты смеёшься, Санчо?

— Потому что Кокос говорит чушь.

— Я в учебнике читал, — пробурчал Кокос. — Я учил.

— По-твоему, Санчо, в учебнике написана чушь? С каких пор в учебниках стали писать чушь? — строго спросил учитель.

— Я не знаю, с каких пор, — ответил Санчо, — но в России по улицам ездят автомобили, а медведей я не встречал. Тигров я видел... в зоологическом саду...

— Вздор! — прервал мальчика учитель. — Меня не интересует, где ты был и что ты видел. Продолжай, пожалуйста, Алдан Бланко.

— В России много природных богатств, но народ, не умеющий ими пользоваться, живёт в нищете. Не каждый русский знает, что такое холодильник или телевизор.

Санчо снова вскочил с места:

— Да врёт он, сеньор учитель. Между прочим, в русских школах все дети учатся бесплатно.

— В каком учебнике ты это вычитал? — строго спросил учитель.

— Я не вычитал, сеньор учитель, я каждый день ходил в школу, а денег не платил.

Учитель вдруг оторвался от доски и зашагал к Санчо.

— И любой парень, если захочет, может стать лётчиком или космонавтом.

— Лжешь! — крикнул учитель.

— Клянусь мадонной! — горячо сказал Санчо.

— Это агитация! Ты понимаешь, что такое агитация?

— Нет, — признался Санчо.

— Так знай: агитация — это когда говорят то, что не желает слышать его светлость президент! — задыхаясь от возбуждения, прокричал учитель и протянул руку к портрету, который висел над доской. — Изволь замолчать! Сядь! И ты, Алдан Бланко, сядь. Я ставлю тебе пятёрку.

— Благодарю вас, сеньор учитель, — радостно сказал Кокос и чуть ли не бегом направился к своей парте.

Некоторое время учитель расхаживал перед классом, не зная, что ему ещё предпринять. Потом его вдруг осенила мысль, и он сказал:

— Санчо Родригес, возьми учебник и подойди ко мне.

Санчо исполнил распоряжение учителя.

— Теперь читай вслух отсюда. — Учитель показал пальцем, откуда следует читать.

Санчо взял учебник в руки и стал читать:

— «Россия — одна из самых больших держав мира. Она простирается от Балтийского моря до Тихого океана, от Памира до Новой Земли... Россия отсталая страна с тотальным режимом, который тормозит...»

В этом месте Санчо чихнул. Сделал он это так гулко и при этом соорстил такую рожу, что класс засмеялся.

Класс смеялся. Санчо чихал.

— Будешь ты читать или нет? — не выдержал учитель.

— Сеньор учитель, — взмолился Санчо, — ап-чхи! Сеньор учитель, ап-чхи! Я не могу, ап-чхи!

— Всё! Хватит! На место! — вышел из себя учитель.

А Санчо под дружный хохот класса чихал и чихал, закрывая лицо учебником географии.

На зелёной лужайке, перед старинным зданием колледжа, построились мальчики в полосатых майках и белых коротких трусах — Санчо и его друзья. Справа, держа под мышкой вытянутый, как дыня, мяч, стоял Санчо. Он переступал с ноги на ногу, еле сдерживая нетерпение, чтобы не броситься в бой. Рядом с ним стоял высокий светловолосый Винсенто. Он слегка сутулился и делал над собой усилие, чтобы держаться прямо. Откровенно говоря, вид у него был слишком добродушный для настоящего бойца. Зато Пабло Реверо, широкоплечий, плотный, с едва заметным пушком на щеках, занял позицию боксёра, и его серые поблёскивающие глаза напряжённо смотрели в сторону ворот противника. Следующим в строю стоял Алдан Бланко, он же Кокос. Руки он держал за спиной, а ободранные коленки свидетельствовали о том, что Кокосу нередко приходилось падать и не всегда под ногами оказывалась мягкая трава. Замыкал строй самый маленький смуглолицый мальчик с умными, внимательными глазами и коротко подстриженными волосами — Андерс Рок. Он щурился от солнца и подпрыгивал на месте — уже приступил к разминке.

Напротив стояла команда в клетчатых майках, на которых вполне можно было сыграть в шахматы.

Судья — сеньор учитель физкультуры, — седой, с впалыми щеками, неторопливо поднёс к губам свисток. Мяч взлетел. И мальчики стремительно бросились вперёд, словно каждого привела в движение пущенная ракета.

Маленький, вёрткий Андерс Рок подхватил мяч-дыню, но не успел сделать несколько прыжков, как его догнала вся ватага. И мгновенно на зелёной траве образовалась куча мала. Эта многоногая, многорукая, многоголовая куча дышала, опускалась и поднималась, двигалась, шумела.

И вдруг из-под чьих-то ног показался Андерс. Он выбрался из кучи и, прижав к животу мяч, бросился бежать к воротам противника.

— Эй! Эй! Эй! — забеспокоился вратарь.

Куча мгновенно распалась. Все устремились за обладателем мяча.

— Беги, Андерс! Беги! — кричал Санчо, поспевая за товарищем.

— Не промахнись, Андерс! — кричал Кокос.

— Держи его! Догоняй и держи! — кричали клетчатые майки.

И вот уже несколько человек приблизились к Андерсу. Потяну-

лись руки, чтобы схватить его и отнять мяч. Но мальчик ловко вывернулся, потом сделал отчаянный прыжок и запустил мяч в ворота.

Ребята зашумели и принялись обнимать маленького победителя. А тот, отмахиваясь от поздравлений, бежал к центру поля, прыгая то на одной, то на другой ноге.

И снова началась игра. Стоило кому-то завладеть мячом, как на него сразу наваливалась вся команда противника. Кто-то падал, кто-то вырывал мяч, у кого-то у самого вырывали мяч. Кто-то, поднявшись с земли, начинал хромать и тут же, забывая о хромоте, устремлялся за всеми.

Регби — игра смелых и ловких. В регби испытываются воля и ловкость. В регби рождаются бойцы.

В какой-то момент мяч очутился в цепких руках Санчо. Рыжеволосый игрок в клетчатой майке прыгнул на него сзади и как бы оседлал. Но Санчо ловко сбросил седока на землю и устремился вперёд. Ему наперерез бросились два игрока в клетчатых майках. Санчо сделал обманное движение, будто хотел отдать мяч. Но мяч остался у него в руках. Санчо удалось обвести защиту противника. До ворот уже оставалось метров пятнадцать, когда со стороны колледжа слышался хриловатый голос служителя:

— Санчо Родригес, к директору!

Санчо по инерции продолжал бежать.

— Санчо Родригес!

Мальчик оглянулся, и в то же мгновение у него выбили мяч.

Рядом закипел бой, но Санчо уже не принимал в нём участия. Он нехотя шёл через поле к служителю, который ожидал его в дверях школы в форменном мундире, застёгнутом на все пуговицы.

— Я помоюсь под душем, — сказал мальчик, проходя мимо служителя.

— Нет. Сеньор директор просил явиться прямо с поля.

Санчо вздохнул и побежал по лестнице на второй этаж.

Директор колледжа был маленького роста. Сидел же он в огромном старинном кресле с массивной резной спинкой, которая была выше его головы. А над головой директора висел портрет президента. На этом портрете президент, прозванный в народе Лысым генералом, был одет в белый, расшитый позументами мундир с орденами, со шпагой и с широкой лентой через плечо. На голове у него красовалась военная фуражка, которая скрывала лысину. На портрете Лысый генерал казался высоким, на самом деле он был низкорослым, таким же, как сеньор директор. Директор сидел за столом чёрного дерева с резными ножками. Стол был большой и громоздкий. Видимо, маленькие люди любят большие вещи.

Директор был в тёмных очках, которые скрывали не только

глаза, но и часть щёк, и что-то писал, когда раздался стук. Дверь отворилась, и в кабинет вошёл Санчо. Мальчик тяжело дышал, майка на нём была мокрой от пота, а трусы — в чёрных пятнах, следах падения.

— Как успехи, Санчо Родригес? — весело спросил директор.

— Один—ноль в нашу пользу, — ответил мальчик, переминаясь с ноги на ногу.

— Один—ноль, один—ноль, — повторил директор, — очень хорошо, мой друг! Ты можешь сесть.

Санчо сел на краешек стула.

— Скажи, пожалуйста, Санчо, — вкрадчивым голосом заговорил директор, — в России дети играют в регби?

Санчо покачал головой.

— В России играют в снежки и гоняют в футбол.

— И ты тоже гонял... в снежки?

— Гонял, — ответил Санчо.

— И бесплатно учился в школе?

— Да, сеньор директор.

— Разве твой отец так беден, что ты не платил за учение?

— Так все ребята бесплатно...

— Все, наверное, очень бедные. Но представителю нашей республики не к лицу...

— Я и обедал в школе. У них вкусные обеды, только горчица злая.

— Что это за злая сеньора? — спросил директор.

Санчо захихикал и опустил голову.

— Она сидит в банке! Жёлтая от злобы.

— Глупости!

Директор встал с места, с трудом отодвинул тяжёлый стул и подошёл к Санчо.

— Мой друг, я должен дать тебе полезный совет. Забудь всё, что было в России. Там тебя обманывали...

— Меня никто... — начал было Санчо.

Но директор перебил его:

— Тебя обманывали. В учебниках пишут правду и только правду. Недаром учебники пропущены цензурой сеньора президента. В следующий раз постарайся отвечать по учебнику! Ты, кажется, заразился в России насморком. Бедный мальчик. Тебе придётся побережться и два месяца не играть в регби.

— Но, сеньор директор, насморк мне не мешает играть...

— Мне виднее, что чему мешает. Поэтому я и назначен директором колледжа. И мне вверены судьбы молодого поколения республики. До свидания, мой друг. Иди, иди...

Санчо медленно поплёлся к двери.

— Кстати, как поживает твой отец, сеньор Родригес? — спросил его директор вдогонку.

— Он устраивается на работу, — ответил Санчо.

— Что-то долго он ищет работу, — сказал директор, усаживаясь в своё кресло, — а ведь у нас в республике нет безработных.

Санчо скрылся за дверью.

— Ищите себе другого капитана, — сказал Санчо, вместе с друзьями выходя на улицу.

— Это почему ещё? — спросил Андерс Рок, который раньше всех хотел всё знать.

— Директор запретил мне играть в регби.

— За что? — спросил Винсенто. — Что ты ему сделал?

— За географию, — отозвался Санчо, поддавая ногой пустой коробок, лежащий на тротуаре.

Ребята переглянулись. Они шли по тихой улице, засаженной деревьями, и размахивали своими кейсами.

Так все пятеро дошли до продавца мороженым.

— Пять! — сказал Кокос продавцу и поднял руку с растопыренными пальцами.

— Расщедрился Кокос! — усмехнулся Пабло и весело подмигнул товарищам.

Продавец в белой каскетке и длинном фартуке ловко наложил в бумажные пакеты ядовито-жёлтое мороженое.

Над городом светило сильное солнце. Оно штурмовало город с неба, и город защищался. На окнах, как забрало, были опущены жалюзи, а над сверкающими витринами поднялись полотняные тенты, на которых большими буквами были написаны названия фирм: «Фейерстоун», «Вестингауз», «Форд», «Шервин Уильямс». Пешеходы держали над головами пёстрые зонтики.

Но пешеходов было мало — в этот час люди отсиживались дома. И ребята шли в один ряд, во всю ширину тротуара, и дружно расправлялись с мороженым.

— А верно, что в учебнике всё брехня? — спросил Андерс, заглядывая в лицо Санчо.

— Брехня... Клянусь мадонной! Нет в России никаких трущоб и медведей. И люди живут как люди. Даже ещё лучше... Мои друзья были пионерами.

— А кто такие пионеры? — спросил Кокос.

— Это такие ребята, которые помогают взрослым бороться. Они во время войны ходили в разведку и били фашистов.

— Били фашистов? — оживился Пабло. — Вот здорово!

— Я тоже пионер, — неожиданно сказал Санчо.

Друзья от удивления остановились.

— Ты? — спросил Винсенто.

— Я дал пионерскую клятву, и мне надели красный галстук.

— Врёшь! — выпалил Пабло.

— Нет у тебя никакого красного галстука, — сказал Кокос. — Не вижу.

Санчо остановился. Отбросил кулёк из-под мороженого и стал было растёгивать рубашку, но вдруг в конце улицы послышался тревожный вой сирены.

Этот вой заставил ребят оглянуться. Санчо торопливо застегнул рубашку. По мостовой, прижимая машины к тротуару, мчались мотоциклы с огненно-красными фарами.

— Президент, — сказал Кокос. — Президент едет!

А мимо ребят, с рёвом и треском, уже мчались мотоциклы. На них сидели люди в кожаных костюмах и белых шлемах с гербом республики.

Они были вооружены, словно спешили в бой.

За мотоциклами следовали машины. Их было десять одинаковых машин. И в них сидели люди в одинаковой военной форме.

— Один из них — президент, — сказал Пабло.

— Интересно, который? — провожая глазами машины, спросил Санчо.

— Говорят, он маленький и ему подкладывают подушку, — доверительно сказал Андерс.

И все засмеялись.

— Почему он так прячется? — спросил Винсенто, широко раскрытыми глазами глядя вслед кортежу генерала.

— Он боится народа, — твёрдо сказал Санчо. И в это мгновение он был очень похож на своего деда Хуан-Мария.

Последняя машина скрылась за поворотом.

Санчо оглянулся. Сквозь зеркальное стекло витрины магазина на него смотрел Лысый генерал. Санчо показал ему язык и скомандовал друзьям:

— Пошли!

Мимо пробежала стайка маленьких мальчишек, которые выли во весь голос, подражая рёву машин президента.

Они лежали на песке, и солнце пекло их и без того загорелые спины.

— А как звали твоего самого лучшего друга в России? — спросил Санчо худощавый Винсенто.

Санчо ответил не сразу. Он думал. Потом он сел на песок и посмотрел далеко в море, словно хотел разглядеть вдали ответ на вопрос Винсенто.

— Рита, — сказал Санчо.

— Рита! — повторил Винсенто.

— Он был смелым? — спросил Пабло.

Санчо утвердительно кивнул головой.

— И ты крепко с ним дружил?

— Мы вместе катались на лыжах. И мы ещё сами построили воздушный змей. Я на нём летал.

— Врёшь! Кто тебе поверит, — сказал Кокос, он вообще был недоверчивым. — Поклянись мадонной!

— Честное пионерское! — ответил Санчо. — Сперва я скользил на лыжах, а потом змей поднял меня над землёй — я полетел. Честное пионерское!

— Здорово! — воскликнул Винсенто. — Я нарисую тебя летящим на крыльях, как Икар.

— Санчо, — вдруг сказал Андерс, — может быть, тыстроишь ещё такой змей и мы все летаем?

— В России мне помогали друзья.

— А мы что, не друзья? — обиделся Пабло. — Мы поможем.

И все ребята закричали:

— Мы поможем! Что нам стоит! Естественное дело!

Санчо внимательно посмотрел на своих товарищей и, как бы невзначай, произнёс:

— Ребята, которые помогали мне в России, были пионерами.

Товарищи притихли. До них не сразу дошёл смысл слов Санчо.

— Значит, мы не годимся? — разочарованно спросил Винсенто.

— Не подходим мы, — сказал Кокос, — ну и не надо.

И тут Санчо поднялся с песка.

— Вы подходите! Вы очень подходите. В регби не боитесь нападающих, смело бросаетесь на мяч. Ненавидите Лысого генерала. Но я хочу, чтобы вы помогали старшим в борьбе за свободу республики. И чтобы вы стали пионерами. А змея мы построим!

Ребята повскакали с земли и закричали:

— Мы будем пионерами. Мы готовы. Скажи, как это сделать.

Санчо ответил не сразу. Он прошёлся по берегу. Потом подобрал камешек и закинул его далеко в море.

— Подумайте как следует. Хватит ли у вас сил для борьбы...

И снова с грохотом разбиваются приливные волны. И снова появились два человека на маленьких плотиках, которые скользили по волнам легко и, как казалось, просто. Они не думали об опасности и, покорив одну волну, смело устремлялись навстречу новой.

Когда ребята ушли, на пляже, на морском песке, остался рисунок трёхтрубного военного корабля. А чуть подалее большими буквами было написано имя лучшего друга Санчо — РИТА.

Волны разбивались о берег и ползли по песку к нарисованному пароходу, словно хотели подхватить его и унести в открытое море.

Каждое утро сеньор Родригес выходил из дома и отправлялся на поиски работы. Ма провожала его до угла, поправляла галстук и чуть-чуть сдвигала набок светлую шляпу.

— Да поможет тебе мадонна, — говорила она, целуя мужа.

Он ничего не отвечал. Вдыхал и отправлялся в трудный путь. А Ма смотрела ему вслед, пока он не пропадал в толпе прохожих.

Сеньор Родригес входил в сверкающие стеклом и медью подъезды фирм, поднимался по мраморным лестницам, открывал тяжёлые двери кабинетов.

— Мне известно, что вам требуется опытный коммерческий работник. Я рад буду предложить вам свои услуги, — говорил отец Санчо, прижимая к груди шляпу.

— Где вы работали до настоящего времени? — спрашивал очередной босс, внимательно разглядывая осунувшееся лицо Па.

— Я был представителем фирмы по продаже бананов в Советском Союзе.

— В Советском Союзе? — переспрашивал босс. — Как ваша фамилия?

— Родригес.

Босс молча смотрел ему в глаза.

— Родригес... Это не с вами была неприятная история? Я что-то читал в газетах.

— Да. Но это не имеет отношения к работе.

— Конечно, конечно, — соглашался босс. — Заходите через месяц, может быть, у нас откроется вакансия...

— Но вы же давали объявление!..

— Мы поторопились. Извините. Моё почтение.

Тяжёлая дубовая дверь закрылась. И снова шумная улица, полная людей, которые куда-то спешат. Сеньору Родригесу казалось, что все эти люди счастливы, все имеют работу, только он один как бы выброшен из жизни.

И снова яркая вывеска фирмы. Белая лестница. Дубовая дверь. И разговор о его работе.

— Вы служили у сеньора Крэдо? Это очень уважаемый коммерсант! С вашего позволения, я справлюсь у него о ваших деловых качествах. У нашей фирмы такой порядок. Наведывайтесь, сеньор Родригес.

Па уходил, понимая, что сюда он может уже не наведываться. Неужели железная рука Крэдо закрыла перед ним все двери? Она действовала незримо, но твёрдо.

— Будь он проклят, этот Крэдо, — бормотал Па, шагая по улице. — Он выгнал меня из Союза, теперь хочет разделаться со мной на родине. Что же мне делать?

Зажглись огни, и кроны деревьев сливались с тёмным небом, когда Па возвращался домой. Он шёл устало сутулясь, словно проделал долгий, трудный путь по безводной пустыне.

На углу двух небольших улиц его внимание привлёк золотой сияющий банан. Этот банан как бы рос на глазах, меняя очертания и цвет. «Красивая реклама!» — подумал Па и задержался перед магазином, в витрине которого лежали горы свежих бананов.

Постояв перед витриной, он вошёл в магазин. Опытным взглядом сразу заметил хозяина, подошёл к нему и, приподняв шляпу, спросил:

— Сеньор, вам не требуется продавец?

Хозяин, розовощёкий черноволосый человек в очках в золотой оправе, выкатил на него чёрные глаза.

— Продавец? Вы — продавец?

— Разве у меня на лице написано, что я не продавец? — спросил Па.

— Точно так! — воскликнул хозяин лавки.

— Я могу выполнять любую работу.

— Да, да, да. — Хозяин закивал головой, потом снял очки и, подышав на них, стал протирать белым платком. — Вы не продавец.

Вы — неудачник. А неудачникам я не доверяю. Может быть, купите бананов?

— Да! — с вызовом сказал Па. — И самых лучших. Свешайте три грозди!

Хозяин сразу повеселел. Сам свешал бананы, с поклоном протянул их странному покупателю.

Когда отец Санчо вышел из магазина, хозяин позвал к себе продавца и сказал:

— Знаешь, кто это? Из редакции. Такой поработает две недели, а потом опозорит на всю страну. Но у меня глаз верный.

— Ой, сколько бананов! — воскликнула Ма, когда отец вернулся домой. — У тебя хорошие вести?

Отец покачал головой.

— Санчо дома? — спросил он.

— Мы ждём тебя обедать, — ответила Ма.

— Хорошо.

Отец пошёл мыться. Вытирая лицо, он взглянул в зеркало и почему-то вспомнил, как однажды брился, а Санчо стоял рядом и тоже намазали себе помазком щёки. У них тогда было отличное настроение. Приближался какой-то праздник. Где это было? Ах там, в Союзе...

— Не могу понять, что происходит. — Отец устало опустился на стул. — Я прихожу по объявлению, и каждый раз оказывается, что сотрудник уже не нужен. Мне кажется, что я живу в каком-то заколдованном городе.

— Я знаю, кто заколдовал для тебя родной город, — сказал Санчо. — Это сеньор Крэдо.

— При чём здесь сеньор Крэдо! — воскликнула Ма. — Он всего лишь коммерсант.

— Он не коммерсант, он убийца! — Санчо вскочил с места. — У него глаза, как у пантеры. Он и ходит, как будто крадёт...

— Не надо спорить, — сказала Ма. — Крэдо — отвратительный тип. Но он друг президента. Он связан с тайной полицией.

И снова все приумолкли. Ма налила отцу кофе.

— Я пробью эту стену, — нарушил молчание отец. — У меня будет работа... Будет!

Отец встал и зашагал по комнате.

И тут Санчо повернулся к отцу и спросил:

— Па, а у нас будет когда-нибудь такая жизнь, как в Советском Союзе?

— Когда-нибудь будет, — сказал Па и пошёл в другую комнату.

— Но для этого надо прогнать Лысого генерала, — крикнул ему вдогонку Санчо.

— Допивай кофе и садись за уроки, — вздохнула Ма. — Будем надеяться на лучшее.

На чердаке колледжа стоял полумрак. В солнечных лучах, которым удалось проникнуть через слуховое окно, кружились пылинки, и казалось, лучи, как большие свёрла, бурили чердачную тьму.

Андерс, Пабло, Винсенто и Алдан стояли перед Санчо и внимательно слушали его.

— Готовы ли бороться за свободу и независимость своей родины? — спрашивал Санчо.

И четверо друзей дружно, как один, отвечали:

— Готовы!

— Хватит ли у вас сил для борьбы с Лысым генералом?

— Хватит!

— Вы будете носить на груди красный галстук пионера как символ борьбы, как маленькое красное знамя. Поклянитесь, что никогда не снимете красный галстук.

— Клянёмся!

Санчо говорил тихо, и друзья отвечали ему тихо. Их голоса звучали под сводами чердака гулко и торжественно.

— А теперь наденьте красные галстуки!

Ребята полезли в карман, и каждый извлёк оттуда красный лоскут. Они расстегнули рубахи, и Санчо по очереди завязывал всем галстук, и ребята снова застегнули рубашки.

— Теперь вы пионеры, — сказал Санчо. — Как я. Мы — первый пионерский отряд. Правда, маленький, но боевой. Мы должны выбрать командира.

На чердаке установилась тишина.

— Пусть Санчо будет командиром, — вдруг сказал Пабло. — Он знает, как командовать отрядом.

— Санчо! Санчо! — подхватили ребята.

— Конечно, Санчо, — сказал Алдан Бланко.

— Хорошо, — сказал Санчо, — только сперва поднимите руки, так у пионеров полагается.

И все ребята отдали пионерский салют.

— Смерть Лысому генералу! — сказал Санчо и поднёс к плечу сжатый кулак.

И весь его маленький отряд повторил жест своего командира.

Где-то вдалеке глухо зазвенел звонок. Ребята гуськом потянулись к двери.

В школу на урок возвращался отряд пионеров — юных борцов с Лысым генералом.

Кокос стоял перед директором и ждал, когда тот перестанет писать.

— Это ты, мой друг? — не поднимая головы, спросил директор.

— Я, сеньор директор.

— Хорошо, — растягивая слова, сказал директор, — хорошо. Что нового, Алдан Бланко?

Директор поднял голову и снял очки.

— Ни-чего, — растягивая слова, ответил Кокос.

— Ни-чего нового, — как бы передразнил его директор. — А между тем твои родители уже три месяца не платят за твою учёбу...

— Но вы обещали подождать, сеньор директор.

— Я обещал, — согласился директор. — Я обещал, если ты будешь помогать мне. Будешь сообщать новости. А ты молчишь. Ты не доверяешь своему директору?

— Я доверяю, — пробормотал Кокос.

— Разве молчание признак доверия? Три месяца не платить за учёбу...

Некоторое время он стоял перед директором сгорбившись, словно на него навалилась страшная тяжесть. Потом он вздохнул, поднёс руку к воротнику и медленно стал расстёгивать рубашку.

На груди, под рубашкой, алел галстук. Директор даже привстал от неожиданности и навалился животом на стол, стараясь лучше разглядеть, что за алый лоскут был под рубахой у Кокоса.

— Что это? Что?!

— Такие платки носят маленькие коммунисты в Союзе.

— Как попала к тебе эта... эта... тряпка?

Кокос оглянулся на дверь, словно там притаились ребята, которые могли видеть его и слышать, что он рассказывает директору.

— Санчо привёз такую из Москвы. Он сказал, что все, кто ненавидит президента, должны дать клятву... и надеть красный галстук.

— Так! — сказал директор и опустил в кресло. — Так! И кто же дал клятву?

Кокос поёжился. Ему показалось, что за ним стоит Санчо и спрашивает: «Эй, Кокос! Неужели ты предашь своих товарищей?» Мальчик опустил голову.

— Ты поступил правильно, мой друг! — сказал сеньор директор. — Потом ты напишешь их имена на бумажке. Печатными буквами. И мы спрячем эту бумажку в стол. На всякий случай... Санчо ненавидит президента за то, что сеньор президент приказал убрать его деда — опасного бродягу Хуан-Мария. В Санчо течёт кровь этого Хуан-Мария.

Директор похлопал мальчика по плечу.

— Иди, мой друг, иди и продолжай верно служить сеньору президенту. Может быть, тебя наградят медалью.

— Как большого? — вырвалось у Кокоса.

— У патриотов нет возраста. Иди! Будь спокоен, буря не коснётся тебя. Но, возможно, для конспирации — ты меня понимаешь, — теперь директор говорил таинственным шёпотом, — тебе тоже достанется. Но уповай на бога и на меня. Иди!

Кокос поплёлся к двери. Медленно открыл её, заглянул в коридор и выскользнул в щёлку, как ящерица.

Санчо сидел за столом и делал уроки. Он был обложен книгами и тетрадками. Вид у него был невесёлый: кому это весело делать уроки! Над столом висела фотография Риты. Время от времени Санчо отрывал голову от тетрадки и встречался взглядом со своей далёкой подругой.

И перед глазами Санчо возникал заснеженный город, верные друзья, собака Дега, обгоревший пропеллер самолёта, потерпевшего аварию. И ему казалось, что он идёт по белым улицам рядом с Ритой и она спрашивает:

«Как дела, Санчо?»

«Хорошо, Рита. У нас в колледже теперь есть пионерский отряд. И я — командир отряда. Четверо моих друзей носят на груди такой же алый галстук, какой повязали мне ребята».

«Это здорово, Санчо, — говорит Рита, — я так и знала, что ты всегда будешь носить пионерский галстук и будешь верен клятве».

«Мы с ребятами скоро построим змея. А то они сомневаются, что я летал на змее, как птица».

«Я знаю, ты построишь и полетишь. И они поверят тебе».

Рита как бы пропала, и Санчо увидел себя летящим на воздушном змее. Он забыл о задаче, об упражнении по родному языку...

В это время кто-то с улицы бросил в окно камешек. Санчо очнулся, оторвался от своих мыслей и подошёл к окну.

Он увидел Боливар. Юноша с вьющимися волосами стоял на тротуаре и подавал ему знаки.

Санчо выбежал на улицу.

— Здравствуй, Санчо!

— Салют, Боливар.

— Какие новости?

— Четверо ребят вступили в пионеры. И носят на груди красный галстук. И у нас теперь отряд. Меня выбрали командиром.

— Это здорово, парень! Поздравляю тебя! Что же будет делать твой отряд?

— Борься с Лысым генералом, — сказал Санчо.

Боливар широко улыбнулся. Но потом его лицо стало серьёзным.

— Борься... — сказал он. — Борься — трудное дело. И опасное. Ты слышал об Острове смерти, куда Лысый генерал бросает всех, кто борется?

— Я знаю... И мои ребята тоже знают... Но мы всё равно решили...

Боливар молча смотрел на Санчо, словно прикидывал, какое дело можно доверить Санчо и его друзьям.

— Есть у меня одна работа...

— Работа?! — удивился Санчо. При чём здесь работа, если они хотят бороться?

— Опасная работа, — как бы отвечая мыслям мальчика, сказал Боливар.

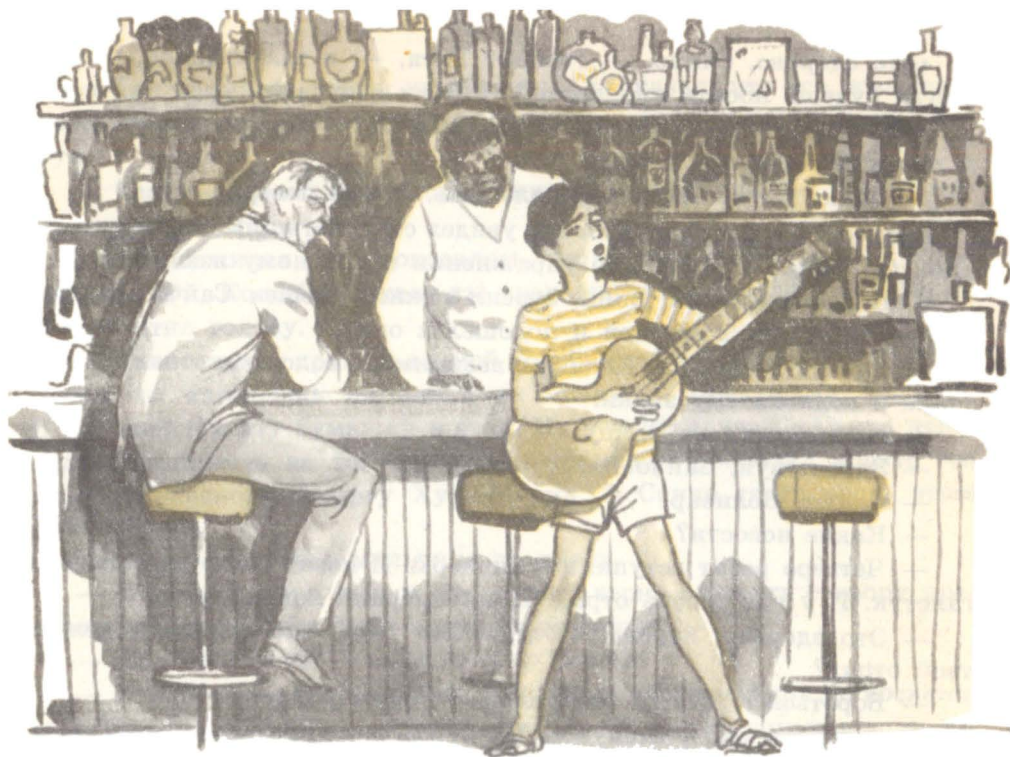
— Что надо делать?

Боливар обнял Санчо и отвёл в тень.

— Ты знаешь, где находится бар «Глория»?

— Знаю, — ответил Санчо. — Очень хорошо знаю.

— Так вот, приходи туда завтра после уроков. Идёт?

— Идёт! — ответил Санчо. — И ты дашь нам боевое задание?

— Дам! Салют!

— Смерть Лысому генералу! — ответил Санчо и поднял над плечом сжатый кулак.

В назначенный день Санчо пришёл в бар «Глория». Он заходил в этот бар в те времена, когда был жив дедушка. Здесь, в прохладном полутёмном подвальчике, Хуан-Мария любил петь свои песни. А люди любили его слушать.

Санчо сбежал по трём каменным ступенькам вниз и сразу почувствовал облегчение после уличного зноя. За прилавком стоял полный бармен с густыми усами. На нём был белый фартук — безукоризненно чистый. И от этой белизны тоже веяло прохладой. Бармен стоял за прилавком, а за его спиной громоздились полки с разноцветными бутылками. Они были похожи на орган, который вот-вот заиграет и заполнит бар весёлыми звуками. Санчо узнал бармена.

В баре было полутемно. Войдя с яркого солнца, Санчо некоторое время привыкал к тусклому освещению. И вдруг он увидел отца. Отец сидел за крайним столиком, но ничего не пил и не ел. Перед ним стояла чашечка кофе, а в руках отец держал газету.

Санчо подошёл к отцу. Тот не услышал его шагов.

— Па! — Санчо положил руку на его плечо.

— Санчо? — Отец отложил газету и встал. — Санчо, что ты делаешь в баре? Тебе джин или виски с содовой? — с усмешкой предложил он сыну.

— Разве ты здесь пьёшь виски или джин?

Отец промолчал, внимательно разглядывая сына.

— В этом баре пел дедушка, — неожиданно вспомнил Па.

— Я знаю, — отозвался Санчо, — он брал меня с собой. Он пел песни, а погиб как солдат. Я иногда подыгрывал ему...

С этими словами Санчо подошёл к небольшой эстраде и взял

со стула гитару. Он медленно перебрал струны и запел песню дедушки. И Па, забыв, что песня эта запрещена, стал ему подпевать. Так они пели вдвоём. И люди притихли, перестали шуршать газетами и тоже слушали.

В маленьком баре ожила старая песня. Песня погибшего борца, их товарища, их верного трубадура Хуан-Мария Родригеса. И все, кто был в баре, сперва слушали, а потом стали тихо подпевать, словно каждый хотел добавить частицу своего сердца песне, зовущей в бой.

Никто не заметил, как в «Глории» появился Боливар. Увидев Санчо, он не подошёл к мальчику, а стоял в стороне и наблюдал за ним. Только когда песня кончилась и в баре стало тихо, он поманил Санчо пальцем.

— Мне пора, Па, — сказал Санчо.

— Иди, — отозвался отец. — До вечера.

— До вечера, — отозвался мальчик и помахал Па рукой.

— Кто этот человек? — спросил Боливар у Санчо, когда они очутились на улице.

— Это мой отец.

— Твой отец? Он часто бывает здесь. Приходит сюда, словно кто-то ждёт.

— Он не может найти работу. Его выгнал сеньор Крэдо. Все двери для отца закрыты.

— Железная рука? — насторожился Боливар. — Это опасный враг. У него не только рука из железа, но и сердце.

— Разве Крэдо и есть Железная рука? — спросил Санчо.

— Он убил твоего деда Хуан-Мария, — был ответ.

Кровь горячей волной ударила мальчику в лицо.

— Что мы должны делать? — Санчо словно ожидал приказа немедленно уничтожить Железную руку.

— Надо расклеить и разбросать по городу листовки с призывом объединяться для борьбы.

— Сделаем!

— Не спеши. Это дело серьёзное и опасное.

— Мы не боимся опасности!

— Ты уверен в своих друзьях? — спросил Боливар, внимательно глядя в глаза мальчику.

— Как в себе! — твёрдо сказал Санчо.

— Надо действовать очень осторожно. Если вас схватят, будет плохо.

— Мы не боимся...

— Будь осторожен. Нам нужны помощники, которые действуют, а не сидят в застенке. Ясно?

Боливар протянул Санчо небольшой свёрток. Мальчик подхватил его и побежал домой. А Боливар стоял у входа в бар «Глория», смотрел вслед и махал рукой.

Санчо и его отряд шли по городу и расклеивали листовки — выполняли поручение Боливара.

Они приклеивали маленькие, бьющие тревогу листки на стены домов и на окна автобусов, чтобы пассажиры могли читать их в пути.

Они приклеивали листки к богатым автомобилям, чтоб их хозяева знали: народ готовится к бою.

Афишная тумба пестрела портретами диктатора. Одна листовка была наклеена прямо на лицо Лысому генералу.

По улице не спеша прошёл толстый монах, одетый во всё чёрное. Ребята переглянулись, усмехнулись. И вот уже на спине почётного прелата, как заплата, белел листок.

Вскоре вся улица белела маленькими опасными листками.

Люди собирались вокруг каждого листка и читали. Некоторые из них старались отодрать листок. Но он был прочно приклеен. Не поддавался.

Появились полицейские. Они начали разгонять тех, кто читал листовки, и уничтожать неподдающиеся бумажки.

Санчо приклеивал листовку к фонарному столбу, когда рядом с ним выросла внушительная фигура полицейского.

— Что ты делаешь? — крикнул блюститель порядка.

— Читаю, сеньор! — простодушно ответил Санчо. — А разве нельзя?

— Пошёл прочь! — скомандовал полицейский и стал ногтями соскребать листовку.

Вдруг с крыши дома, как белая стая, слетело множество маленьких белых листков.

Это ловкий Андерс придумал такое. Листки кружились над улицей, и люди ловили их, как птиц.

Завыла сирена. Появились полицейские машины. Остановилось движение. Но уже большинство листовок было в карманах у людей.

А Санчо и его друзья нырнули в переулок и скрылись.

Они появились в старом городе, где вместо домов стояли лачуги, где на свалке поднимались горы лома и рухляди. Где от дома к дому были натянуты верёвки, и на них, как флаги расцветивания на корабле, пестрело стираное бельё.

Тут не надо было прятаться. И ребята в открытую раздавали людям листовки.

— Читайте, читайте все, кто умеет читать! — выкрикивал Санчо. — А кто не умеет — пусть попросит соседа. Лысый генерал качается! Пора его выбросить вон на свалку!

— У нас свалка под боком и местечко для генерала всегда найдётся! — отзывались люди.

Во время большой перемены Санчо с друзьями мастерили змей. Они устроились на сцене актового зала. Здесь им никто не мешал. Ребята уже соорудили каркас. Теперь нужно было оклеить змей плотной бумагой.

— Санчо, а как ты взлетишь над землёй? — спросил Винсенто.

— В Союзе мне помогали ребята. Они дали разгон змею, а я скользил на лыжах.

— Но у нас нет снега! — воскликнул Андерс.

— Можно на водных лыжах, — сказал Пабло.

— Я так и думаю — на водных, — сказал Санчо. — Над морем будет хорошо лететь...

В это время директор ходил по этажам колледжа и пристально всматривался в лица бегущих мимо мальчиков. Мальчики не просто пробегали, но на какое-то мгновение останавливались перед директором, опускали руки по швам и быстро кивали головой, после чего продолжали бег. Директор как бы не замечал их приветствия, но стоило кому-либо пройти мимо, и сухой директорский голос начинал громко, на весь коридор:

— Друг мой, ты считаешь возможным не поприветствовать директора колледжа? Или ты думаешь, что директор должен это сделать первым? Вернись и покажи, как поступают юноши с хорошими манерами.

Когда на втором этаже директор увидел Кокоса, он отвернулся. Кокос прошёл мимо, думая, что директор не видит его. Но у директора, казалось, и на затылке были глаза.

— Остановись, мой друг!

Кокос застыл как вкопанный.

— Ты тоже не приветствуешь своего директора?

— Сеньор директор... — начал было Кокос, но директор перебил его:

— Мне казалось, что ты принадлежишь к числу вежливых людей, мой друг! — Эти слова директор произнес громко, чтобы все слышали, тихо же он сказал: — Ты мне нужен... Иди за мной... Чтоб никто не обращал внимания...

Директор отвернулся и зашагал прочь. Кокос, выждав время, поплёлся за ним. Так они очутились в пустом актовом зале.

— Мой друг! — начал директор, убедившись, что в зале никого нет. — Мой друг, вчера в школе я нашёл это! — Директор протянул Кокосу листовку — один из листов, какие ребята накануне расклеивали по городу. — Тебе знакомо это?

— Не-ет! — сказал Кокос.

— Очень жаль. Я ждал от тебя большей осведомлённости. Кто мог занести эту заразу в стены нашего колледжа?

— Не знаю, — соврал Кокос.

— Мой друг, ты, наверное, забыл о своей задолженности, а неуплата за учёбу ведёт к исключению... Ну ладно, ладно. Я пойду тебе навстречу. Скажи, ты предан нашему президенту?

— Предан, сеньор директор!

— А ты бы мог осквернить его портрет?

— Нет! Клянусь мадонной, нет! — воскликнул Кокос.

— Но тебе придётся это сделать, — сказал директор, и от этих слов мальчик попятился. — Не подумай плохого. Это надо для общего блага. Это поможет нам выкорчевать в стенах нашего колледжа красную заразу. Готов ли ты помочь мне?

— Я ничего не понимаю, но, если надо, я нарисую усы президенту... — шёпотом сказал Кокос. — Это будет трудно. Ведь могут увидеть, что я рисую усы.

— Никто не должен увидеть. Сделай это ночью. Я знаю, что это трудно и опасно. Но помни о медали... Мальчика, награждённого медалью, узнает вся республика.

— Вся республика? — переспросил Кокос, и его глаза расширились. — За усы?

— А теперь иди. Действуй, борись, мой друг!

Они стояли посреди зала. А на них с портрета смотрел Лысый генерал. Глаза у него были маленькие и колючие, как у директора колледжа.

Дверь за директором колледжа и Кокосом затворилась. Казалось, что свидетелем их разговора был только Лысый генерал, одобрительно глядящий с портрета.

Но были и другие свидетели.

Ребята, которые мастерили за сценой змея, слышали разговор директора с Кокосом.

Некоторое время, поражённые предательством, они молчали. Потом зашумели, заговорили.

— Это провокация! — вдруг тихо сказал Санчо.

— Директорский холуй! — вскипел маленький Андерс.

— Надо бить! — коротко определил будущий боксёр Пабло.

— Побить мы всегда успеем. Надо разоблачить замысел директора.

— Но ведь Кокос предаст нас! — крикнул Винсенто.

— Тише, — сказал Санчо, — надо решить, что делать. Во-первых, Кокос не должен знать, что мы слышали его разговор с директором...

Теперь ребята ни на шаг не отпускали от себя Кокоса. Стоило ему остаться одному в классе, как сразу же рядом оказывался кто-нибудь из ребят.

— Эй, Кокос, что ты здесь делаешь, один в пустом классе? — В дверях стоял маленький Андерс и внимательно смотрел на Кокоса, который разглядывал портрет Лысого генерала, ломая голову над тем, как к нему подступить.

— Я... я... ничего не делаю. У меня что-то голова болит.

— Ах, у тебя болит голова. Хочешь, я попрошу сеньора учителя, чтобы он отпустил тебя домой?

— Не хочу я домой... Может быть, она пройдёт.

— А если не пройдёт? Ты же не переносишь боли!

— Перенесу, — сказал Кокос и вышел из класса. — Пойду попить, может быть, станет легче.

В другой раз Винсенто застал Кокоса на столе, придвинутом к доске. Кокос уже протянул руку с угольком к портрету, как рядом с ним очутился Винсенто.

— Кокос! Что ты делаешь с господином президентом?

— Я поправляю портрет. Он криво висит.

— А тебе-то что? Пусть висит хоть вверх ногами!

— Конечно, пусть висит, — сказал Кокос, прыгая со стола.

— А что у тебя в руке?

— Ничего у меня нет в руке.

— Покажи!

— Нет у меня ничего!

Винсенто впился в руку товарища. Он силился разжать кулак, но Кокос не давался. Так они довольно долго возились, пока наконец кулак не разжался и на пол не выпал уголёк.

— Что это? — Винсенто строго посмотрел на товарища.

— Уголёк.

— Что ты собирался делать?

Кокос молчал.

— Говори, или я позову ребят.

Кокос вздохнул и сказал:

— Я хотел пририсовать Лысому генералу усы.

— Усы? Тебе командир давал такое задание?

— При чём здесь командир?

Винсенто прижал Кокоса к стене и требовал от него ответа. Тот изворачивался, но никак не мог уйти от ответа.

— Поклянись святой мадонной, что не тронешь портрета без приказа командира.

Кокос покраснел и сердито сказал:

— Я думал, мы будем бороться... с Лысым генералом. Я хотел бороться...

— Иди! — Винсенто оттолкнул Кокоса и крикнул ему вдогонку: — Ты не забыл, что у тебя на груди красный галстук?

Кокос ничего не ответил и выбежал из класса.

Санчо, Пабло и Винсенто вышли из колледжа вместе с толпой ребят. Свернули за угол и стали чего-то ждать.

Они стояли в тени, прислонясь к ограде, и напевали какую-то песенку.

Мимо прошёл учитель географии. Он заметил маленькую компанию и остановился:

— Почему вы не идёте домой?

— Сеньор учитель, — сказал Санчо, — мы любимся красотой родной природы.

Географ огляделся и сказал:

— Здесь нет никакой природы!

— А голубое небо, а облака, а старый платан! — воскликнул Санчо, подмигивая товарищам.

Учитель повернулся и пошёл прочь: с таким народом ни до чего не договоришься!

— Пошёл, ефрейтор! — тихо сказал Санчо.

— Почему ефрейтор? — спросил Пабло.

— Разве ты не знаешь? Он был ефрейтором. Его направили к нам в колледж для поднятия «боевого духа» учащихся.

— Откуда ты знаешь? — спросил Винсенто.

Санчо ничего не ответил. Он снова начал напевать песенку.

А в это время в пустом классе происходило следующее. В класс вошёл Кокос. Огляделся. На носочках вернулся к двери и закрыл её стулом. Пододвинул к доске стол. Вынул из кармана уголёк и начал рисовать президенту густые чёрные усы. Он увлёкся своим «искусством» и не заметил, как из-под парты вылез маленький Андерс. Достал фотоаппарат, навёл его на Кокоса и спустил затвор. Послышался едва слышный щелчок.

Кокос вздрогнул. Оглянулся. В классе никого не было. Андерс успел нырнуть под парту.

Кокос спрыгнул на пол, поставил стол на место и вышел из класса, насвистывая песенку.

Когда дверь за ним закрылась, из-под парты вылез Андерс. Он навёл аппарат на Лысого генерала с чёрными усами. И сделал ещё один снимок. Потом подхватил свой кейс и зашагал прочь.

Директор колледжа вошёл в класс, и все встали, как по команде. Директор не поздоровался и не предложил детям сесть. Он дошёл до учительского места и поднял глаза на портрет президента. Лысый генерал с чёрными пышными усами, созданными старанием Кокоса, выглядел не свирепо, а смешно. И это ещё больше подогрело директора.

— Что это значит? Кто осмелился прикоснуться к персоне сеньера президента?

В классе стояла напряжённая тишина. Только кто-то на задней парте хихикнул и умолк.

— Может быть, виновник найдёт в себе мужество признаться и тем самым смягчить свою вину?

Никто не пожелал признаваться и смягчать свою вину.

— Я вытравлю из колледжа красную заразу! — закричал директор, и его маленькие колючие глазки заметались по классу. — Сегодня перестают верить учебникам. Завтра издеваются над президентом. Послезавтра...

Директор запнулся, сразу не сообразив, что же будет послезавтра. Он зашагал по проходу между парт, всматриваясь в лица ребят, и остановился перед Санчо.

— Санчо Родригес, это твоя работа? — в упор глядя на мальчика, спросил директор.

— Нет, сеньор директор!

— Я уверен, что это твоих рук дело! И я докажу это.

Весь класс повернулся к Санчо. Все ждали, как директор докажет его вину.

— Расстегни рубашку, — вдруг сказал директор.

— Мне не жарко, сеньор директор, — отозвался мальчик.

— Мой друг, теперь тебе будет жарко! — воскликнул директор и, подойдя вплотную к мальчику, рванул на нём рубашку.

Красный галстук вырвался наружу, как язык пламени. Казалось, грудь мальчика запылала.

— Вот она, красная зараза! — закричал директор. — Я так и знал, что ты осквернил портрет...

— Я не трогал портрета, — повторил Санчо.

— Ты один носишь этот... этот пионерский... галстук!

Директор посмотрел на стоящих ребят и вдруг увидел на груди у нескольких мальчиков красные пионерские галстуки. Это были друзья Санчо — Андерс, Пабло, Винсенто. И Кокос тоже был в красном галстуке.

— Всем сесть! — скомандовал директор. — А тем, у кого на груди эта... тряпка, встать!

Скрипнули парты, и отряд Санчо Родригеса, подпольный пионерский отряд, встал.

— Так вот оно что! И вы тоже! Андерс Рок — сын известного журналиста. Пабло Реверо. Винсенто Коста — будущий художник. Алдан Бланко. Ты?! Это бунт против порядка. Оскорбление власти!

И вдруг Андерс сказал:

— Сеньор директор, я знаю, кто это сделал.

— Ты знаешь? — Директор быстро подошёл к Андерсу. — Говори, мой друг!

— Кокос, — сказал Андерс.

— Какой Кокос?

— Алдан Бланко.

Директор повернулся и подошёл к доске.

— Алдан Бланко, это действительно сделал ты?

— Нет, сеньор директор! Он врёт! Клянусь мадонной!

— Ты действительно врешь? — спросил директор Андерса.

— Не вру. Я могу доказать. Вот, смотрите.

С этими словами Андерс поднял над головой фотографию, на которой был изображён Кокос, рисующий Лысому генералу усы.

Директор взял фотографию, внимательно посмотрел на неё, подошёл к Кокосу и несколько раз наотмашь ударил его по щекам злосчастной фотографией.

— Щенок! Ничтожество! Пошёл вон!..

— Но, сеньор директор...

— Молчать! Вон! Все, у кого на шее красная тряпка, — вон! Дежурный, снять портрет и отнести его ко мне в кабинет!

Санчо и его друзья поднялись и пошли к двери. Последним шёл Кокос. Проходя мимо директора, он заглянул ему в глаза, но директор отвернулся. Двое ребят поднесли стол к доске, третий забрался наверх. Он стал снимать портрет президента с гвоздя. И вдруг портрет выскользнул из его рук и упал на пол.

Директор плюнул, невнятно выругался и выбежал из класса.

В доме сеньора Родригеса стояли невесёлые дни. Светило солнце. В небе не было ни тучки, а в доме было темно, неудобно, холодно.

После приезда из Советского Союза отец лишился работы. И все его попытки найти какое-нибудь дело оканчивались провалом. Не было работы для человека, который шёл против воли сеньора Крэдо, личного друга президента республики.

Теперь семью кормила Ма. Целый день она сидела, склонясь над столом, заваленным разноцветными лоскутами, и при помощи ножниц, клея и проволоки мастерила искусственные цветы. Цветы были поистине прекрасны и казались живыми. Особенно сеньоре Родригес удавались незабудки, которые она впервые увидела в России. Эти маленькие голубые цветы с золотой сердцевинкой были настолько естественными, словно их только что сорвали где-то в низинке и на них ещё не просохли капельки росы.

Каждый вечер Ма относил цветы в ателье мадам Россо и радовалась, когда вырученных денег хватало на жизнь.

В этот день, возвратясь домой, Санчо долго ходил вокруг Ма, не решаясь признаться, что его выгнали из колледжа.

— Какие чудесные маки! — говорил он, рассматривая цветы, лежащие перед матерью. — За такие маки можно заплатить миллион.

— Что ты, Санчо! — говорила Ма. — За них мне заплатят гроши. Надо сделать очень много маков, чтобы хватило на завтрак и обед. А ведь мы задолжали за квартиру. Вот найдёт Па работу...

И вдруг Санчо сказал:

— Я знаю, что делать! Я знаю!

— Что, сынок? — Ма отложила работу и внимательно посмотрела на сына.

— Я пойду на Большой базар и буду продавать цветы. Мы получим много денег, уверяю тебя.

— Успокойся, — сказала Ма. — Твоё дело — учёба. Ты же не безработный, ты единственный в нашей семье при деле.

— Нет, Ма, — сказал Санчо, бросая свой кейс на диван, — я не при деле. Я — самый настоящий безработный.

— Ты? Что это значит, Санчо?

— Меня выгнали из колледжа.

— Тебя? — У мамы опустились руки. — За что, Санчо?

— За то же, за что и отца. За честность. За правду о Советском Союзе.

— Что ты сделал, мальчик? — Ма подошла к сыну и обняла его.

— Я сказал правду. Сказал, что в России по улицам не ходят медведи и люди там живут хорошо.

— Нет, нет! Ты что-нибудь натворил! За это не выгоняют.

— Выгоняют, — вздохнул Санчо. — Директор приказал Кокосу намалевать усы Лысому генералу и объявил, что это сделал я.

— Ты этого не делал?

— Честное пионерское!.. Давай, Ма, цветы. Я покажу, на что я способен! Я пойду на Большой базар и продам твои цветы очень дорого.

На другой день на Большом базаре появился маленький продавец цветов с лотком, на котором были разложены всевозможные цветы. А по бокам шли его верные друзья и помощники. Они вели разговор

как бы между собой, но делали это так громко, что привлекали внимание всех, кто был поблизости.

— Какие чудесные цветы! — восклицал Андерс.

— Как живые, — вставлял словечко Винсенто.

— Наверное, они стоят кучу денег, — добавлял Пабло. — Откуда они? Из Рио?

— Что ты! Эти цветы из Парижа! — отзывался Санчо. — Они сделаны знаменитым мастером и получили приз на Всемирной выставке.

— Эти цветы были на Всемирной выставке? — удивлялся Андерс.

— Конечно! Потому они так прекрасны!

И тут кто-то из людей, слышавших этот разговор, не выдерживал и останавливался около лотка.

— Сколько стоит эта веточка? — спрашивала полная, загорелая женщина в ярко-жёлтом платье.

— Совсем не дорого, сеньора, — отвечал Санчо и называл цену.

— Он отдаёт цветы даром! — восклицал Андерс. — Тебе попадёт от матери за то, что так разбазариваешь свой товар.

А женщина уже спешила заплатить деньги, пока маленький продавец не увеличил цену.

Одну модницу сменяла другая. И третья... И четвёртая...

И уже вокруг лотка сгрудилось много покупателей. Они рассматривали цветы и спешили купить. А друзья Санчо снова восклицали:

— Это не из Рио! Это из Парижа! Он продаёт их даром! Такой счастливый случай для покупателей! Ему попадёт дома за то, что отдал товар за бесценок.

К полудню товар был продан, и друзья направились к выходу. Тогда Санчо отвёл их в сторону и сказал:

— Друзья, я выручил кучу денег... Давайте пересчитаем их и разделим поровну.

Трое друзей покачали головами.

— Нет, — сказал Андерс, — все деньги твои.

— Но вы же помогали мне... Если бы не вы...

— Санчо, — сказал Пабло, — ты сам говорил, что пионеры должны помогать друг другу.

— Тебе семью надо кормить... — сказал Винсенто, — у тебя родители без работы...

— Пошли! — сказал Андерс.

Санчо стоял перед ребятами, опустив голову и держа под мышкой пустой лоток.

— Ладно, — вдруг сказал он и вскинул голову, — пошли. Но прежде я угощу вас мороженым. Вперёд!

— Вперёд! — отозвались друзья.

Они обнялись, запели свою любимую песенку и, расталкивая толпу, зашагали к выходу.

В это время вдалеке послышались выстрелы. Друзья остановились.

— Что это? — спросил Винсенто.

— Стреляют, — отозвался Андерс.

— Это идёт бой с Лысым генералом, — решил Санчо. — Бежим в «Глорию», к Боливару!

А вокруг уже началась суматоха. Люди куда-то бежали. Торговцы торопливо закрывали свои лавочки. На базаре поднялась настоящая буря.

Работая локтями, друзья прокладывали себе путь к выходу. Наконец им удалось выбраться на улицу. Они побежали в ту сторону, откуда доносились выстрелы.

Их обогнали три танка, которые мчались, высекая искры из каменной мостовой.

Где-то совсем близко разорвался снаряд. Над соседним домом вырос чёрный столб. Ребята прижались к стене и, как щитком, закрылись деревянным лотком, на котором совсем недавно лежали цветы. Осколки кирпичей забарабанили по лотку.

— За мной! — крикнул Санчо.

И три товарища, пригнувшись, побежали за ним.

А к вечеру друзья появились на улице, держа под мышкой по большой пачке свежих газет. Как заправские газетчики, они кричали во всю улицу:

— Покупайте новую газету «Свобода». Здесь напечатан подробный отчёт о штурме президентского дворца. Лысый генерал сбежал, переодевшись в женское платье. Покупайте газету «Свобода»!

На высоком доме в центре города висел большой портрет президента — Лысого генерала.

А под ним бушевала толпа. Люди кричали:

— Долой Лысого генерала!

— Свободу народу!

— Да здравствует республика!
— Сбросьте на землю это пугало!
— Снимите с него фуражку, и вы увидите, что он лыс, как колленка!

И вдруг портрет дрогнул, покосился, перевернулся вниз головой и стал спускаться. Люди в окнах кричали:

— Ловите! Пугало полетело! Головой вниз!

Портрет диктатора, покачиваясь, сползал вниз. И из каждого окна люди провожали его проклятьями. Когда же портрет наконец жёстко ударился о землю, в него, как в мишень, полетели яйца, помидоры, бананы.

Люди открыто пели те песни, которые раньше можно было петь только вполголоса. А на груди у Санчо и его друзей пылали красные галстуки.

— Покупайте газету «Свобода», и вы узнаете правду о революции! — кричали маленькие газетчики, размахивая пахнущими типографской краской газетами. — Лысый генерал бежал, переодевшись в женское платье!

И все покупали газеты.

— Кто вы такие, мальчики? — спросил у Санчо человек, заросший серебристой щетиной.

— Мы — пионеры!

— Пионеры! Как красиво звучит это слово!

— Мы пионеры всей страны!

И они двигались дальше, раздавая направо и налево новую, рождённую революцией газету.

Шёл урок арифметики. Санчо сидел у окна и поглядывал на улицу. Он видел зелёную площадку для игры в регби, видел высокую кирпичную ограду, которая окружала колледж. Видел массивные кованые ворота.

— Сегодня мы разберём с вами решение уравнения с одним неизвестным, — говорил учитель. — Я напишу вам простейшее уравнение...

Он подошёл к доске и, поскрипывая мелом, стал писать.

Санчо посмотрел на доску. Потом снова выглянул в окно. То, что он увидел, заставило его насторожиться. Ворота колледжа распахнулись, и во двор въехали два крытых грузовика. На землю стали вы-

прыгивать парни в коричневых рубашках, прозванные в народе «шакалами».

В одном из них Санчо узнал директора колледжа, он отдавал распоряжения.

Санчо вырвал из тетрадки листок и написал записку Андерсу: «В колледж прибыли «шакалы». Андерс прочитал записку и послал её Пабло. Так листок с тревожным словом «шакалы» обошёл весь отряд. Ребята уже не слушали учителя и не смотрели на уравнения с одним неизвестным. Они тревожно переглядывались.

Тем часом ворота колледжа закрылись. И отряд «шакалов», вооружённых винтовками и автоматами, стал входить в парадный вход.

«Что делать?» — написал Андерс и послал записку Санчо.

«Быть наготове!» — ответил Санчо.

И вдруг дверь отворилась, и в класс вошёл директор — старый директор колледжа, который в день свержения Лысого генерала исчез бесследно. Учитель от удивления выронил мелок. Ученики стали нерешительно вставать.

— Встать! — по-военному крикнул директор. — Сесты!

Класс с дружным грохотом встал и сел.

— Ученики, — заговорил директор, выходя на середину класса, — должен сообщить вам радостную весть. Президент жив. Президент боится. Красные мятежники доживают свои последние часы.

Директор подошёл к окну и посмотрел, всё ли там в порядке, во дворе. У ворот стояли два вооружённых «шакала».

— Сегодня руководители красных соберутся в оперном театре. И оперный театр вместе с ними взлетит на воздух! Ха-ха!

Директор натуженно засмеялся. Несколько учеников откликнулись ему.

— В нашем колледже разместился отряд преданных президенту молодых людей. Мальчики старших классов получают оружие и смогут пролить кровь за отечество. А вам, — тут директор подошёл к Санчо, — вам придётся снять свои красные тряпки. Советую, пока не поздно, одуматься.

— Мы одумаемся, — пообещал Санчо и спрятал галстук под рубашку.

И весь отряд, как по команде, сделал то же.

— Очень хорошо! — сказал бывший директор.

— Что он замышляет? — шепнул Пабло Андерсу.

Тот пожал плечами.

— Продолжайте урок! — скомандовал бывший директор. — Соблюдайте спокойствие, ждите распоряжений.

Он повернулся и, печатая шаги, направился к двери.

Когда прозвенел звонок и ребята вышли из класса, оказалось, что на каждом этаже дежурят по нескольку вооружённых «шакалов».

— Не бегать! — командовали они. — Стройными рядами ходить по кругу.

Санчо и его отряд шли рядом.

— Как в тюрьме, — сказал Пабло.

— Надо любой ценой выбраться из колледжа и сообщить о взрыве, — сказал Санчо.

— Как же это сделать? — спросил Винсенто.

— Я попробую, — предложил Андерс. — Главное, выйти во двор, а там можно перемахнуть через ограду.

Ребята оглянулись. За ними, с опущенной головой, шёл Кокос.

— Что же ты не радуешься? — спросил Пабло.

— Тебе раскотелось медаль? — усмехнулся Винсенто.

— Я с вами, ребята, — пробормотал Кокос. — Честное... честное пионерское.

— Ты не пионер, — напомнил ему Санчо.

— Клянусь мадонной, — со вздохом прошептал Кокос.

В это время Андерс отделился от ребят и направился к выходу. Ребята шли по кругу, напряжённо следя за товарищем.

Через некоторое время Андерс от пинка «шакала» буквально влетел в круг.

— Не пускают, — сказал Андерс. — Даже в туалет... не пускают. Что делать, командир?

— Может быть, по водосточной трубе спуститься вниз? — предложил Пабло. — Я один раз пробовал.

Санчо не ответил ему. Он думал. И вдруг он сказал:

— Кокос, ты можешь оказать нам услугу, и тогда мы снова придем тебя в пионеры.

— Я сделаю всё! — с решимостью ответил Кокос.

— Пойди к директору и скажи: эти ребята что-то замышляют. И посоветуй ему запереть нас на чердаке.

— Зачем? — спросил Кокос. — Я не хочу больше доносить этому паршивому коротышке. Мой отец — делегат народа.

— Делай, что тебе говорят, — строго сказал Санчо. — Я даю тебе пионерский приказ как сыну депутата народа.

— Делай, раз говорят! — пробурчал Пабло, подталкивая Кокоса к выходу.

Кокос как-то грустно посмотрел на ребят и заковылял к выходу.

— Проведите меня срочно к директору колледжа, — сказал он.

— А по шее не хочешь? — отозвался дежурный «шакал».

— Важное дело, — стоял на своём Кокос. — Скажите ему, что у Алдана Бланко есть что рассказать ему.

— Стой и жди! — приказал один из дежурных и нехотя ушёл.

Вскоре Кокос очутился в кабинете директора.

— Что у тебя, мой друг? Ты интересуешься медалью, не правда ли? — спросил директор.

— Нет, сеньор директор, я ещё не заслужил медали. Но я её заслужу.

— Вот как? — Директор поднял брови.

— Сеньор директор, Санчо и его дружки что-то замышляют. Я не знаю — что, они не доверяют мне, но они замышляют. Их надо запереть на чердаке.

— Вот как! У тебя котелок варит лучше, чем я думал! — воскликнул директор и обнял Кокоса. — Иди! Иди! Всё будет в полном порядке.

Кокос повернулся и зашагал к двери. И директор вдогонку ему сказал:

— Благодарю тебя от имени президента!

«Шакалы» один за другим заталкивали юных пионеров на чердак, провожая каждого хорошим пинком. А когда все ребята оказались на чердаке, закрыли за ними тяжёлую дверь и повесили замок.

— Счастливо оставаться, красные шенки! — крикнул здоровенный «шакал» и вместе с другими побежал вниз по лестнице.

Санчо и его друзья стали пленниками.

Едва тяжёлая дверь чердака закрылась, Андерс крикнул Санчо:

— Объясни, что ты надумал?

— Может быть, ты спасовал? — спросил Пабло. — Хочешь переждать?

— Сам ты спасовал, — сказал Санчо. — Идёмте. Сейчас всё узнаете.

И он повёл ребят по тёмному лабиринту чердака.

На полу лежал змей с гордым именем «Рита», написанным золотыми буквами на крыльях.

— При чём тут змей? — спросил Винсенто.

— Змей теперь не нужен, — вздохнул Пабло.

— Змей нужен, — уверенно сказал Санчо. — Змей ещё сослужит службу. Я полечу на змее в город.

Некоторое время ребята молчали. Потом они в один голос загалдели:

— Ты с ума сошёл!

— Ты не должен лететь, Санчо! Четыре этажа — это высоко!

— Другого пути нет! — твёрдо сказал Санчо. — Я ведь уже летал.

— Но не с четвёртого этажа!

Друзья осаждали Санчо своими советами. Они рассердили его. И он крикнул:

— Хватит! Помогите лучше вынести змей на крышу! Я всё равно полечу. Ведь если взорвётся театр... сами понимаете, что будет!

Пришлось друзьям повиноваться. Они стали разбирать змей, чтобы через слуховое окно вынести его на крышу.

В это время во двор колледжа въехали ещё три фургона с «шакалами». И ребята поняли, что они очутились в самом «шакальем» логове.

Надо было действовать, чтобы не упустить время.

Змей был собран. Ребята молча прикрепили Санчо ремнями.

— Послушайте, — сказал вдруг Санчо, — если со мной что-нибудь случится, расскажите папе и маме. Только рассказывайте не очень страшно. И ещё скажите, что вы меня удерживали, а я обманул вас и полетел.

Санчо подошёл к краю крыши. Зажмурился. Оттолкнулся. И полетел. Порыв ветра подхватил могучие крылья змея и понёс его плавно и уверенно.

И тогда, забыв о предосторожности, ребята замахали руками, запрыгали и закричали:

— Вива Санчо! Вива Санчо!

Стоящие внизу «шакалы», услышав их крики, сорвали с плеч винтовки:

— Эй вы, там, на крыше, заткнитесь! А то получите своё!

Но ребята не слышали их угроз. Они кричали:

— Санчо! Вива Санчо!

До Санчо уже не долетали их крики, змей плавно скользнул над оградой.

— А вдруг он не долетит? — спросил Андерс.

— Должен долететь! — сказал Пабло.

— Как мы узнаем об этом?

— Мы узнаем. Если он долетит, сюда придут бойцы революции и разгонят свору «шакалов».

Наконец и «шакалы» заметили улетающий змей. Сперва они просто с любопытством главели на этот необычный летательный аппарат. И вдруг один из них обнаружил под крылом змея мальчика.

— Смотри, там какой-то щенок! — крикнул он товарищам.

— Он улетаёт из колледжа на волю! — отозвался другой. —

А у нас приказ: чтобы ни одна мышь не ушла за ограду. Стреляй!

И, не дожидаясь ответа, «шакал» выстрелил из винтовки. Раз, другой...

— Они стреляют! Они убьют его! — закричал Андерс, с крыши наблюдая за происходящим.

Пабло ударил себя кулаком в грудь.

— Что же делать?

— Давай кричать, чтобы отвлечь их от Санчо, — предложил Винсенто.

И ребята начали отчаянно кричать. На лужайку из здания колледжа стали выбегать «шакалы».

— Что случилось? Кто сбежал? Почему стреляли? Что за крики на крыше? — спрашивали они друг друга, щёлкая затворами винтовок.

— Эй, вы там, замолчите немедленно! — крикнул кто-то друзьям Санчо, но те закричали ещё громче.

— Что случилось? — спросил директор, выбегая из подъезда.

— Один... улетел, — доложил «шакал».

— Как улетел?

— На крыльях.

— Что он, ангел? Тебе всё померещилось! Ты что, пьяный?

— Да не пьяный я.

— А за стрельбу объявляю тебе выговор!

— Клянусь мадонной, он летел!

В это время на крышу забрались двое парней в коричневых рубахах.

- Где четвёртый? — крикнул один из них.
- Он там, на чердаке... — сказал Андерс.
- Спит в углу, — добавил Пабло.
- Слезайте с крыши! И заткнитесь! Красные щенки!

На песчаном пляже, неподалёку от границы моря и земли, лежал большой крылатый змей. Он слегка вздрагивал от набегающего ветра, и тогда на нём как бы оживало имя — Рита. Имя далёкой советской подруги Санчо, которое он дал своему змею.

Тяжёлая волна упала как срубленная, и потоки белой пены устремились к берегу. Один поток коснулся краешка змея.

Змей пошевелился. Слегка приподнялся. Из-под него вылез Санчо. Мальчик осмотрелся, потряс головой, словно сейчас только очнулся. Потом он осмотрел змей и увидел дырочку от пули.

«Чуть не убили», — подумал Санчо и, быстро оттащив змей к пальмовой роще, придавил крылья тяжёлыми камнями, чтобы ветер не унёс его летательный аппарат.

Сквозь колючий кустарник Санчо выбрался на шоссе. С грохотом мчались машины. Санчо поднимал руку, но машины проезжали мимо, словно не замечали мальчика. Тогда он побежал по краю шоссе. Бежать было трудно, потому что стоял час, когда зной особенно силён.

Время от времени мальчик останавливался и протягивал руку в надежде, что шофёр нажмёт на тормоз.

Наконец одна машина остановилась. Эта была тяжёлая машина, груженная ящиками с бананами. Санчо подбежал, вскочил на подножку.

— Очень надо, — заговорил он, тяжело дыша. — Революция в опасности. Лысый генерал жив...

— Садись! — сказал шофёр.

Это был молодой парень. Невысокий, смуглый, большерукий.

— Только давай скорее, — попросил Санчо, когда машина тронулась.

— Как ты очутился здесь?

— Я прилетел на змее!

Шофёр недоверчиво покосился на мальчика.

— Клянусь мадонной! — сказал он и для большей убедительности расстегнул рубашку.

Шофёр увидел на его груди красный галстук. И это подействовало на него как пароль.

— Куда надо ехать?

— Бар «Глория», — отозвался Санчо.

И огромная гружёная машина помчалась со страшной силой, прижимая к обочине легковые лимузины.

Когда машина въехала в город, там звучали выстрелы и улицы были безлюдными. Где-то шли бои. Это сторонники Лысого генерала сделали попытку захватить власть.

В одном месте путь машине преградил патруль «шакалов» в коричневых рубашках. Они сооружали из ящиков баррикаду и потребовали, чтобы шофёр остановился. Шофёр переглянулся с Санчо и вдруг направил машину на «шакалов», те успели разбежаться. Баррикада из ящиков с треском разлетелась под колёсами тяжёлой машины.

Прозвучало несколько выстрелов. Но пули попали в ящики с бананами. Наконец машина подъехала к бару «Глория».

Шофёр затормозил. Санчо выпрыгнул из кабины.

— Спасибо! — крикнул он.

— Салют, приятель! — отозвался шофёр, и машина помчалась дальше по улице.

У бара толпилось много людей. Большинство из них было с оружием.

— Вы не видели Боливар? — спрашивал Санчо, пробираясь к входу. — Не знаете, где Боливар?

Но люди были заняты своими делами, своими разговорами. Они не обращали внимания на мальчика. Где-то вдалеке зазвучали выстрелы.

Санчо спустился в бар и почти сразу же столкнулся с Боливаром.

— Боливар!

— Санчо!

— Боливар... они заминировали театр. Они хотят взорвать народное собрание, — быстро сказал Санчо. — Надо спешить.

— Откуда тебе это известно?

Санчо рассказал другу о том, что произошло в колледже.

— И ты не побоялся полететь на змее? — удивился Боливар. — Мог ведь разбиться.

— Когда идёт бой, каждый может погибнуть, — ответил мальчик.

— Идём к командиру!

В небольшом закутке под лестницей поминутно раздавались телефонные звонки. За столом сидел командир. Выслушав Санчо, командир тут же приказал нескольким отрядам отправиться к оперному театру. Когда же все распоряжения были сделаны, командир пожал мальчику руку и сказал:

— От имени республики спасибо тебе, Санчо!

И Санчо отдал пионерский салют.

— Надо освободить колледж, — сказал он. — Там мои товарищи.

— Боливар, — распорядился командир, — возьми отряд и направляйся в колледж. Надо выручать друзей Санчо.

Когда Санчо вслед за Боливаром шёл по залу бара, он увидел нескольких раненых. Среди них был его отец. Сеньор Родригес сидел на стуле. Голова у Па была забинтована, и на белом бинте расплылось алое пятно крови.

— Па!

Отец открыл глаза.

— Санчо!

— Ты ранен? Тебе тяжело?

— Ничего, сынок, эта рана стояла им двух «шакалов», оставшихся лежать на мостовой. Когда идёт бой...

— Па, ты поправишься. Я скоро вернусь за тобой.

— Куда ты, Санчо?

— Освободить колледж, — ответил Санчо.

А Боливар сказал, улыбаясь и лохматя свои вьющиеся волосы:

— Ваш сын настоящий герой!

Броневи́к с разгону ударил в ворота колледжа, и тяжёлые ворота разлетелись в разные стороны. Броневи́к покати́л по лужайке к входу в колледж. Находящиеся на лужайке «шакалы» в панике побежали к зданию. Они так спешили, что образовали в дверях пробку. Тут их настигли бойцы отряда Боливара.

Раздалось несколько выстрелов. И вот в окне колледжа появился белый флаг. «Шакалы» выходили один за другим. Они бросали на землю оружие и поднимали руки. Санчо вместе с бойцами вбежал в колледж. Он бегал с этажа на этаж в поисках товарищей. Но их нигде не было. Вдруг он услышал глухие удары. Санчо сбежал по лестнице вниз. Двое бойцов последовали за ним.

Удары раздавались из карцера. Кто-то колотил табуреткой в дверь. Бойцы прикладами сбили с дверей замок, и пленники выбежали из тёмного карцера.

- Санчо!
- Андерс!
- Пабло!
- Кокос!
- Винсенто!

Друзья обнимались, хлопали друг друга по спине, смеялись.

- Мы думали, ты погиб!
- Они стреляли в тебя. А потом затолкали нас в карцер.
- А ты как попал сюда? — спросил Санчо Кокоса.
- Когда обнаружили, что тебя нет, директор дал мне в глаз и запер со всеми. Кстати, где директор?

На улице они увидели директора. Правда, узнать его было трудно, потому что на нём была одежда швейцара. Кроме того, под носом у него откуда-то появились усы, густые и чёрные, совсем такие, какие Кокос пририсовал Лысому генералу.

— Алдан Бланко, мой друг, — обратился директор к Кокосу, — ведь я был к тебе добр...

— Вы были добры! — усмехнулся Кокос, прикладывая ладонь к подбитому глазу. — Вы хотели сделать из меня предателя!

В это время из колледжа стали выбегать ребята, которым было приказано не выходить из классов. Теперь все уже знали о полёте Санчо и о том, что он привёл отряд, который выбил «шакалов» из колледжа.

Двор заполнили ребята, а Санчо и его друзья с красными галстуками на груди пробирались сквозь толпу. И все сжимали у плеча кулаки и кричали:

— Вива Санчо! Санчо герой! Вива Санчо!

И вот уже пятеро друзей — первый пионерский отряд колледжа — шли по украшенному флагами городу и пели свою песню, которую Санчо привёз из Советского Союза.

РАССКАЗЫ

БАВАКЛАВА

Юный Шаров сидел в кресле, вытянув ноги в серых брюках с пузырями на коленях. Он вобрал голову в плечи, подбородком же упёрся в грудь. Рыжеватые, давно не стриженные волосы налезали на глаза, рот был полуоткрыт, уши горели. Руками он вцепился в подлокотники кресла, да так сильно, что кончики пальцев побелели. Глядя на него, можно было подумать, что кто-то жёстко отсчитывает: «Пять, четыре, три...» — и когда произнесёт «один», раздастся грохот и кресло вместе с мальчиком взлетит ввысь, оставляя в небе огненный след.

На самом деле никакой полёт не предстоял — мальчик сидел перед телевизором и смотрел хоккей. Как все неповоротливые, мешковатые люди, он любил наблюдать за ловкостью и проворством других. И хотя в мире не существует переселения душ, душа юного Шарова покинула полное, облечённое в поношенную школьную форму тело и перенеслась в могучий торс нападающего «Крылышек». Ах, юный Шаров, никто не знал, что здесь, в кресле, осталась только твоя

оболочка в брюках с пузырями на коленках. Сам же ты перенёсся в таинственное зазеркалье телевизора и летишь, звеня коньками, по льду. Шайба приросла к клюшке. Обошёл одного игрока, второго. Сделал обманное движение. Защитник кинулся тебе под ноги — напрасно! Резкий рывок в сторону — и ты один на один с вратарём. Сердце похолодело от радостного напряжения. Вратарь замер в воротах, как огромный краб с поднятыми клешнями. Мгновение — в это мгновение юный Шаров вообще перестал дышать — и удар! Не очень сильный, вполне лёгкий, но коварный: вратарь кинулся влево, шайба, кружась волчком, вкатилась в правый незащищённый угол ворот.

— Ура! — уже не на ледяном поле, а дома закричал юный Шаров и с треском отодвинул кресло.

Дверь отворилась. Отец, бледный, осунувшийся, глухим голосом сказал:

— Имей совесть!

И, не дожидаясь ответа, затворил дверь.

Юный Шаров нехотя вернулся из зазеркалья в комнату. Что-то пробормотал отцу, вернее, уже закрытой двери. И принялся жевать бутерброд с колбасой, отчего его губы сразу заблестели. Невнятная тревога портила хорошее расположение духа, как гвоздь в башмаке или соринка, угодившая в глаз. На ледяном поле продолжалась спортивная баталия. Но хоккей поблёк, утратил свою привлекательность. Словно сбилась настройка и на экране всё происходит не в фокусе. Мальчик подошёл к телевизору, вяло повернул выключатель. Раздался слабый щелчок, и всё исчезло, погасло. Юный Шаров вспомнил, что умерла бабушка. Лежит рядом в комнате на узком старомодном диване с зелёными кисточками. Она рядом, и вместе с тем её уже нет, она где-то далеко. И от этой дали на сердце возникает гнетущая тяжесть.

Когда он вернулся из школы, пришлось долго звонить — никто не открывал. Что она, уснула? Он здорово рассердился на бабушку и уже готовился высказать ей своё недовольство, но дверь открыл отец.

— Почему ты трезвонишь? — тихо, но с укором произнёс отец.

— Где Баваклава?

С раннего детства он привык так называть бабушку Клаву. Вместо «баба» — «бава» и в одно слово.

— Нет её, — отвернувшись, сказал отец.

— Ушла?

Отец ничего не ответил, зашагал прочь. А юный Шаров остался стоять посреди прихожей в шапке-ушанке, съехавшей набок, в расстёгнутом пальто. Ему казалось странным и то, что не Баваклава открыла дверь, и то, что отец какой-то растерянный, безразличный... Может быть, заболел и послал Баваклаву за лекарством?

Мальчик швырнул портфель в угол и начал стаскивать за рукав мокрое, тяжёлое пальто. После уроков была возня, а он, неповоротливый и толстый, «жирный — поезд пассажирный», как всегда, споткнулся и оказался в снегу.

Юный Шаров поднялся на носочки и, сопя, повесил пальто на крючок. Потом сорвал с головы шапку, забросил её на полку и принялся расшнуровывать ботинки. Шнурки обледенели и были жёсткими, а мокрые ботинки уже успели оставить на паркете две овальные лужицы.

Где же Баваклава и почему отец дома? Юный Шаров сбросил ботинки на пол, сунул в тапочки мокрые, окоченевшие ноги и направился в комнату. Ботинки так и остались посреди прихожей, никто не поставил их сушить на батарею.

Стол не был накрыт. Юного Шарова никто не ждал к обеду. Мальчик недовольно поморщился и направился в кухню. Плита была холодной. Жёлто-синие короны не дрожали над газовыми горелками. Чайник не урчал. На сковороде не потрескивали котлеты.

Всё это не понравилось мальчику. Он спешил. Они договорились с Саней Ведерниковым пойти во Дворец водного спорта, где тренер, товарищ Санинного отца, Борис Иванович обещал принять их в свою группу. Саня предупредил:

— Помойся под душем и надень чистую рубашку, врач будет осматривать.

А тут обед не готов. И неизвестно, когда ещё приготовят. Вечно Баваклава не вовремя уходит. Юный Шаров во второй раз крепко рассердился на бабушку.

Некоторое время он бесцельно ходил по квартире. Посреди прихожей на полу по-прежнему стояли башмаки. Баваклавы не было. Но почему на вешалке висело её потёртое пальто с серым воротником?

Юный Шаров решительно направился в бабушкину комнату. Баваклава была дома. Она лежала на своём плюшевом диване с зелёными

кисточками. Кисточек не доставало: когда Шаров ещё не был юным, а был маленьким Лёней, то любил отрывать кисточки от бабушкиного дивана... Баваклава лежала на спине, крепко закрыв глаза, положив руки поверх одеяла. У неё были прямые, с лёгкой рыжиной волосы, открытый лоб, маленький нос бугорком поднимался над лицом. На лбу и у глаз не было морщин, они только намечались, пролегли ниточками. На подбородке была впадинка.

Баваклава спала, а отец и мать безмолвно сидели рядом и терпеливо ждали её пробуждения.

Юный Шаров потоптался на месте, потом тихо спросил:

— Заболела?

Не поднимая головы, отец ответил:

— Если б заболела! Умерла...

Потом он повернулся к сыну и резко сказал:

— Понимаешь, бабушка умерла!

Мальчик никак не отреагировал на слова отца. Слова прозвучали, но их смысл не дошёл до его сознания. Он смотрел на бабушку не с жалостью, а скорее с любопытством — за всю свою жизнь никогда не видел бабушку спящей. Утром, когда он ещё спал, бабушка была уже на ногах. Она трясла его за плечо и тихо говорила:

— Ты же опоздаешь в школу. Вставай, Лёня!

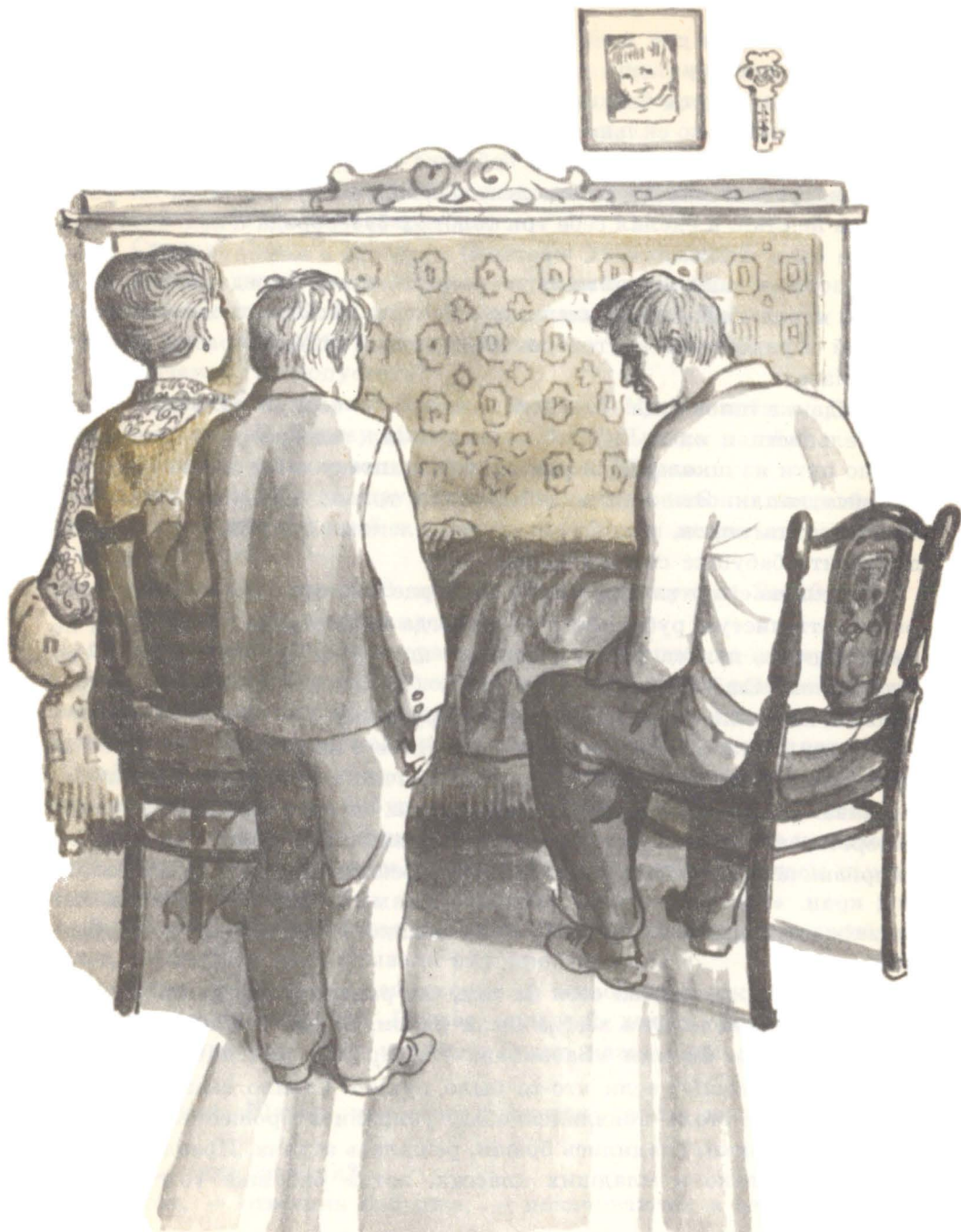
— Минуточку... Ещё минуточку, — сквозь сон молил юный Шаров.

Сон не отпускал его, затягивал в свои сладкие глубины. А бабушка всё трясла его за плечо. И, просыпаясь, он сердился на неё, словно она была виновата в том, что надо подниматься, вставать, идти в школу...

Не знал юный Шаров и когда бабушка ложилась спать, потому что укладывался и засыпал раньше её. Только теперь он увидел бабушку с закрытыми глазами. Гладкий лоб, нос-бугорок. Подбородок со впадинкой. Руки поверх одеяла. Всё это не внушало мальчику никакой тревоги. Напротив, в облике бабушки был устойчивый покой, который передавался внуку.

Он тихо вышел из комнаты и затворил за собой дверь.

Хотя сердце бабушки уже не билось, юный Шаров продолжал думать о ней, как о живой. Горе запаздывало, задерживалось в пути. И мальчик только смутно догадывался о его приближении. Он всё ещё ждал, что дверь откроется и в комнату войдёт бабушка.

— Три часа, а ты ещё не обедал! — воскликнет она и заснёт, засуетится, чувствуя себя виноватой за опоздание.

Привычка видеть бабушку живой, неутомимой, вечно бодрствующей была настолько сильна и неистребима, что смерть отступала перед ней. В сознании юного Шарова бабушка продолжала жить.

Он вдруг вспомнил, что голоден, и пошёл на кухню. Обед же разогревать не стал, а сделал себе три толстых бутерброда с колбасой. Два тут же съел всухомятку. С третьим вернулся в комнату. Шёл мимо телевизора — щёлкнул выключателем. Как раз передавали хоккей, играли его любимые «Крылышки». И через несколько минут, вовлечённый в радостный круговорот игры, юный Шаров совсем забыл о Баваклаве.

Когда же голос отца — «Имей совесть!» — вернул мальчика к действительности и он — щёлк! — выключил телевизор, то вспомнил, что по пути из школы поленился зайти в аптеку и взять для бабушки глазные капли. Эти капли действовали только два дня, их нельзя было купить впрок, и в его немногочисленные обязанности входило приносить бабушке свежие капли.

От капель его отвлекла мысль о Дворце водного спорта. Надо было разыскать чистую рубашку, а он никогда не доставал белья сам и не знал, где оно лежит. То ли у мамы в шкафу, то ли в коридоре — во встроенном. Ещё он забыл спросить у Сани, надо ли надеть чистые кальсончики или достаточно сменить рубашку.

Он сунулся в один шкаф, в другой. Ничего не нашёл и, чтобы оттянуть время мытья, прилёг на диван. Обычно в душ его загоняла Баваклава. Она мыла его сама. Даже когда он стал юным, приходила потереть спинку и помыть голову. С Баваклавой можно было и покапризничать и поплескаться. Мама же решительно совала его голову под кран. «Ой, горячо!» — «Ничего, в самый раз!» — «Ой, щиплет глаза!» — «Закрывай крепче!» — и никакого баловства и плесканий...

Юный Шаров поймал себя на том, что раньше никогда не задумывался о Баваклаве. Она всегда была рядом, всегда старалась помочь ему, услужить. Её имя «Баваклава» он произносил, как волшебное «Сезам, откройся!», если что-то было нужно. Стоило сказать «Баваклава» — на столе появлялся обед, убирались брошенные посреди комнаты ботинки, гладились брюки, решалась задача. Правда, задачи решались только в младших классах, потом бабушка «отстала», и

задачи, которые задавали на дом, были ей не под силу. Она делала множество полезных, нужных для его жизни дел, освобождала его от забот. Поэтому он вспоминал о бабушке, только когда хотел есть, гулять, когда требовалась помощь или защита.

Зазвонил телефон. Юный Шаров вскочил с дивана. Поднял трубку. Знакомый голос весело затараторил:

— Старик! Салют! Это я — Саня. Ты душ принял?

— Зачем... душ? — растерянно спросил юный Шаров.

— Забыл, что ли? Только ноги мой как следует. Там врачи проверяют. И уши мой. Могут не допустить.

— Почему... не допустить?

— Что с тобой, старик? Ты спал, что ли? Мы же идём во Дворец водного спорта. К Борису Ивановичу. Усёк? Плавки нашёл?

— Нашёл, — механически ответил юный Шаров.

Ему казалось, что его дружок Саня Ведерников звонит из далёкого беззаботного мира, где всё в порядке и бабушки не засыпают среди бела дня.

— Жду тебя у входа. В четыре. Пятки три лучше! Усёк?

Счастливый мир отключился.

Сегодня юный Шаров впервые думал о бабушке по-иному — без практической надобности. Почему-то вспомнил, как в раннем детстве она надевала ему под шапку платочек, чтобы мех не кололся и не задувал ветер. Когда он подрос, то стал стесняться этого платочка... И ещё стал обижаться, когда говорили, что он похож на бабушку. Как это мальчик похож на бабушку?! Ведь если ребята узнают об этом — засмеют! Он смотрелся в зеркало, стараясь убедить себя, что не похож. Но у него был нос бугорком, подбородок со впадинкой, волосы рыжеватые, как у бабушки...

Вспомнил, как много лет назад он с Баваклавой ездил в автобусе в лес, и бабушка рассказывала ему про деревья:

— Зимой все деревья одинаковые. А весной проклюнутся листья и деревья станут разными. Пойдёт сильный дождь. Глазастые цветы одуванчика запахнут мёдом и будут мазать нос жёлтой пылью.

Маленький Шаров испробовал цветок своим носом, а потом спросил:

— Как спят деревья?

— Стоя, — ответила бабушка, — покачиваются и спят.

Он задрал голову и увидел светло-зелёные кроны, которые покачивались и как бы плыли в голубом небе над головой.

— Они и сейчас спят, раз качаются?

Вместо ответа бабушка подвела его к осине. Ствол был гладким и зелёным, как гимнастёрка солдата. Бабушка показала ему дырочку — вход в дупло — и велела прижаться к стволу ухом. И он услышал, как поёт дерево. Тихо, тоненько, звонко.

— Почему оно поёт? — спросил мальчик.

— В дупле живут птицы.

И тогда маленький Шаров решил: «Деревья спят стоя, а в животе у них поют птицы. Хорошо быть деревом!»

Юный Шаров вздохнул и нехотя направился в ванную, отмыть свои чёрные пятки.

Стоя под душем, пыхтя и роняя на пол хлопья мыльной пены, он попробовал дотянуться до спины, но руки оказались коротки. Мочалка скользила по бокам, едва касаясь лопаток, дальше же было достать невозможно, и он чуть было не крикнул по привычке: «Баваклава, потри спину!» Но вовремя спохватился. В третий раз намылил живот — его удобно было мыть — и тёр мочалкой до тех пор, пока живот не порозовел. Пятки же отскоблить так и не удалось, они остались тёмными. Потом он долго стоял под душем с закрытыми глазами и чувствовал, как тёплые водяные шнурочки облегают тело.

Чистую рубашку без бабушкиной помощи найти так и не смог.

Выходя из дома, мальчик встретил соседа Ивана Рахилло. Сосед был крупным седым мужчиной, с лицом красным, словно только что помытым снегом. Когда-то сосед был военным лётчиком, летал на Севере и однажды привёз домой пойманного на льдине белого медвежонка Умку.

— Здравствуй, юный Шаров! — сказал сосед и поднял для приветствия руку. Это он придумал называть Лёню «юный Шаров». — Как твои успехи?

Не было сегодня у юного Шарова никаких успехов. Он пожал плечами и сказал:

— Иду во Дворец водного спорта.

— Прекрасно, — сказал бывший лётчик. — Ты знаешь, где у тебя находятся почки?

Мальчик пожал плечами, не знал.

— Может быть, у тебя вовсе нет почек?

— Если полагается — есть, — неуверенно ответил он соседу.

Он думал, что сосед начнёт его стыдить за незнание, но, вопреки ожиданиям, Иван Рахилло воскликнул:

— Это хорошо, что ты не знаешь, где находятся почки. Я, к сожалению, отлично знаю. Болят они у меня.

Мальчик посмотрел на соседа и обратил внимание, что налитые голубизной глаза бывшего лётчика потемнели. Может быть, он всё знает про Баваклаву и только для виду заговорил о почках, которые, оказывается, есть не только у деревьев, но и у людей.

Трамвай движется медленно. Никак не может увести юного Шарова от тревожных мыслей, от дома, где в первый и последний раз уснула бабушка, Баваклава. Надо думать о другом! Надо думать о другом! Например, о Дворце водного спорта. В трамвае давка. Окна покрыла изморозь. Не видно, что там, за окнами. Может быть, трамвай не движется, а топчется на месте, крутит колёса вхолостую? Поток выходящих людей буквально вынес мальчика на переднюю площадку. Здесь, у вагоновожатого, окна были чистыми. Трамвай двигался. Навстречу, двумя расправленными молниями, летели рельсы.

Надо думать о бассейне! Он вспомнил, как они с классом ходили сдавать нормы по плаванию. Из жаркой, заполненной паром душевой он вышел в огромный гулкий зал, где жутковато пахло хлоркой. Холодок пронизывал тело, вызывал лёгкую дрожь. Вода в бассейне была голубая, будто её подсинили. Нырнёт белым — вынырнешь синим. Совсем близко раздался оглушительный всплеск — это с высокой семиметровой вышки нырнул спортсмен. Вот бы научиться так! И тут послышалось: «Эй, мальчик! Это я тебе говорю!» Кто-то из ребят толкнул его в бок: «Жирный, твоя очередь!» Он прыгнул с бортика, больно ударился животом и наглотался горькой воды. Но не подал виду, поплыл, высоко взмахивая руками и отворачивая голову от собственных брызг.

Неожиданно его мысли оторвались от бассейна и снова вернулись к Баваклаве. Он вспомнил, как несколько лет назад гостил с бабушкой

в деревне. Деревня называлась Кремена, и речка называлась Кремена. Там была старая водяная мельница. Со скользкой, позеленевшей плотины хорошо ловилась рыба-уклейка. Хозяйкин кот Пузырь очень любил эту рыбу.

Однажды через деревню Кремену шли войска. Поднимая коричневое облако пыли, с лязгом и гуденьем двигались танки. От их тяжёлого хода в буфете жалобно дребезжали стаканы. Он выбежал из дома. Танки шли совсем близко, от них тянуло жаром. Во рту стало сухо и горько: это он наглотался пыли.

За танками двигались бронетранспортёры с пехотой.

Мальчик не заметил, как из ворот вышла бабушка, встала рядом и тоже стала смотреть на проходящие войска. Бойцы были усталые, опалённые солнцем, покрытые пылью. Они как бы возвращались из боя.

— Баваклава, война началась? — тревожно спросил мальчик, не отрывая глаз от пылящих машин.

— Господь с тобой! Солдаты учатся, — ответила бабушка. — Возьми ведро и кружку, может, кто из них захочет напиток.

Мальчику понравилась бабушкина мысль. Он принёс ведро воды и белую эмалированную кружку с чёрной щербинкой и вышел за ворота.

Иногда колонна ненадолго останавливалась. Тогда бойцы с удовольствием пили холодную колодезную воду и благодарили его. Он только успевал подавать белую кружку. Напоил целую армию!

Трамвай остановился.

— Эй, молодой человек, выходишь или нет? — слышался за спиной нетерпеливый голос.

И юного Шарова буквально вытолкнули из трамвая. Валил густой, удивительно тихий снег. Словно ему надлежало греметь, но кто-то выключил звук. Сквозь белую сеть метели юный Шаров увидел здание Дворца водного спорта. Оно было прозрачным и светилось. На ступенях дворца, засунув руки в карманы, его поджидал Саня Ведерников. На нём был изрядно засаленный кожушок и спортивная шапочка с помпоном.

— Старик! Мы опаздываем! Прибавь ходу! Усёк? — закричал Саня, нетерпеливо прыгая на месте. — Как пятки? Оттёр?

— Я живот оттёр, — признался юный Шаров.

— Жи-вот, — растягивая слово, произнёс Саня Ведерников. — Побежали!

Они быстро поднялись по запылённым ступеням дворца и скрылись за большой дверью.

Сперва их не хотели пускать без пропуска. Саня горячо доказывал, что он знакомый Бориса Ивановича. Но оказалось, что вахтёр не знает никакого Бориса Ивановича. Ребят выручила уборщица.

— Они, наверно, к Боре Кулакову.

— К Бориске? — переспросил вахтёр.

Саня, не задумываясь, подтвердил:

— К Бориске.

И их пустили.

Ребята сняли пальто в гардеробе и направились было в бассейн, но тут опять встретились препятствия. В раздевалке, через которую нужно было пройти, тоже требовали пропуск. И снова Саня горячо доказывал, что они к Борису Ивановичу, ну, к Борису Кулакову, к Бориске...

И тут в дверях показался сам тренер.

К удивлению юного Шарова, тренер оказался совсем молодым щуплым парнем.

— Мальчики? Пришли? Отлично!

Каждая фраза состояла из одного слова.

— Ждите!

— А нельзя ждать в бассейне? — спросил Саня. — Мы бы посмотрели.

— Нельзя! Привет! Ждите!

Борис Иванович ушёл, оставив ребят в холле.

— Будем ждать! — сказал неунывающий Саня. — Он отзанимается с группой, потом весь бассейн будет наш.

— Зачем нам весь бассейн? — сказал юный Шаров. — Нам и половины хватит.

— Ты полотенце захватил? — строго спросил Саня.

— Нужно полотенце?

— Вытираться чем? Мы же плавать будем.

— А я думал, только к врачу... Помылся.

Саня Ведерников махнул рукой и сел на стул перед столиком, на котором лежали старые журналы. Он взял «Крокодил» и стал рассматривать картинки.

Юный Шаров садиться не стал. Походил по холлу, потом подошёл

к огромному окну. Сгущались сумерки. Валил снег. Стёкол почти не было видно, и казалось, что снег, как дрессированный, летит до определённой черты и останавливается. И мир как бы поделён стеной на тёплый и холодный, светлый и тёмный. На мир жизни и мир смерти.

Чай пила. Баранки ела.
Позабыла, с кем сидела.

Юный Шаров почему-то вспомнил эту прибаутку и произнёс её вслух, касаясь губами холодного стекла. Это была бабушкина прибаутка. Баваклава знала много разных стихов, частушек, прибауток, которые когда-то давно были в ходу. Юный Шаров относился к ним высокомерно, подсмеивался над ними, а заодно и над бабушкой, хранящей всякую ерунду. Но теперь эта прибаутка, всплывшая в памяти, не показалась ему такой уж ерундовой. Он повторил её шёпотом, и на сердце стало горько-горько...

Юному Шарову было двенадцать лет, но он был убеждён, что прожил долгую жизнь и умудрён опытом. Иногда он улыбался своим мыслям. А когда его спрашивали: «Что ты улыбаешься?» — пожимал плечами: мол, где вам понять, чему я улыбаюсь.

С той поры, как он стал *юным*, что-то изменилось в нём. Он замкнулся, ко всему относился с усмешкой. Этаким бывалый человек, прошедший огонь и воду... Баваклава не знала, как к нему подступиться, — таким он стал важным.

— Баваклава, почему у тебя нет подруг? — В его вопросе звучал укор.

— Были у меня подруги, — отвечала бабушка. — Все умерли.

— Заводи новых!

На каждый случай у него был готов ответ.

— Друзья так просто не заводятся.

С ними надо жизнь прожить.

— Ты и проживи с ними жизнь.

— Мало её осталось, жизни.

— Почему?

Были всё-таки на свете вещи, которые он не мог понять. Например, он радовался, когда брал, получал. И это было естественно. Баваклава же радовалась, когда отдавала. Хотя отдавать ей было особенно нечего. Сперва юный Шаров думал, что бабушка делает вид, что ей не жалко вещи, которую она отдавала другим. Потом — зашёл в тупик. Он зашёл в тупик и, чтобы выбраться из него, решил сам попробовать отдать. И, отправляясь на день рождения к Сане Ведерникову, взял с собой маленький охотничий ножик с костяной ручкой, в кожаных ножнах. Этот ножик привёз ему дядя из Австрийских Альп, где такие ножи у всех и каждого. Хотя нож был вроде бы и не совсем настоящий — не больше перочинного, — мальчик очень дорожил им.

Он пришёл к Сане и протянул ему подарок:

— На́ вот, бери!

У Сани от радости перехватило дыхание, а уши запылали от удовольствия.

— Нож! Охотничий! Настоящий!

Он вынимал нож из ножен и вкладывал его обратно. Нюхал кожу. Пробовал остроту лезвия. И, глядя на друга, юный Шаров вдруг почувствовал, что радость товарища передаётся ему. И у него тоже запылали уши...

В тот вечер что-то сдвинулось в сознании юного Шарова, перешло на другой путь и покатилося, покатилося... Он тогда не подумал о Баваклаве. И на пионерском сборе, рассказывая, как поил усталых солдат, возвращавшихся с трудных учений, забыл, что это бабушка посоветовала ему.

Только теперь, когда её не стало, он с опозданием начал смутно догадываться, что Баваклава не только кормила, будила, обстирывала его, но и делала ещё незаметную, очень важную для него работу. Это открытие удивило его. Потому что до сегодняшнего дня он считал Баваклаву тёмной и отсталой. Она не знала о «чёрных дырах» Вселенной — сверхплотных звёздах, не знала о «королевских примулах» — цветах, распускающихся накануне землетрясения, не знала, почему «Крылышки» сильнее ЦСКА...

Когда Баваклава, разглядывая в его дневнике жирную двойку, спросила, почему он неверно ответил урок, он снисходительно улыбнулся:

— Коперника сожгли на костре за верный ответ!

И был чрезвычайно доволен своим хлётским ответом, обезоружившим бабушку. Он часто говорил: «Теперь так носят... Теперь так не говорят... Теперь такого нет...»

Всячески стараясь подчеркнуть, что он человек современный, а у неё, у Баваклавы, всё в прошлом. Он был холодным и огорчал бабушку иногда умышленно, из-за какого-то необъяснимого злорадства. Знал, как сделать ей больно, и делал. Порой бабушка, пытаясь смягчить его, вспоминала о времени, когда он ещё не был юным.

— Помнишь, Лёничка, как ты говорил: «У этой тётки в кармане тучка, а у этой облачко. Тучка — у плохой...»

— Угу, — безразлично буркал мальчик. Страничка из былой жизни не интересовала его.

— А помнишь, как ты в первый раз с отцом ходил в баню? Не хотел идти, боялся. А когда вернулся, сказал: «Ничего страшного. И пускают без трусов». Очень гордился, что побывал с отцом в бане.

Бабушка помнила о его детстве больше, чем он сам. А говорят, старость отбивает память. Он выслушивал бабушкины воспоминания со скучающим видом и восклицал:

— Преданья старины глубокой!

— А помнишь, как учила тебя есть яйца в мешочек? «Ударь яйцо по лбу ложкой. Аккуратно очисти. Посоли. Поддень ложкой, и яйцо посмотрит на тебя жёлтым глазом».

Юный Шаров вспомнил, как его удивило, когда из фарфоровой рюмочки на него глянул жёлтый зрачок, окружённый белком. Глаз был живой. Он видел маленького Шарова, как маленький Шаров видел его. Теперь же он пробурчал:

— Не помню!

Став юным, он относился к своему прошлому насмешливо, с презрением, словно не он был тем малышом, а совсем другой человек. Тот, другой, не занимал его. А Баваклава любила и того и этого Шарова.

Теперь неожиданно бабушка показалась ему человеком важным и нужным, и он вздрогнул от мысли, что придётся жить без неё. Его самоуверенность куда-то трусливо отступила, заползла в щёлку, и ему показалось, что он очутился один в незнакомом месте. Куда идти? Как выйти на дорогу?

Оказывается, единственным человеком, который по-настоящему понимал его, была старая, смешная Баваклава. Теперь её нет. Ему захотелось закричать, но он задохнулся от своего отчаяния. Закрыв глаза руками, как делал в детстве, когда в кино показывали что-то страшное, и затаился.

За стеклянной стеной шёл снег. Сумрачной рекой катил он свои тёмные в белую крапинку волны, превращал улицу в русло, фонари обернулись бакенами, предостерегающими суда от мелей, а люди, шагающие по тротуару, казались водолазами, едва различимыми сквозь мутную толщу.

Волны метели плескались рядом, беззвучно били в стеклянную стену. Что, если они выбьют стёкла дома и вольются в комнату? А может быть, они уже гуляют по родному дому и потому так холодно и горько на душе?

Он подошёл к Сане, который читал «Крокодил», и сказал:

— Сань, я пойду.

— Да куда ты? Борис Иванович сейчас освободится. Поплаваем.

— Я пойду, Сань. Мне надо...

— Что тебе надо?

— Капли... для бабушки.

— Да брось ты! — Саня даже вскочил с места. — Подождёт она свои капли.

— Нет! Она не может ждать! Не может!

Юный Шаров повернулся и быстро зашагал к выходу.

При нём никто никогда не умирал. Он не знал, как поступить в таком случае. И первое время жил как обычно. Включил телевизор, помчался во Дворец водного спорта. Только сейчас он почувствовал, что произошло что-то резкое, болезненное. Он постепенно начал понимать значение смерти.

Он защищался. «Она уснула... Она уснула, — сам себя убеждал юный Шаров. — Она не спала очень долго и отсыпается за всю жизнь. Бывает же, что человек спит год, а то и больше. Летаргический сон...» Он не хотел допускать смерть к Баваклаве. Он обманывал себя — она уснула! — и в этом обмане слились отчаяние и любовь.

Он шёл, как водолаз по дну моря, разгребая руками мутные массы снега. Его обгоняли трамваи, и тогда он бежал, потом снова шёл. Ветер дохнул вдруг в лицо хлоркой. И перед глазами мальчика на мгновение возникла заманчивая голубая гладь бассейна, слышались всплески воды. Они звали его, но юный Шаров решительно тряхнул головой — нет! — и огляделся: в серых хлопьях метели раскалённым докрасна железом пылало слово: «Аптека». Это от неё пахло хлором.

Ему вдруг стало жалко бабушку, хотя жалеть её уже было поздно. Никто её не тревожил, ничего у неё не болело, и глаза не нуждались в свежих глазных каплях. Ей было хорошо. Вернее, никак. Плохо было ему. Мальчику казалось, что он жалеет бабушку, на самом же деле он жалел себя, осиротевшего без Баваклавы.

Сам не понимая почему, он вошёл в аптеку. Осмотрелся. Встал в очередь к окошку, где выдают лекарства. Снежные сугробики растаяли на шапке и на плечах. Лицо стало гореть. Юному Шарову вдруг показалось, что все смотрят на него вопросительно, отчуждённо. Он повернулся и хотел было уйти, но провизор узнал его, окликнул:

— Что ж ты не берёшь лекарство? Оно готово с утра.

Не зная, как объяснить провизору, что случилось с бабушкой, мальчик молча взял пузырёк и зашагал прочь...

На улице здорово мело. Снег слепил глаза. И люди шли против ветра, наклоняясь вперёд, натываясь друг на друга. Он зажал пузырёк в кулаке, словно в нём была роса, которую по каплям собирают каждый день для тех, у кого болят глаза. Он запоздало выполнял свой маленький долг перед Баваклавой. Хотя долг его перед бабушкой был куда больше.

Он вспомнил, как очень давно упал и разбил коленку. Ревел тогда на весь двор. Думал, что сломал ногу, и ревел. Баваклава взяла его на руки — большого, шестилетнего мальчика — и понесла. Она несла его, а он ревел, хотя нога болела не так уж сильно. И ничего он не сломал. Он ревел, а она несла. Он был толстым, «жирный — поезд пассажирный», и бабушке было тяжело нести этот «поезд». Но она несла его в охапке, прижимая к себе.

Дома ей стало нехорошо. Она прилегла. А он занялся плюшевым мишкой и забыл про свою коленку.

— Не больно? — спросила с дивана бабушка.

Коленка перестала болеть, но он на всякий случай соврал:

— Больно!

Мерзким он был парнем в детстве, вспоминать тошно!

Потом ему надоел плюшевый медведь, он подошёл к дивану. Бабушка тяжело дышала, лицо её было непривычно бледным. Над верхней губой выступили бисеринки пота. Даже он заметил это.

— Ты что, Баваклава? — спросил он.

— Ничего... Вот вырастешь большой, понесёшь меня в больницу, когда мне станет плохо.

— Понесу, — ответил маленький Шаров, а сам подумал: «Зачем носить, есть машины с красным крестом... для взрослых».

Сейчас он шёл быстро, словно боялся опоздать к отходящему поезду. Снег воздвигал на его пути белую стену. И юный Шаров невольно вытягивал вперёд руку, чтобы не наткнуться. Вдруг он придёт на свою улицу, а там ни бабушки, ни дома, никого. Отошёл поезд.

На углу, возле сквера, он наткнулся на родителей. Они шли рядом — папа держал маму под руку, — согнутые, облепленные снегом.

— Мама!

— Это ты? Где ты был? — Мама смахнула налипшие на ресницы снежинки и с удивлением посмотрела на сына.

— Ходил в аптеку.

— В аптеку? — удивился папа. — Зачем... в аптеку?

Родители грустно переглянулись.

Так они стояли в водовороте метели, словно сбились с пути и не знали, в какую сторону податься.

— Ну хорошо, — сказал отец, — иди домой. Мы скоро вернёмся.

Возле дома юный Шаров встретил соседа. Бывший лётчик гулял с непокрытой головой, и его белые волосы перемешивались с хлопьями снега.

— Юный Шаров, знаешь ли ты, что сегодня солнцеворот, — сказал сосед. — День прибавился на одну минуту.

В хлопьях снега сосед был похож на древнего кудесника.

Мальчику было не до солнцеворота. Он ничего не ответил.

— Что-нибудь случилось? — вслед ему крикнул Иван Рахилло.

— Случилось! — ответил мальчик, и сердце его сжалось.

Он тихо отворил дверь и вошёл в бабушкину комнату. Горел слабый свет. Бабушка лежала в постели с закрытыми глазами. Стараясь не наступать на скрипящие половицы, он подошёл к овальному столу и поставил ненужный пузырёк с каплями рядом с блюдечком, на котором лежала пипетка. Он осмотрел бабушкину комнату и неожиданно почувствовал, что комната сама по себе очень дорога ему. Помимо плюшевого дивана с зелёными кисточками, стола на витой ножке, в комнате стоял платяной шкаф. Несколько венских стульев со спинками, изогнутыми, как трамвайная дуга.

Юный Шаров знал, что в верхнем ящике комода хранится обгорелый лоскуток боевого знамени. Его привёз с войны дедушка. Он

ворвался в охваченный пламенем блиндаж, где все были убиты прямым попаданием снаряда, и вынес горящее полковое знамя...

Когда мальчик принёс в класс опалённую частичку знамени, ребята с замирающим сердцем разглядывали её и завидовали Шарову. Ведь это его дедушка спас знамя!

А Баваклава никакого знамени не спасала, но в годы войны она вы́ходила своего маленького сына — будущего отца юного Шарова. По ладожскому льду, едва живого, вывезла его из осаждённого Ленинграда, прикрывая собой от фашистских осколков и ледяного ветра. В незнакомой Костромской области работала в колхозе, а после работы ещё косила сено и меняла его на молоко. На кружку молока для сына! Про неё местные говорили: «Ты, Клавдия, хоть и городская, но двужилная!» А она не была двужилной, едва волочила распухшие ноги, но шла. Шла, как солдат идёт в бой. Если б не эта кружка молока, сын бы не вытянул... Отец часто вспоминает корову Милку, которая поила его молоком в голодные военные годы. А юный Шаров пьёт молоко не от коровы, а из магазина. Отрезает уголок картонной пирамидки ножницами и пьёт сколько хочет...

Мальчик посмотрел на Баваклаву и подумал: «Как можно так долго не дышать! Не хотеть есть, ничего не видеть и не слышать! Лежать неподвижно». Он вдруг испугался этой неподвижности. И тогда взгляд его упал на старые стенные часы. Две большие латунные гири лежали на полу, а маятник замер... Юному Шарову было на строго запрещено заводить часы, потому что однажды он сорвал гирю и из неё посыпалась дробь. Баваклава долго ползала по полу, собирала дробинки, а он помогал ей, но часть дробинок клал себе в карман...

Сейчас надо было разрушить эту неподвижность! Пусть хоть маятник движется, прищёлкивает, шагает...

Он подошёл к стене, взялся за колечко и потянул цепь. Гиря оторвалась от земли и, как полное ведро из колодца, тяжело поплыла вверх. Мальчик перевёл дух и поднял вторую гирю. Потом легонько подтолкнул маятник — и часы ожили, заходили, торопясь наверстать упущенное время.

Юный Шаров повернул голову. Бабушка спала. Не увидела, как он, вопреки запрету, завёл часы. Не услышала хода часов. Спала...

Мальчику захотелось позвать её: «Вставай! Опоздаешь!»

Куда опоздает Баваклава? Убирать за ним ботинки? Подогреть суп и котлеты? Мыть посуду?

Часы вдруг захрипели, откашлялись и стали бить. Они били гулко и, как показалось юному Шарову, весело. Часы проснулись. Ожили. А Баваклава спала...

И тут юный Шаров совершенно серьёзно подумал, что жизнь в доме остановится, если бабушка не проснётся. Остановится, как часы, у которых кончился завод.

Ему никогда и в голову не приходило, что можно жить без неё. Она была чем-то насущным и вечным, как воздух, вода, хлеб. Она была тем вечным двигателем, который приводил в движение жизнь дома. Отец и мама целый день были на работе, юный Шаров — в школе. А дом жил: в нём варился обед, стиралось бельё, выметался мусор, гладились брюки, чтобы не было пузырей на коленках. Делалось множество больших и малых дел. И всё это — руками бабушки. Сердце Баваклавы не только разгоняло кровь по старым жилам, но и обогревало дом, делало его живым.

Он наклонился над бабушкой и заглянул ей в лицо. Бабушкино лицо было такое же, как всегда. Приветливое. Спокойное. Виноватое.

Виноватое? Может быть, бабушка чувствует себя виноватой, что лежит сложа руки и не может накормить внука, постирать ему белую рубашку и к торжественной линейке погладить красный галстук?

«Не может, — подумал внук, — и никогда не сможет. Никогда».

Никогда. Это обычное слово вдруг налилось свинцовой тяжестью, стало жёстким, ледяным. И чем больше мальчик думал о нём, тем страшнее становилось это слово... Можно подождать день, неделю, год... Несколько лет можно подождать. А если ждать всю жизнь и не дожидаться?! Может быть, совсем не ждать? Не ждать, что завтра утром бабушкины руки будут осторожно трясти его за плечи... Кто же поднимет его, если не будет этих рук? Никто, и он будет спать вечно... как Баваклава сейчас?

Когда Шаров не был ещё юным, а был первоклассником — он теперь с усмешкой вспоминал это время, — то начал впервые ставить числа в тетради. Он писал: 1 ноября, 2 ноября, 3 ноября. Так дошёл до двадцатого, до тридцатого. И пошёл дальше: 31, 32, 33, 34... Учительница заметила, остановила его. Сказала:

— Таких чисел не бывает. В ноябре только тридцать дней.

Он очень огорчился. Ему нравилось писать числа всё дальше и дальше.

Придя домой, спросил бабушку:

— Почему не бывает тридцать четвёртое ноября?

— В ноябре тридцать дней, — ответила бабушка, — в декабре будет тридцать один.

— А когда будет тридцать четыре?

— Никогда.

Так он впервые услышал слово «никогда». Он не понял его и про себя подумал: «Когда-нибудь будет... тридцать четвёртое».

Теперь в бабушкиной комнате он снова задумался над трудным значением слова «никогда». Слово наваливалось на мальчика всей своей тяжестью и сливалось с другим таким же трудным словом «бесконечность».

«Всё имеет начало и конец, — рассуждал юный Шаров, — а как же небо? Должен быть у неба конец? Наверное, высокий, тёмный купол, усеянный звёздами, и есть конец неба? А что же за этим куполом? Ещё один купол, побольше?..»

Так он создал свою модель Вселенной. Она напоминала деревянных матрёшек: маленькая вставлялась в большую. Сколько же во Вселенной таких «матрёшек»? Сто? Тысяча? Миллион? Но ведь должна же быть где-то последняя «матрёшка»? А что за последней? Лоб покрылся испариной. Голова гудела. Юный Шаров никак не мог постичь своим умом бесконечность.

Потом он узнал о «чёрных дырах» Вселенной. Эти «дыры», как водовороты, засасывают пролетающие метеориты и лучи соседних звёзд. А один учёный сделал предположение, что «чёрные дыры» — коридоры, ведущие в антимир. «Мир наоборот». Там время движется назад. И если у нас люди стареют, то в «мирах наоборот»: старые становятся молодыми, потом превращаются в детей, потом... Если бы бабушка побывала в таком мире и вернулась бы помолодевшей!..

Так рассуждал юный Шаров, борясь со страшным «никогда». Он закрывал глаза. Тёр ладонью лоб. Пыхтел, будто поднимал тяжесть. Потом его взгляд упал на пузырёк с глазами каплями, и он неожиданно заплакал.

Всю жизнь он обвинял других: родителей, учителей, товарищей... Но больше всех доставалось Баваклаве. Прикрикивал на неё, грубил. Надувался, ходил недовольным. Сегодня он впервые взглянул на себя

со стороны, другими глазами. Какой он, оказывается, чёрствый, грубый, невнимательный. Опаздывал, а то и вовсе не заходил в аптеку. Вот и сегодня принёс свежие капли с опозданием.

Зазвонил телефон. Юный Шаров вздрогнул. Морщась, как от боли, нехотя побрёл к телефону. Трубка показалась ему непривычно тяжёлой.

— Я слушаю.

— Клавдию Ивановну можно?

Этот голос, бодрый и весёлый, донёсся из другого мира, где никто не умер, где всё в порядке. У мальчика не хватило сил сказать то, что есть. Он мучительно думал, как избежать налитого болью слова «умерла».

— Что ты молчишь? — послышалось в трубке.

— Её нет, — выдавил из себя юный Шаров.

— А когда будет?

— Никогда...

— Ты невежа, — послышалось в трубке, и сразу би-би-би...

Весёлый, благополучный мир отключился, умчался вдаль, весело бибикая.

«Она умрёт, когда её забудут, но пока хоть одно сердце помнит её, она жива», — неожиданно подумал мальчик. Эти слова сами всплыли в памяти. Память бросила их ему, как спасательный круг. Она жива! Её жизнь зависит от него, от его сердца.

Он должен жить не только для того, чтобы ходить в школу, гонять на коньках, смотреть по «телеку» хоккей. Он должен жить, чтобы не пропустить самого главного — заводить часы в бабушкиной комнате и хранить лоскуток полкового знамени. Он должен жить, чтобы нести людям то, чему его незаметно научила Баваклава.

Жить для людей.

МАЛЬЧИК С КОНЬКАМИ

1

В солнечный мартовский день в городе начинают таять сосульки. Они отсчитывают целебные капли больной, простуженной зиме.

По городу идёт мальчик с коньками.

Он худой и вытянутый. Всё ему не по росту, всё мало. Лыжные брюки — до щиколоток. Пальто едва достаёт до колен. Руки он держит в карманах, а запястья голые, красные от ветра: рукава коротки. Шея у мальчика тоже длинная, худая. Шарф закрывает её только наполовину. Шарф зелёный, в полоску, с фиолетовым чернильным пятном на самом видном месте.

Кажется, что вчера ещё всё было мальчику впору и что это за ночь он так подрос, вытянулся. А новую одежду не успели купить.

Руки мальчик держит в карманах, а коньки у него под мышкой.

Какой-то он нескладный и неустойчивый. То споткнётся на ровном месте, то налетит на прохожего. То бежит вприпрыжку, то, заглядевшись на машину, останавливается посреди дороги. Глаза у него зелёные, задиристые.

Дерзкий взгляд и независимая походка выдают в мальчике непоседу и драчуна, который среди ребят чувствует себя уверенно, а оставшись один, не знает, куда себя деть.

На пальто не хватает пуговицы. Она вырвана с мясом. Основательно потёртая шапка сидит на одном ухе, оставив второе на холоде. Развязавшийся шнурок волочится по тротуару: некогда с ним во- зиться.

И только коньки, удобно пристроившиеся под мышкой, в полном порядке. Они крепятся медными заклёпками к чёрным ботинкам. Ботинки аккуратно сложены «бутербродиком» и стянуты жёлтым ко- жаным ремешком. Это не какие-нибудь девчачьи «снегурочки», а вполне серьёзные мужские коньки «английский спорт». У них острые крепкие носы. Когда бежишь на этих носсах, ледяные крошки отлетают в стороны, как искры из-под железных подков. Можно быстро бе- жать, а потом встать на полозья и долго скользить по ледяной глади катка.

Эти аккуратные, ухоженные конёчки уж очень не подходят к ко- роткому пальто с оторванной пуговицей и к потёртой шапке, сидящей на одном ухе.

Холодная капля упала мальчику на щеку. Он вытер её свободной рукой и, бросив на сосульки недовольный взгляд, свернул в переулок.

2

У школьников весенние каникулы, а взрослые работают. Поэтому на улицах малоллюдно. А в переулке вообще редко встретишь прохо- жего.

Переулок старый, двухэтажный. Мостовая покрыта ледяной кор- кой. Снегоочистительные машины не заглядывали сюда всю зиму. Сразу видно, что маленький переулок приходится очень дальним родственником большим, главным улицам города.

Мальчик с коньками шагает по переулку. Он сдвигает шапку на другое, замёрзшее ухо — погрейся, твоя очередь! — и прислушивается. Он слышит музыку. Она доносится сюда со стадиона. На больших ули- цах её заглушают машины, а здесь тихо, и музыка слышна. Она дей- ствует на мальчика, как сигнал боевой трубы. Ноги сами начинают ускорять шаг, и развязавшийся шнурок только поспекает постукивать по ботинку.

А хорошо бы на каток опять пришла девчонка в красном пушистом свитере и в синей короткой юбочке! Та, у которой на голове белая меховая шапка. Высокая, как папаха. Из-под шапки у неё торчат две косички. Хорошо бы попробовать дёрнуть её за косичку! Но девчонка такая гордая и неприступная, что в прошлый раз не хватило решимости сделать это. На её глазах он сбил шапки с трёх мальчишек. Один из них был совсем большой. На полголовы выше. От такого вполне можно было получить сдачи. Сегодня он опять собьёт с него шапку, если не хватит мужества дёрнуть девчонку за косичку... А если она уже на катке, уже катается на своих серебряных «снегурочках»? И вдруг большой мальчишка дёргает её за косичку?!

Мальчик с коньками под мышкой уже не идёт, а бежит. Только бы не опоздать! Только бы не опоздать!

И тут в конце переулка он увидел человека. Мальчик не обратил бы на него никакого внимания, но человек оказался единственным прохожим и шёл прямо ему навстречу. Человек был высокий, крупный. На нём белые бурки с кожаными носами и широкая длинная куртка, сшитая из шкуры какого-то чёрного зверя. Шаги у мужчины тяжёлые и неторопливые. А мальчик почти бежал, и поэтому они скоро должны были встретиться.

И вдруг прохожий остановился. Потом он качнулся вперёд и сделал несколько неуверенных шагов, словно собирался упасть. Но не упал, а удержался на ногах. Он беспомощно начал двигать руками, словно искал в воздухе невидимую опору. На этот раз он наверняка бы упал, но рука вовремя ухватила за стену дома.

«Наверное, пьяный», — подумал мальчик, и в глазах его вспыхнул недобрый зелёный огонёк: он терпеть не мог пьяных.

Мальчик брезгливо сморщил нос и ускорил шаг, чтобы поскорее разминуться со встречным.

Когда мальчик поравнялся с прохожим, тот стоял, прислонясь к стене, крепко зажмурив глаза. Лицо его было неестественно бледным. У рта запали две глубокие складки. Он тяжело дышал. Вероятно, тугой воротник куртки мешал дышать. Одной рукой человек держался за каменную стену, другой силился расстегнуть железный крючок воротника. Крючок был цепкий, и у руки не хватало сил освободить его из петли. На лбу у прохожего выступили мелкие бисеринки пота.

Мальчик с коньками невольно остановился. И тогда прохожий

открыл глаза и посмотрел на мальчика. Его глаза смотрели из-под нависших бровей откуда-то издалека. Нет, это не были мутные, шальные глаза пьяного! Они были полны боли и тревоги. И во всём облике этого большого, грузного человека чувствовалась неловкость за свою беспомощность.

Наконец ему всё же удалось расстегнуть крючок. Усталая рука соскользнула вниз, плечи опали под собственной тяжестью. Человек закрыл глаза, но тут же открыл их вновь. Он заметил мальчика и боялся потерять его из виду.

Мальчик ещё стоял рядом. Но ему было некогда. Он боялся опоздать. Зелёные глаза недружелюбно глядели на часто дышащего человека.

Человек молчал. Его грудь тяжело поднималась и медленно опускалась, словно боялась наколоться на что-то острое. А пальцы, только что отцепившие железный крючок, теперь расстёгивали и пуговицы.

Человек молчал.

Мальчик вспомнил, как однажды на улице упал старик и сломал ногу. Он лежал на тротуаре и тихо стонал. Ему было очень тяжело, и вокруг стояли зеваки. Они глазели на несчастного до тех пор, пока за ним не приехала «скорая помощь»...

Может быть, и этому человеку неприятно, что рядом с ним стоит незнакомый мальчишка?

И вдруг человек сказал:

— Сынок...

Он произнёс одно только слово и начал часто дышать. Видимо, у него не хватало сил на остальные слова.

Услышав слово «сынок», мальчик с недоумением посмотрел на незнакомца. Так называла его мама. Это было мамино слово. А от мужчины он слышал его впервые.

Незнакомец опять собрался с силами и заговорил:

— Помоги мне добраться до дома... Здесь недалеко.

Мальчик молча подставил плечо. Человек неуверенно отнял руку от стены и опёрся на плечо мальчика. Он был большой и тяжёлый, а мальчик был худой и неустойчивый. Незнакомец старался полегче опираться на мальчика. И они пошли по улице.

Сам не замечая этого, мальчик всё время ускорял шаги. Музыка с катка сладко вливалась в ухо. Она манила, звала, требовала. Маль-

чику показалось, что он и впрямь может опоздать, что, если он придёт пятью минутами позже, всё кончится. И уже не будет ни льда, ни музыки, ни вереницы бегущих ребят...

А больному человеку было трудно передвигать ноги. Каждый шаг отдавался в сердце. Он старался не отставать от своего беспокойного поводыря, но у него не хватало сил. И несколько раз он останавливался, чтобы перевести дух. Тогда он чувствовал, мальчик ёрзает под его рукой и нетерпеливо оглядывается. Всю дорогу ни большой, ни маленький не проронили ни слова. Их связывал неприятный случай. Один из них был в тягость другому. Они понимали это, и обоим хотелось поскорее расстаться.

Наконец у низкого подъезда человек остановился. Видно было, что это конечная остановка. Человек вытер со лба холодный пот и, ни к кому не обращаясь, будто сам себе, сказал:

— Зашевелился осколочек. Сколько лет не беспокоил — и вот на тебе!

Вероятно, он чувствовал себя виноватым перед мальчиком и решил часть вины переложить на «зашевелившийся осколочек».

Мальчик насторожился и с недоверием поднял глаза на мужчину:

— Какой осколочек?

— Обыкновенный, брат, от снаряда... Вот ведь война когда кончилась, а осколочек остался, — сказал мужчина и показал пальцем на грудь.

Он ещё стоял, прислонясь к стене, а мальчик внимательно рассматривал его. У человека всё было крупным: и нос, и губы, и подбородок с глубокой ямочкой. На щеках шершавая щетина.

— Пойдём, что ли, — сказал мужчина, открывая дверь подъезда. — Тяжёлый тебе солдат достался.

И они двинулись дальше.

3

Когда они поднимались по лестнице, человек сильнее опирался на плечо мальчика. Другой рукой он цепко хватался за перила, будто страшился, что ступенька уйдёт у него из-под ног. Ему было больно. А мальчику тяжело. Но оба терпели. Мальчик думал об осколке, который зашевелился в груди у незнакомца, и ему на минуту показалось, что он ведёт бойца, только что раненного разорвавшимся снарядом.

А человек думал, как бы поскорей добраться до постели.

Очувтившись дома, человек стал стягивать с себя меховую куртку.

Он делал это с такими усилиями, будто она весила по меньшей мере два пуда.

Наконец ему удалось освободиться от этой тяжести. Под курткой была гимнастёрка военного образца и синие брюки. На гимнастёрке с правой стороны над кармашком была пришита потемневшая полоска галуна. Эта полоска — знак тяжёлого ранения — как бы подтвержда-ла, что человек занемог старой военной болезнью.

Пока человек раздевался, мальчик стоял в сторонке и следил за ним. Сам он не снял пальто, даже не вынул из кармана руки, которая локтем придерживала коньки «английский спорт».

Человек тяжело опустился, почти упал на диван. Старые пружины жалобно скрипнули. Человек откинулся назад и закрыл глаза.

А мальчик продолжал стоять перед ним. Он был растерян и не знал, что полагается делать в подобных обстоятельствах. Перед ним лежал человек. Не просто заболевший гриппом или ангиной, а старый боец с осколком в груди. Зелёные глаза мальчика, привыкшие бесце-ремонно разглядывать всё, что ни попадётся, сейчас утратили свою дерзкую самоуверенность. Они вопрошающе смотрели на человека, с которым судьба свела его в переулке по дороге на каток.

Трудно сказать, сколько времени человек лежал с закрытыми гла-зами. Когда он поднял веки, мальчик всё ещё стоял перед ним: в ко-ротком пальтишке без пуговицы, с шапкой, надвинутой на одно ухо, с коньками под мышкой.

— Ты ещё здесь? — спросил раненый, почти не шевеля губами.

— Ага.

— Ты иди. Теперь я сам управлюсь... А за помощь спасибо. — Человек глотнул воздух и спросил: — Спешить?

Только сейчас он заметил под мышкой у мальчика коньки.

«Да, да!» — эти два коротких слова должны были сорваться с губ мальчика, но вместо них прозвучали совсем другие:

— Я не спешу... я уже был на катке.

Он сам удивился, что произнёс именно эти слова и с такой уверен-ностью, будто на самом деле всё обстояло именно так. Собственные сло-ва огорчили мальчика, но отступать было нельзя.

— Я дождусь кого-нибудь из ваших и пойду.

Ему казалось, что всё это говорит не он, а кто-то другой, помимо его воли. И он уже раскаивался: ведь неизвестно, когда придут до-машние. Может быть, не скоро. Вечером.

— Никто не придёт, — помолчав, сказал человек. — Понимаешь, жена с сынишкой уехали к бабушке. На каникулы. В Сапожок.

— В какой сапожок? — вырвалось у мальчика.

Человек через силу улыбнулся и пояснил:

— Это город такой есть. Вернее, городок рязанский.

Мальчик положил коньки на стул. Этим движением он как бы хотел подчеркнуть, что никуда не спешит.

Он серьёзно посмотрел на своего нового знакомого и спросил:

— Что же теперь делать?

— Да ничего. Отлежусь, и всё пройдёт, — сказал хозяин дома и, словно желая оправдаться перед мальчиком, добавил: — Понимаешь, я ещё ночью в цехе почувствовал себя совсем скверно. Но подумал, что до дома как-нибудь доберусь. И вот видишь...

Он закрыл глаза и провёл ладонью по волосам. Ему, видимо, немного полегчало, и он разговорился:

— Это мне под Орлом так приложило. Пять осколков вынули, а один при себе ношу.

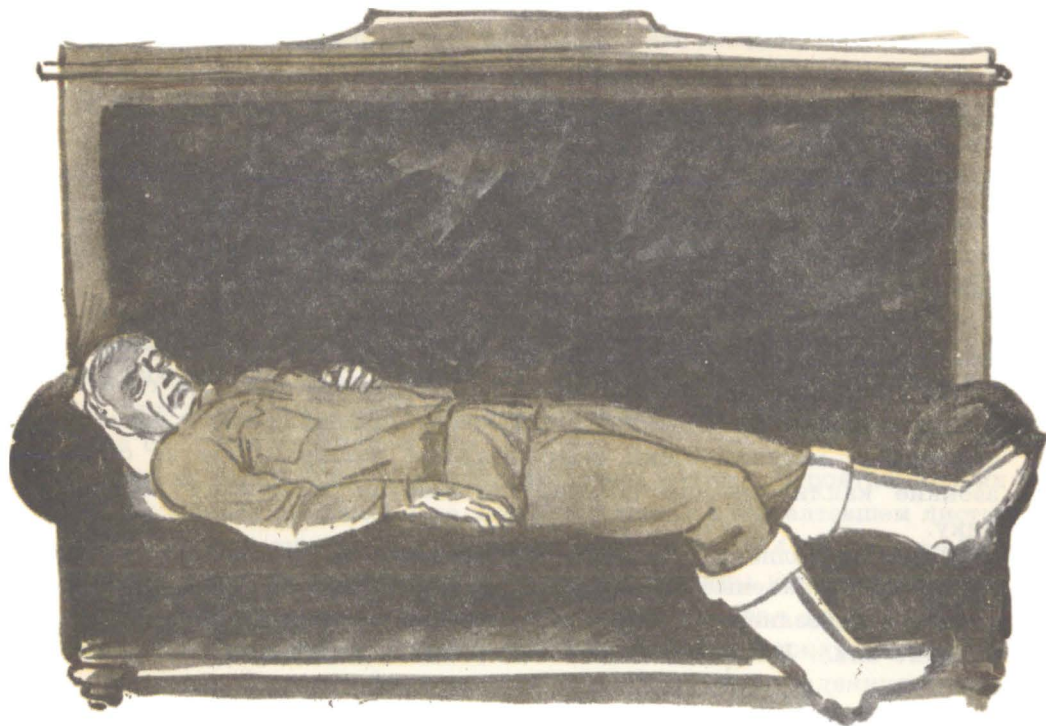
— Кто же это вам... приложил? — осведомился мальчик, стараясь попасть в тон хозяину дома.

— «Фердинанд», танк немецкий... Знаешь, что такое ПТО?

Мальчик покачал головой.

— Противотанковое орудие, — объяснил бывший боец, — пушечка такая. Сорокапятимиллиметровка. Мы, как

кроты, вырылись в землю, а на нас шли танки. Два мы подожгли, а третий нас приложил... Ни расчёта, ни пушки... Ну ничего, всё пройдёт. Вот отлежусь...

И вдруг он снова побледнел, и две складки у рта стали ещё глубже.

— Сходить за доктором? — предложил мальчик.

Раненый мотнул головой. Говорить ему было трудно. Потом он всё-таки сказал:

— За доктором не надо. Разве что за лекарством... Если не очень спешишь.

— Не спешу, — отозвался мальчик. — Где рецепт?

— В столе. Рядом, в комнате. Открой средний ящик. Там где-то заваялся. Болеутоляющее.

Человек не спросил мальчика, как его зовут, и не назвал ему своего имени. А спросить первым мальчик не решался.

В других обстоятельствах мальчик чувствовал бы себя очень скверно, очутившись в чужом, незнакомом доме, но тревога, которая всё больше и больше овладевала им, заглушала неловкость, как большая боль заглушает малую. И поэтому он без особых колебаний отворил дверь в соседнюю комнату.

Комната была залита жёлтым солнечным светом. Будто и впрямь есть такая жёлтая, светящаяся краска, которая не высыхает ни на полу, ни на стенках, ни на книжной полке, ни даже на глобусе. Мальчик зажмурился — солнечная краска брызнула ему в глаза — и услышал металлический стук пишущей машинки. Это за окном звонкие капли тающих сосулек стучали по железному подоконнику.

Весенняя солнечная комната была совсем не похожа на ту, где сейчас лежал раненый боец. Комната, наверно, ещё не знала, что произошло с её хозяином, и у неё было отличное настроение. И календарь тоже не знал. На сегодняшнем листке было написано: «Партком в 4 часа».

Мальчик подошёл к столу. Но, прежде чем выдвинуть средний ящик, он заметил учебник и две тетрадки. Это был учебник физики для шестого класса. А на тетрадках были написаны имя и фамилия владельца — «Сергей Бахтюков. 6 «А». Это он, Сергей Бахтюков, сейчас отдыхает с мамой у бабушки в рязанском городе Сапожке.

Глаза мальчика недовольно сверкнули. Он отшвырнул тетрадки и осторожно открыл средний ящик стола.

Ящик был доверху набит бумагами, чертежами, фотографиями, а также множеством разных вещиц, не представляющих на первый взгляд никакой ценности. Чем, например, может привлечь курительная трубка, изогнутая как знак вопроса, или старая цепочка от часов, или лезвие в пакетике, напоминающем фантик?

Разыскивая рецепт, мальчик старался не разглядывать эти чужие вещи, но они притягивали его, как магнит. Он взял в руки трубку. От неё пахло пожаром. Наверное, солдат курил эту трубку в последний раз на фронте у своей пушечки ПТО. Мальчик вдохнул в себя запах трубки и бережно положил её обратно. Потом ему попалась фото-

графья хозяина дома. Он был снят в военной форме, молодой и худощавый. Может быть, это не хозяин, а его младший брат? С ямочкой на подбородке. Нет, это он сам. Вероятно, когда он снимался, в его груди ещё не было никаких осколков от снаряда.

А потом в руки мальчику попала алая коробочка. Стыдясь самого себя, он не удержался и открыл её. В коробочке лежал орден. Самый настоящий орден Красного Знамени. Мальчик взял орден и положил его на ладонь. Орден был прохладный и тяжёлый.

Мальчик подержал его в руках, и запонки, и перочинный ножик, и лезвия безопасной бритвы с надписью: «Нева». Ему никогда не приходилось встречать в таком количестве мужские вещи. Да откуда было им взяться, ведь в своём доме он был единственным мужчиной. Его тянуло к этим вещам. Он испытывал почти физическое удовольствие от прикосновения к ним.

Наконец рецепт нашёлся. Он был очень старый. Вероятно, хозяин не пользовался им уже много лет. На маленьком пожелтевшем листке стоял лиловый штамп: «Санчасть, полевая почта 31497». Рецепт был написан рыжими чернилами. Казалось, что буквы когда-то сверкали и лишь от времени поржавели. Мальчик разобрал только первую строчку: «Старшине Л. Бахтюкову». Дальше шла непонятная латынь.

Мальчик бережно взял рецепт в руки и тихо задвинул ящик. Потом его взгляд скользнул по тетрадкам Сергея Бахтюкова 6 «А». Он почему-то сжал кулак и погрозил тетрадкам.

И вдруг мальчик почувствовал, что его тянет к человеку, который с осколком в груди лежит в соседней комнате. К большому бесстрашному мужчине, которому принадлежит боевой орден в красной коробочке, прокуренная солдатская трубка, пахнущая пожаром, и лезвие «Нева».

Почему этот большой, сильный человек беспомощно лежит на диване, а он, мальчишка, задиристый, но на деле не такой уж сильный, может бегать по улицам, смеяться и сбивать шапки у встречных шкетов?

5

Мокрый, тающий снег пахнет сыроежками. Он шуршит под ногами. Ему уже не белеть на крышах, на мостовой и на воротниках прохожих. Много месяцев будет он журчать в ручьях, петь в водопровод-

ных трубах, дружить с кораблями. И только в декабре он вернётся обратно, белый, нетронутый, без единого пятнышка.

Как он будет не похож на этот серый, истоптанный, тающий снег, который путается под ногами накануне своих волшебных превращений!

Мальчик не замечает запаха сыроежек. Он бежит. Спотыкается. перепрыгивает через лужи, соскакивает с тротуара на мостовую. Лыжные брючки, едва достающие до щиколоток, забрызганы. Шарф совсем размотался, пола коротенького пальто развевается: пуговицы-то не хватает.

Но кажется, что ему малы не только брюки, и пальто, и шапка. Нет, ему не впору тротуары и мостовые, улицы и площади. Весь город тесен ему. С тревогой, неожиданно обрушившейся на его плечи, он не вмещается в родной город.

Мальчик задевает на ходу прохожих, натывается на фонарные столбы. Тесно! Навстречу несутся машины. Разве в городе нет для них других улиц!..

Окоченело левое ухо: шапка надета на правое. На болтающемся шнурке выросла целая сосулька. Но в замёрзшей руке, как волшебная лампа Аладдина, зажат пузырёк с лекарством.

И вот он, с трудом переводя дыхание, входит в дом и тихо затворяет за собой дверь. Человек лежит с закрытыми глазами.

«Уснул, — думает мальчик, — значит, отлежался. Вот и хорошо».

Он ставит пузырёк с лекарством на стол и обветренной рукой неловко заматывает шарф вокруг шеи. Теперь он принадлежит самому себе.

Можно уходить.

Он смотрит на спящего раненого бойца почти с любовью. И ему становится неловко перед самим собой за это непонятное чувство. Он не узнаёт самого себя... Встречаются мужчины, рядом с которыми любой мальчишка чувствует себя сыном. Их отцовская власть незаметно распространяется даже на тех, кто считает себя очень взрослым и самостоятельным.

Мальчик встретил такого человека, а теперь ему надо с ним расставаться.

А человек не открывает глаз. Он, видно, справился со своим осколочком и теперь крепко спит. И мальчику ничего не остаётся, как молча попрощаться с ним и уйти. Он идёт на цыпочках, чтобы не

заскрипели половицы. Он доходит до двери и свободной рукой тянется к замку. Замок не слушается его: он признаёт только своих.

И вдруг мальчик вздрагивает. Он слышит тихое, далёкое слово «сын»». Это человек зовёт его? Мальчик прислушивается. В квартире тихо. Только звонкие капли тающих сосулек стучат в подоконник. Никто его не зовёт. Это только показалось.

Мальчик стоит перед дверью и думает о том, что сейчас он уйдёт и никогда уже не увидит этого человека. Не ощутит на своей ладони холодную, торжественную тяжесть ордена Красного Знамени. Не вдохнёт в себя таинственный запах старой трубки. Он медленно поворачивается и возвращается в комнату. Здесь всё неподвижно, как в сонном царстве. Спят двери, спят лампочки, спят половицы. Уснули вместе с хозяином. Балансируя рукой, мальчик идёт на цыпочках: боится, что половицы проснутся и заскрипят.

Он подходит к дивану. Человек по-прежнему лежит без движения, спит.

А вдруг он умер?!

Эта мысль ошеломляет мальчика. Забыв о предосторожности, он наклоняется к спящему. Он кладёт ему руку на плечо и начинает легонько трясти. Раненый боец не открывает глаз. Может быть, позвать его? По фамилии, которая написана на старом военном рецепте. Он зовёт:

— Бахтюков... Дяденька Бахтюков!

Раненый боец вздрагивает и открывает глаза. Значит, он жив. Но почему он молчит? Почему не спрашивает про лекарство? Почему глаза как-то неестественно закатываются и голова безжизненно падает на плечо?

Он жив, но он может умереть.

Что делать? Мальчик стоит рядом. Его глаза расширены. Надо действовать! И, если ты сам не знаешь как, позови на помощь!

Мальчик бросается к двери. Он будит все спящие половицы, и они скрипят, каждая на свой лад. Но он ничего не слышит. Он бежит. Сам ещё не знает куда.

Мальчик перескакивает через две ступеньки. Звенят железные подковки, прибитые к каблукам, чтобы не ступывались. Скорей! Скорей! Подковки высекают искры. Мальчик уже знает, что ему делать: надо звонить в «скорую помощь».

Когда он вбежал в подъезд с синей табличкой «телефон-автомат», там у аппарата стояли две девочки. Одна из них — коротышка с круглым, как луна, лицом — держала трубку и, сложив ладошку рупором, быстро говорила в микрофон. Другая — длинная, с глазами навывкате — что-то нашёптывала на ухо подруге и не переставая хихикала.

— Что он говорит? Что он говорит? — шептала она так громко, что подружке пришлось закрывать микрофон ладошкой, чтобы не пустить туда шёпот.

— Он в кино приглашает, — сказала девочка-луна своей любопытной подружке.

Подружка опять захихикала и зашептала ещё громче — чуть не закричала шёпотом:

— А ты скажи: не пойдём! Скажи: не пойдём!

Она повторяла каждое слово дважды, словно боялась, что подружка-луна не поймёт её с первого раза.

Несколько секунд мальчик молча наблюдал за девочками. Он никак не мог отдышаться.

Наконец он пришёл в себя.

— Кончайте! — сказал он сердито. — Мне в «скорую помощь» звонить надо.

Подружки враждебно посмотрели на мальчишку в коротеньком пальто, и та, что хихикала и подсказывала шёпотом, насмешливо сказала:

— Знаем мы, какую тебе «скорую помощь»! Небось на каток спешишь.

И тут мальчик заметил, что держит под мышкой коньки — они сегодня мешали ему на каждом шагу. Он подошёл к девочкам вплотную и громко приказал:

— А ну, кончайте!

— И не подумаем! — огрызнулась девочка-луна, прикрывая ладошкой микрофон. Потом на минуту оторвала ладошку и сказала в трубку: — К нам тут нахал пристаёт.

Зелёные глаза стали злыми и колючими. Там человек умирает, а эти девчонки смеются и кривляются. Мальчик резко оттолкнул пучеглазую и выхватил трубку из рук её подруги. Девчонки от неожидан-

ности взвизгнули и отбежали в сторону.

— Дурак! — крикнула одна.

— Нахал! — поддержала другая.

Мальчик прижал трубку к уху. Он услышал незнакомый мальчишеский голос:

— Так вы придёте в кино? Чего же вы молчите?

Мальчику показалось, что этот голос доносился совсем из другого мира — беспечного и благополучного. Он нажал рычаг, и тот, кто приглашал девочек в кино, сразу замолчал.

Он набрал номер «03».

В трубке зазвучал молодой женский голос:

— «Скорая» слушает.

От неожиданности мальчик не знал, с чего начать. Он молчал. Голос нетерпеливо повторил:

— «Скорая» слушает. Что у вас?

— Тёгенька, — заговорил мальчик, — человеку плохо.

— Фамилия? — бесстрашно спросил голос.

— Чья фамилия?

— Больного.

— Он не больной, он раненый.

— Где ранен?

— На фронте, под Орлом.

Наверное, там, в «скорой помощи», так привыкли ко всяким необычностям, что даже не поинтересовались, при чём здесь Орёл.

Нетерпеливый голос продолжал:

— Где находится пострадавший?

— Дома.

— Адрес?

Мальчик запнулся. Он не знал адреса. Он так и сказал:

— Я не знаю адреса.

— Так что же ты вызываешь «скорую помощь»? На деревню дедушке, что ли, ехать? Узнай адрес и перезвони.

В трубке раздались короткие гудки. «Скорая» повесила трубку. Мальчик тоже повесил трубку и оглянулся. Девчонок не было. Вероятно убедившись, что нахальный долговязый мальчишка сказал правду, они тихонько выскользнули из подъезда. Может быть, побежали к другому автомату?..

Мальчик вышел из подъезда. Он ненавидел себя за беспомощность, за то, что, убегая, не посмотрел на номер дома раненого бойца. Да и названия переулка он тоже не знал толком: не то Гончарный, не то Дегтярный... Оставалось одно: бежать узнать адрес. Мальчик уже собрался рвануться с места, когда до него донёсся далёкий звук санитарной сирены.

7

По улицам мчалась «скорая помощь». Куда она спешила? К человеку, попавшему в беду? Или возвращалась на стоянку? Или она приняла сигнал бедствия и спешит на помощь раненому бойцу, даже не зная адреса?

Голос сирены нарастал. Он то взлетал под облака, то стремительно падал. Он звучал, как сигнал боевой тревоги.

А что, если эта почти крылатая машина с красным крестом промчится мимо?

Надо остановить её!

И мальчик решился. Он выбежал на середину мостовой и преградил путь «скорой помощи». Расстояние от летящей машины до мальчика было очень небольшим. Оно сокращалось с каждым мгновением. Сирена выла истошно. Она взлетела и больше не падала. Она нагоняла страх. Мальчик закрыл глаза, но не тронулся с места.

И вдруг сирена умолкла. Машина резко затормозила. На мостовой было скользко, и её занесло в сторону.

Когда мальчик с коньками открыл глаза, машина «скорой помощи» стояла совсем близко, развернувшись поперёк дороги. А из распахнутой дверки уже выскакивал бледный шофёр в фуражке с блестящим козырьком. Тяжело дыша от волнения, он подбежал к мальчику и замахнулся, чтобы ударить его. Но сдержался и не ударил. Только заговорил часто и сбивчиво:

— Какого чёрта! Шантрапа!.. Жить надоело? Под машину лезешь! Герой!

Но мальчик был защищён от ругательств невидимой бронёй своего смятения. И обидные слова отскакивали от этой брони, как дробинки. Когда шофёру не хватило воздуха и он замолчал, чтобы сделать вдох, мальчик, не поднимая глаз, сказал:

— Человек умирает.

— Где? — спросил шофёр. Он сразу остыл, почувствовал себя на своем посту.

— Я вам покажу, — ответил мальчик.

Шофёр нахмурился. Когда работаешь в «скорой помощи», готов ко всему. Но такого оборота дела он не ожидал.

Он полез в карман и достал оттуда пачку сигарет. Сунул одну в рот и чиркнул зажигалкой, зажатой в кулаке. Зажигалки не было видно, и казалось, что он извлёк огонь из самого кулака.

— Идём к врачу, — сказал шофёр, — он решит.

Когда мальчик и шофёр подошли к машине, там уже начал собираться народ. Машина «скорой помощи», стоящая поперёк мостовой, успела привлечь зевак. Они толпились у машины, спрашивая друг друга:

— В чём дело?

— Что случилось?

— Кого-нибудь задавили?

Но никто не лежал на мостовой, а к машине быстро шли шофёр в фуражке с лакированным козырьком и долговязый мальчик с коньками под мышкой.

— Арсений Иванович, — сказал шофёр, заглядывая в открытую дверку, — тут у малого с отцом плохо. А у нас вызовов нет. Поедем?

— Что с ним? — спросил из кабины басистый голос, обращаясь к мальчику.

Мальчику хотелось сказать, что шофёр ошибся, что раненый боец вовсе ему не отец, а чужой человек. Но сейчас не было времени для

объяснений. И он, стараясь говорить понятней и убедительней, сказал:

— Лежит без сознания. Раненый он. Осколок зашевелился в груди.

— Поехали! — решительно сказал врач.

Мальчик и шофёр забрались в кабину. Завыла сирена, разгоняя зевак. И, присев на задние колёса, как конь перед скачками, «скорая помощь» устремилась вперёд.

8

Мальчик не знал, застанет он раненого бойца в живых или нет. Поэтому, открывая дверь, он чувствовал, что у него слабеют руки и ноги легонько дрожат в коленках. Всю дорогу он торопился, а сейчас вдруг замедлил шаги. Что, если Бахтюков не дождался его?..

Но медлить нельзя. За спиной стоят врач с чемоданчиком и два санитары с пустыми носилками. А внизу у подъезда дежурит машина «скорой помощи». Мальчик заходит в прихожую. За ним трое мужчин. Они здоровые, в белых халатах поверх пальто. От них сразу становится тесно в квартире.

Человек на диване по-прежнему бледен, глаза его закрыты. Жив он или нет?

От волнения мальчик сжимает в карманах кулаки. Врач берёт Бахтюкова за руку. Он считает удары пульса, поглядывая на часы. Раз считает, значит, пульс есть. Значит, Бахтюков жив. Хотя он не очень похож на живого. Врач засучивает рукав больного до самого плеча и берёт в руки ампулу. Ампула похожа на маленькую сосульку. Врач щёлкает сосульку по носу и ловким ударом отбивает стеклянный кончик. Потом опускает туда стальное жало шприца. Берёт руку человека, лежащего без сознания, и прикидывает, куда бы вонзить иглу.

Мальчик упирается большими пальцами ног в носки ботинок.

Он вспоминает, как в школе ему делали прививку. Его тоже кололи шприцем. Было больно, но терпимо. В общем, пустяк. Но мальчику кажется, что Бахтюкову будет в сто раз больнее. Ведь ему и без укола плохо! Мальчик прижимает локти к бокам и зажмуривается. Игла впивается в руку.

Санитары поставили носилки в угол, а сами сидят на стульях у стола. Носилки большие и тяжёлые. Взгляд у санитаров безразличный.

Они не наблюдают за действиями врача. Они заняты своими мыслями. Им всё знакомо. От постоянной встречи со страданиями и несчастьем их сердца покрылись чёрствой корочкой. У них свои заботы.

— Лестница узкая, — говорит один санитар другому, — боюсь, носилки не пройдут.

— Пройдут, — отвечает другой, — пройдут. Приподнять немного придётся.

— Больной-то тяжёлый.

Мальчик слышит за спиной их спокойный разговор, и ему хочется сказать им что-нибудь обидное. Но он не поворачивается к ним. Он смотрит на Бахтюкова. И Бахтюков открывает глаза.

Он видит мальчика. Мальчик стоит перед ним, как стоял в ту минуту, когда он потерял сознание. Может быть, мальчик никуда не уходил? Так и простоял у его изголовья целую вечность, как бессменный часовой? Бахтюкову хочется улыбнуться этому долговязому, нескладному парнишке. Но вместо улыбки получается болезненная гримаса: очень больно. Он замечает врача и санитаров. Он всё понимает.

— Что будем делать? — спрашивает он врача.

И врач, убирая шприц, отвечает:

— Поедем в больницу.

Бахтюков молчит, потом покорно кивает головой. Взгляд его становится озабоченным. С застенчивой улыбкой он просит мальчика:

— Сынок, будь другом, отправь телеграмму моим в Сапожок.

— Хорошо. Отправлю, — сразу соглашается мальчик.

И ему почему-то становится обидно, что человек сейчас думает о своём Серёжке Бахтюкове. А этот самый Серёжка небось гоняет с ребятами на лыжах...

— Принеси мне бумагу и карандаш.

Мальчик идёт в соседнюю комнату. Календарный листок всё ещё зовёт Бахтюкова к четырём часам на партком... На столе лежат две тетрадки Серёжи Бахтюкова из 6 «А». Мальчик берёт первую попавшуюся и небрежно открывает её. Это тетрадь по литературе. В ней написано сочинение. Большими аккуратными буквами выведено заглавие: «Как я провёл лето». Ни кляксы, ни помарочки. «Чистюля! — презрительно думает мальчик и читает первые строки: — «Лето я провёл в городе Сапожке у бабушки. Это маленький город. В нём много зелени...»

Мальчик вырывает листок из тетради. Вырывает неровно, наискосок — пусть хозяин обязательно заметит, что лист вырван.

Бахтюкову трудно писать. Буквы получаются кривые, будто им тоже плохо и они не держатся на ногах. Он пишет телеграмму в Сапожок, а врач делает запись в свою книжечку. Врач ставит точку, и санитары, как по команде, встают из-за стола. Они ставят носилки на пол. В боевое положение.

Мальчик смотрит на Бахтюкова. И вдруг он думает о том, каким бы он был счастливым человеком, если бы Бахтюков писал эту телеграмму ему, а не Серёже. Он смотрит на него с грустью. Он понимает, что сейчас-то они расстанутся навсегда. Бахтюков пишет долго. А мальчику хочется, чтобы он писал ещё дольше. Чтобы он никогда не кончил писать эту телеграмму.

— Вот, — говорит Бахтюков и протягивает мальчику листок и деньги. — Сделай это, сынок. И вообще спасибо тебе.

Санитары кладут больного на носилки. Мальчик отходит в сторону. Если бы он мог, он сделал бы это один. И сделал бы хорошо. А санитары так трясут Бахтюкова...

Он стоит и не дышит. Ему начинает казаться, что всё это не на самом деле. Показывают в кино, а он зритель. Он по другую сторону экрана. У него под мышкой коньки «английский спорт», а здесь, в комнате, носилки, белые халаты, запах лекарства и человек — большой, хороший, близкий человек — в опасности.

Санитары берутся за ручки носилок.

— Взяли? — спрашивает передний.

— Взяли! — командует задний.

И носилки отрываются от пола.

Они плывут по комнате, по тёмному коридору. Мимо комнаты, залитой жёлтой солнечной краской. В замочную скважину протиснулся один луч солнца. Он прямой и светлый. В нём, как маленькие живые существа, кружатся пылинки. Когда носилки проплывают мимо, солнечный луч касается щеки раненого бойца. Он прощается с хозяином дома.

На улице мальчик говорит Бахтюкову:

— До свиданья.

— Ты ещё здесь? — отзывается раненый боец, и его глубокие большие глаза встречаются с зелёными глазами мальчика, полными печали.

Взвыла сирена. Машина забуксовала, вздрогнула, потом оторвалась и покатила.

А мальчик стоял и смотрел ей вслед, держа в руке неотправленную телеграмму.

9

Что толку в коньках, когда они бессмысленно торчат под мышкой! Будь они на ногах, можно было бы мчаться, сокращая время и расстояние. Но в городе на коньках не очень-то разъедешься. Лёд сколот или посыпан песком. А в Голландии все пешеходы надевают зимой коньки. Там даже старушки катаются на коньках. Но там вместо улиц — каналы, покрытые гладким синеватым льдом.

Коньки помогают, когда они на ногах, а когда их приходится нести под мышкой, то они только мешают.

Опять мальчик спешит. Телеграмму нужно отправить поскорее. Ведь в телеграмме Бахтюков, наверно, зовёт жену и сына, этого противного Серёжку, который пишет сочинения каллиграфическим почерком, без единой помарки. Чёрт с ним! Раз Бахтюков хочет, пусть приезжает Серёжка.

Одному уху всё время тепло, оно под шапкой, а другое совсем замёрзло. Но в спешке всё некогда передвинуть шапку.

Зато на почте тепло. Здесь пахнет красным сургучом, тягучим клеем и ещё каким-то неповторимым почтовым духом. За барьером в глубине стучит телеграфный аппарат. Его звук напоминает капель. Может быть, это таючие сосульки проникли за дверь, на которой висит строгая, как приказ, табличка: «Посторонним вход воспрещён!»

На почте мальчику сразу стало жарко. Он расстегнул пальто и размотал зелёный шарф. В распахнутом пальто он стал походить на галчонка с подбитым крылом. Он подошёл к окошечку, где принимают телеграммы, и протянул листок.

— Это что за каракули? — рассердилась девушка в окошке. — Что ты, получше написать не мог? Не маленький! На́ бланк — перепиши.

Мальчик покраснел от неловкости, но не стал объяснять, что телеграмму писал не он, а раненый, у которого едва хватило сил удержаться в пальцах карандаш.

Посреди почтового зала стояла конторка, похожая на деревянный

гриб. Мальчик прислонил коньки к ножке гриба, а телеграфный бланк положил на шляпку. Не торопясь, стараясь уместить буквы в строке, он вывел адрес. Мальчик старался писать как можно аккуратнее, но почерк у него был нескладный, а буквы получались очень вытянутыми, им были малы строчки телеграфного бланка.

Когда адрес был написан, мальчик тяжело вздохнул — нелёгкая эта работа — и стал писать текст.

«Заболел, — писал он. — Ложусь больницу. Квартиру запер. Отдыхайте. Отец».

Только теперь, когда телеграмма была написана, до сознания мальчика дошёл её смысл. Нет, Бахтюков никого не звал. Он просто сообщал о случившемся. Сердитые зелёные огоньки зажглись в глазах мальчика. Выходит, он для того бежал на почту, чтобы сообщить Серёжке Бахтюкову, что он может спокойно отдыхать, в то время как отец его лежит в больнице и жизнь его в опасности?! Мальчику захотелось порвать телеграмму. Написать новую, свою. В этой телеграмме он на все деньги отругал бы этого Серёжку. Он бы высказал ему всё, что о нём думает... Но он не сделал этого.

Когда телеграмма была написана, у окошечка уже образовалась очередь. Мальчик молча стал в очередь.

Плечи у мальчика опущены. А взгляд зелёных глаз усталый, растерянный. Одна рука держит коньки, а другая свободна. Она болтается просто так, а когда хозяин спотыкается, помогает ему держаться на ногах. Наконец она замёрзла, и мальчик сунул её в карман.

Пальцы нащупали какую-то бумажку. Ах да, это листок из тетради, который не приняли на почте. Мальчик вынимает листок и перечитывает слова, составленные из букв, которые еле стоят на ногах: «Заболел. Ложусь больницу. Квартиру запер. Отдыхайте. Отец».

Отец... Это слово мальчик произносит вслух. Он никогда в жизни не произносил этого слова, и ему хочется знать, как оно звучит. Он не узнаёт собственного голоса. Ему кажется, что кто-то другой произносит это слово. Мальчик представляет себе, как произносит слово «отец» Серёжка Бахтюков. Ему даже чудится, что он слышит его голос. Мальчик морщится, как музыкант от фальшивой ноты.

И вдруг ему начинает казаться, что ни Серёжка, ни его мать не поедут к отцу. Они не покинут раньше срока город Сапожок и не примчатся к человеку, который сейчас страдает в больнице. К человеку, которого зовут «отец».

Он представил себе Бахтюкова одного на больничной койке. И почувствовал, как уголки глаз начинает щипать горькая накапливающаяся слеза.

А что, если сходить в больницу? Просто так, узнать, как здоровье больного Л. Бахтюкова. Передать привет и уйти. Всё человек не будет чувствовать себя таким одиноким.

Да и на каток ему совсем неохота идти. Нет настроения. На каток можно сходить и завтра. Спешить некуда.

Когда людей в трудную минуту не зовут на помощь, а советуют им спокойно отдыхать, спешить не обязательно. Разве это не так?

10

Мальчик сходит со ступенек почты. Он никуда теперь не спешит. Он держит коньки не под мышкой, а в руке. Блестящий полоз холодит руку, но сейчас это не страшно: в городе потеплело, хотя солнце клонится на закат, земля подставляет под его лучи свой продрогший зимний бочок. Греется.

Сосульки сбились со счёта, и теперь их прозрачные капли без передышки стучат о камни, о подоконники, о крыши киосков. Их стук сливается в длинную пулемётную очередь. Это весна бьёт из своего весёлого пулемёта по льдинам и снегам, по вьюгам и морозам.

Мальчик оглядывается вокруг и замечает, что снежный наст в городском сквере осел и напоминает поверхность луны. На его шероховатой, кремнистой корочке виднеются маленькие лунные цирки. И пусть не скоро распустятся почки и прорастёт трава, — на еловых лапах, на самых кончиках, уже появилась свежая зелень. Тёмные прошлогодние иголки жёсткие, а новые весенние иголочки ещё не окрепли, не научились колоться. Дотронься до них щекой — почувствуешь, какие они нежные.

Мальчик с коньками идёт по городу...

Вот уж действительно человек, не следящий за своей внешностью! Даже мысль о встрече с девочкой в белой шапке не может заставить его привести себя в порядок. Интересно, заметила она, что его не было на катке? Или он ей совсем безразличен, как и все остальные шкеты?

Мальчик перешёл на другую сторону и, незаметно для себя ускоряя шаги, направился в городскую больницу,

У каждого дома есть свой запах, даже если дом нежилой. У почты — почтовый запах, у булочной — хлебный, у больницы — лекарственный.

Почтовый запах рассказывает о посылках и бандеролях, о свежих газетах и заморских марках, отмеченных чёрными радугами печатей. Запах булочной рассказывает о поджаристых корочках, о бубликах, усыпанных чёрными дробинками мака, о булочках, залитых сладкой глазурью.

Больничный запах не рассказывает ни о чём хорошем. Он встречает человека на пороге и сразу отравляет ему настроение рассказом о боли и страданиях.

Этот запах встретил мальчика за дверью с надписью: «Приёмный покой».

В приёмном покое торжественная тишина. Это, собственно, не сам приёмный покой, а лишь коридор перед ним. На скользком кафельном полу стоял белый деревянный диван. И больше ничего здесь не было.

Мальчик сделал несколько неуверенных шагов и очутился перед стеклянной дверью. Дверь была приоткрыта. Мальчик заглянул туда и сразу встретился взглядом с дежурным врачом. Врач был в белой шапочке и с большой чёрной бородой. Рукава халата закатаны до локтей. Вид у врача был строгий и, как показалось мальчику, немного свирепый. Заметив посетителя, врач смерил его строгим взглядом и вышел в коридор. Он подошёл к мальчику и задал ему самый неожиданный вопрос:

— Что это у тебя, «английский спорт»? Дай-ка сюда.

Удивлённый мальчик протянул доктору коньки. Тот взял их в руки и попробовал лезвие ногтем: острые они или нет. Врач рассматривал коньки, а мальчик не отрывал глаз от врача. Доктор был молодой. У него не было ни единой морщинки, а щёки были такие румяные, будто их обладатель только что пришёл с катка. Мальчик сделал это открытие, и ему сразу стало легче. Он сказал:

— К вам привезли больного. Его зовут Л. Бахтюков. Как его состояние?

Врач протянул мальчику коньки и почесал бородку.

— Бахтюков? — повторил он. — С осколком?

— Да, да, — подхватил мальчик, — его привезли на «скорой помощи».

— К нам всех на «скорой помощи» привозят, — сказал врач.

Мальчик промолчал.

— Случай тяжёлый. — Голос врача сразу стал теплее, а от строгости не осталось и следа. — Я сейчас узнаю, как дела. А ты посиди здесь на диване. — И доверительно добавил: — Вообще-то здесь не положено быть посторонним. Но случай тяжёлый.

Доктор скрылся в своём приёмном покое, а мальчик сел на диван. Он сел и сразу почувствовал во всём теле такую слабость, что зажмурил глаза. Ему даже показалось, что он уже ни за что не сможет подняться на ноги.

Он слышал, как за стеклянной дверью молодой бородатый доктор звонил по телефону, как он расспрашивал о Бахтюкове, как называл себя доктором Коном из приёмного покоя.

Через некоторое время он снова появился в дверях. Он испытующе посмотрел на мальчика и сказал:

— Вот что. Сейчас отца будут оперировать. Будешь ждать?

— Буду!

Доктор одобрительно кивнул ему головой и скрылся за дверью.

12

Есть люди, созданные для сидения на месте. Их девиз: в ногах правды нет. И есть непоседы. Они ёрзают на стуле, с трудом досиживают до конца урока и, стоя в очереди, испытывают ни с чем не сравнимые муки. Из таких людей вырастают путешественники и строители, разведчики и почтальоны. У них правда в ногах, в движении, в смене впечатлений.

Мальчик с коньками принадлежал к такой породе людей.

Почему же сейчас, в приёмном покое городской больницы, он сидит смирно, не ёрзает? Не болтает ногой и не барабанит пальцами по белому больничному дивану? Но это вовсе не значит, что он спокоен.

Его мысли мечутся. Как проходит операция? Больно Бахтюкову или на него действует наркоз?.. Наверное, всё-таки больно.

Мысли переносят мальчика в операционную. Он представляет на операционном столе себя. Он старается причинить себе боль... Для

этого он вспоминает, как однажды летом наступил босой ногой на гвоздь. Гвоздь вошёл глубоко. Сначала было не очень больно. Потом ранку обожгли йодом. От боли он прыгал на одной ноге. Потом боль стала тупой и долгой...

Мальчик почти физически ощутил эту боль. Он даже пошевелил ногой в ботинке.

Но Бахтюкову, конечно, ещё больнее.

И вдруг мальчик мысленно очутился возле города с гордым названием Орёл. Он видит степь с птичьего полёта. Сверху огневые позиции противотанковых орудий похожи на кротовые норки: вокруг каждой — насыпь из свежей земли. А фашистские танки, которые ползут по степи, похожи на жёлтых черепах. Черепахи медленно приближаются к кротовым норкам.

Он видит, как над кротовыми норками замелькали вспышки. Это ПТО открыли огонь по танкам. Вот один танк остановился. Из него повалил густой чёрный дым. Этот дым разрастается. Он ползёт по траве, застилает черепах и кротовые норки. Уже не видно, что делается на земле. Только в дыму сверкают вспышки ПТО, как в туче отблески молний.

Мальчику кажется, что он идёт по земле, разгребая дым руками. Дым густой, как вода, он мешает идти. Земля чёрная. Она пахнет пожаром, как старая солдатская трубка в письменном столе Бахтюкова.

Вот пушка Бахтюкова... А вот сам Бахтюков. Худой, похожий на младшего брата нынешнего Бахтюкова. На нём гимнастёрка с расстёгнутым воротом... Пушка ПТО стреляет. После каждого выстрела она приседает, а ствол откатывается назад, будто хочет спрятаться, но потом раздумывает и возвращается обратно. А Бахтюков кричит: «Огонь! Огонь!»

И чем громче кричит Бахтюков, тем сильнее стреляет пушка.

«Огонь!» — кричит Бахтюков, и пламя срывается с губ Бахтюкова. И переносится на танк. И танк горит.

Но следующий танк успевает выстрелить. Бахтюков падает. Пушка опрокидывается. Колёса беспомощно вращаются.

...Бахтюков лежит в траве. Он бледный, с непокрытой головой. На белых бурках кровь... Да нет, не на бурках — на сапогах...

Бахтюков большой и тяжёлый, но мальчик несёт его на руках... Он прикрывает его собой от осколков фашистских «фердинандов».

Сердце стучит громко. На весь приёмный покой. Нет покоя в приёмном покое.

Сюда привозят больных, измученных людей. Здесь тревожатся о своих близких. В насмешку, что ли, назвали это место «покоем»?

Мальчик ждёт. Он сидит на месте. Но мысли его беспокойны. Нет для него сейчас ни катка, ни города, ни дома. Есть только раненый боец. Он командует мыслями мальчика, и мысли подчиняются одному ему.

13

Оказывается, мысли тоже устают. Они замедляют ход. Перестают метаться. Но они не дремлют. Они ждут.

Мальчик устало прислонил голову к стене. Его глаза смотрят в одну точку. Они уже не видят ни окопа ПТО, ни фашистских танков.

— Кто от Бахтюкова?

Мальчик вздрагивает и вскакивает с дивана:

— Я!

Перед ним пожилая медицинская сестра. Она такая полная, будто надела халат поверх шубы, как санитары «скорой помощи».

— Ты? — произносит сестра густым, почти мужским голосом.

Она говорит степенно, с расстановкой, будто читает по бумажке.

— Операция была тяжёлая. Больной потерял много крови. Но всё обошлось благополучно. — И вдруг по-бабьи жалостливо смотрит на мальчика и говорит совсем другим, женским голосом: — Ты не волнуйся. Будет жить отец. Организм у него могучий.

— А скоро он поправится? — спрашивает мальчик.

— До зелёных листиков полежит, — говорит сестра. — Теперь беги домой. Скажи матери, чтобы не волновалась... А это тебе на память. — Сестра протянула мальчику маленький кусок ржавого железа.

— Что это? — Мальчик вопросительно поднял глаза на сестру.

— Осколок.

Это был тот самый осколок, который через много лет после конца войны вдруг ожил и пытался сделать то, что ему не удалось там, в степи под Орлом: поразить сердце бойца.

— У самого сердца отыскался, — пояснила сестра и, спохватившись, заторопилась: — Ну, мне пора. Передать что-нибудь отцу?

Мальчик задумался. Что передают сыновья больным отцам?

— Передайте, что дома всё в порядке. Целуют его... всё. И пусть скорее поправляется.

Слова показались ему сухими, но других слов мальчик не знал.

Он сжал в кулаке осколок и почувствовал боль: у осколка были острые края.

Сестра ушла. Она ушла туда, где в тихой палате, весь в бинтах, лежал бывший старшина Бахтюков. Он лежал с открытыми глазами и скрипел зубами от боли.

Сестра подошла к нему, поправила подушку и, как бы невзначай, сказала:

— Какой у вас хороший сынок!

— Сынок? — Бахтюков, забыв про боль, слабо улыбнулся.

— Он всю операцию в приёмном покое просидел. Волновался.

— Сынок, — прошептал Бахтюков и почувствовал, что боль стала слабее.

Значит, телеграмма пришла вовремя. Значит, сын, узнав о его болезни, не пожелал отдыхать, а примчался в родной город!..

Человеку было невдомёк, что никакая телеграмма-«молния» не могла так быстро дойти до далёкого города Сапожка и тем более привезти ему сына.

14

В городе стемнело. Уже не видно лунных цирков на корочке осевшего снега. Уже на ёлочках нельзя различить молодые, нежные иголки от старых, колючих и жёстких. Уже скрылись из глаз скользкие серебристые сосульки. Но, хотя земля повернулась к солнцу другим бочком, в городе тепло и невидимые сосульки продолжают таять.

По городу идёт мальчик с коньками под мышкой.

В темноте не видно, что одна пуговица вырвана с мясом, а на шарфе чернильное фиолетовое пятно. И не видно, что он вырос из пальтишка и из лыжных брюк. Всё ему коротко, всё не по росту. Но кто виноват, что мальчишки так быстро растут?

На каком уже сидит старенькая шапка? Не всё ли равно! Когда весна своим теплом, влажным дыханием касается лица, это не имеет

значения: уши не мёрзнут. И только ботинки, набегавшиеся за день по лужам, промокли, и ногам холодно.

Мальчик думает о высоком, крупном человеке в меховой куртке, сделанной из шкуры чёрного зверя, и о боевом ордёне, и о прокуренной трубке, и о рецепте, выданном санчастью с номером полевой почты. Он думает о человеке, которого ему недоставало всю жизнь. И теперь этот человек нашёлся, но он принадлежит не ему...

На месте Серёжи мальчик бросил бы всё на свете и примчался к отцу... Нет, он бы вовсе не уезжал от отца ни к какой бабушке, ни в какой Сапожок. Он бы всегда был рядом с ним, чтобы в любую минуту прийти на помощь.

Мальчик не замечает, как справа от него вырастает забор стадиона. На катке уже не звучит музыка, не горят весёлые лампочки и не слышно зазывного шороха, который издают коньки, разрезающие лёд.

Под единственной лампочкой на воротах висело объявление:
«Ввиду тёплой погоды каток закрыт».

Мальчик сжал кулак и почувствовал боль. В руке был зажат осколок, который мог вонзиться в сердце Бахтюкова. Мальчик сжал кулак крепче, и ему стало ещё больней.

И вдруг мальчик обрадовался. Он может терпеть боль, и ему наплевать, что каток закрыт. И он смеётся над счастливым Серёжкой, хотя у того есть отец. И человек, назвавший его сынком, будет жить и поправится до зелёных листиков. И хотя ноги мёрзнут, это хорошо, — значит, в городе много луж, значит, весна спешит и скоро появятся эти самые зелёные листики.

Мальчик расстегнул своё коротенькое пальто, переложил коньки в другую руку и зашагал домой.

СОДЕРЖАНИЕ

Повести

БЫЛ НАСТОЯЩИМ ТРУБАЧОМ	3
ВЕРНЫЙ ДРУГ САНЧО	59
<i>Часть первая. Санчо и жёлтый змей</i>	61
<i>Часть вторая. Вива Санчо!</i>	117

Рассказы

БАВАКЛАВА	167
*МАЛЬЧИК С КОНЬКАМИ	191

ДЛЯ МЛАДШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Юрий Яковлевич Яковлев

Был настоящим трубачом

Ответственные редакторы

Г. В. Жарова и Л. П. Серебрякова.

Художественный редактор

А. Б. Сапрыгина.

Технический редактор

Т. Д. Юрханова.

Корректоры

Л. А. Рогова и Е. А. Флорова.

Сдано в набор 11/V 1976 г. Подписано к печати 25/XI 1976 г. Формат 70×90/16. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 14. Усл. печ. л. 16,38. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 100 000 экз. Заказ № 210. Цена 78 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Яковлев Ю. Я.

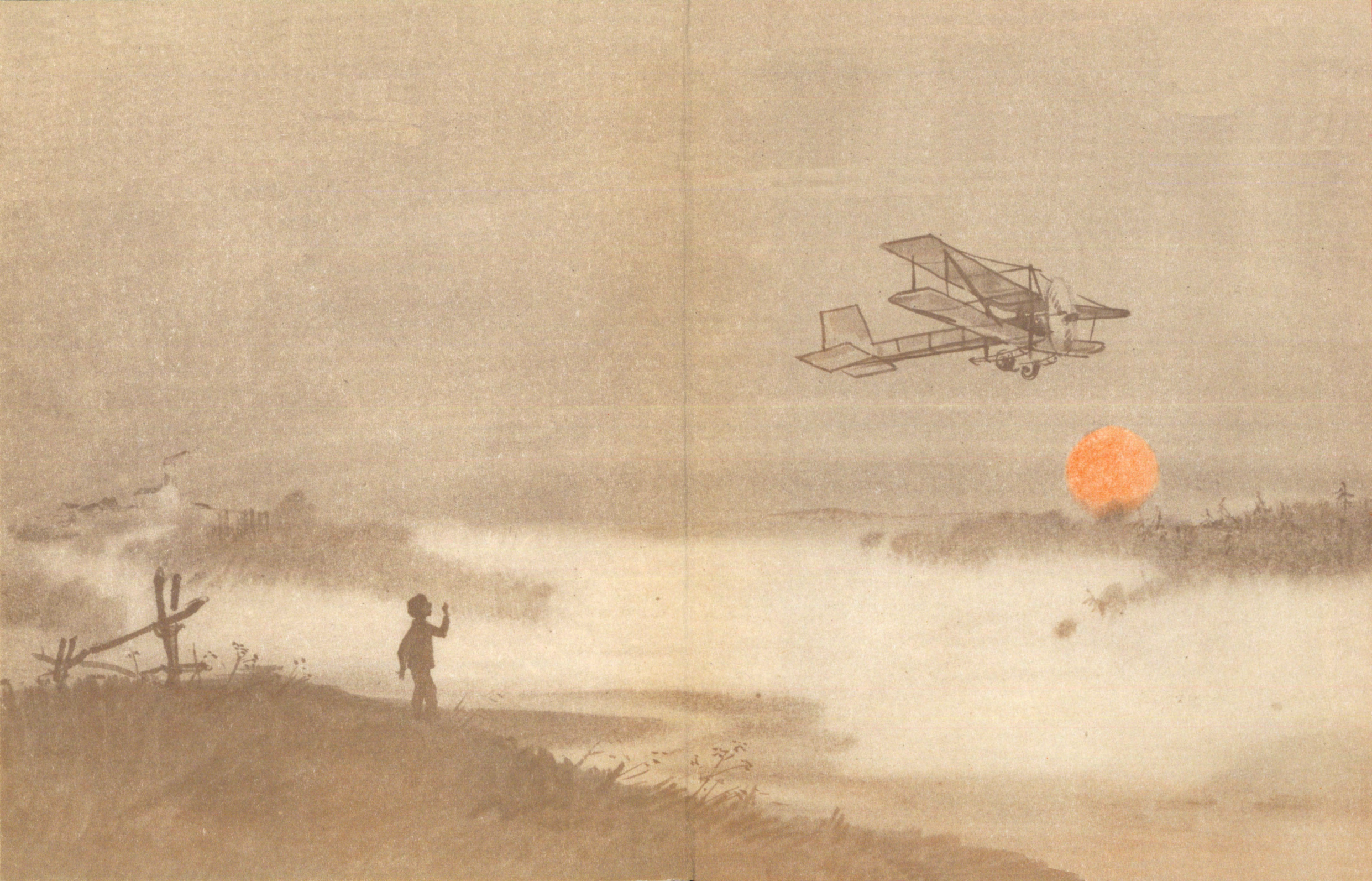
Я47 Был настоящим трубачом. Повести и рассказы. Рис. Г. Мазурина. М., «Дет. лит.», 1976.

223 с. с ил.

В книге рассказывается о четырёх мальчиках. Они живут в разное время, но их объединяет благородство и бесстрашие, готовность всегда прийти на помощь своим друзьям.

70802—613
Я М101(03)76 222—76

P2

Цена ~~78~~ коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»